

9

2023

ISSN 0132-1625

СОЦИОЛОГИЯ

Социальное настроение
россиян после начала СВО

«Дороги, которые
мы выбираем»
после школы

Техносоциализм: концепция или фейк?

О чем говорит статистика
докторских защит
по социологии?

Экономическая элита Крыма:
подвижки после 2014 г.

Журнал основан
в июне 1974 года

СОДЕРЖАНИЕ

XXV ХАРЧЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

- 3 ДЕМИДЕНКО С.Ю., РОМАНОВСКИЙ Н.В. Теоретическое осмысление социальной реальности: к 25-летию «Харчевских чтений»
- 16 ДЕВЯТКО И.Ф. Проблема ориентации искусственного интеллекта на человеческие ценности (AI value alignment) и социология морали

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

- 29 МЕРСИЯНОВА И.В., БРЮХНО А.С. Социальное настроение россиян: структура и влияние на помогающее поведение
- 41 КОЛЕСНИК Н.В. Экономическая элита Крыма после 2014 г.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

- 51 ЧЕРЕДНИЧЕНКО Г.А. Перемены в после-школьных траекториях молодежи: социальная дифференциация
- 63 ДИДКОВСКАЯ Я.В., ТРЫНОВ Д.В., ЧИСТЯКОВ П.А. Профессиональные стратегии студентов в контексте образа социального будущего

КАФЕДРА. КОНСУЛЬТАЦИИ

- 78 ЗЫРЯНОВ В.В. Докторские диссертации по социологии в 2012–2022 гг. в России: тематика, тренды, проблемы
- 89 Докторские диссертации по социологии, утвержденные ВАК Министерства образования и науки РФ в 2012–2022 гг.

ЮБИЛЕИ

- 103 Зборовскому Г.Е. – 85 лет
- 104 ДОКТОРОВ Б.З. «Через всю свою жизнь в социологии я пронес интерес и любовь к ней» (интервью с Г.Е. Зборовским)
- 115 Синельникову А.Б. – 70 лет
- 116 Поздравляем А.Е. Чирикову
-

ДИСКУССИЯ. ПОЛЕМИКА

- 117 ДАВЫДОВ Д.А. Техно(крато)социализм: критический взгляд на идеи Б. Кинга и Р. Пэтти
- 130 КЛЮЧАРЕВ Г.А. Навстречу будущему: непрерывное образование и его легитимация в машинном исполнении
- 139 ЛАТОВ Ю.В. Является ли «техносоциализм» социализмом?

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 149 МУКОМЕЛЬ В.И., ЩЕГОЛЬКОВА Е.Ю. Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения
- 153 ЕФЛОВА М.Ю., МАКСИМОВА О.А. VI Казанские социологические чтения

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД НОВОЙ КНИГОЙ

- 156 КОЛОМИЕЦ В.П. Трансформация книги: медиатизация коллективного опыта поколений

162 ЖУРНАЛЬНЫЙ ГИД

IN MEMORIAM

- 171 Памяти Ю.А. Красина
- 174 Памяти С.А. Шавеля

175 CONTENTS

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ (2-я стр. обл.)

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ (4-я стр. обл.)

При подготовке направляемых в журнал статей просим руководствоваться правилами, указанными на сайте журнала (<http://www.socis.isras.ru/>; <http://www.isras.ru/socis.ru>) или на обложке журнала в № 1 и № 6. Статьи присылать по электронной почте (socis@isras.ru) в формате *.doc и обязательно три печатных экземпляра на адрес редакции. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных данных.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи. Принятие решения о соответствии/несоответствии поступивших статей профилю, концепции и тематике журнала является прерогативой редколлегии и редакции журнала. На основе рецензирования редакция принимает окончательное решение о публикации (или отклонении) статей.

Полная или частичная перепечатка материалов допускается только после разрешения редакции. Ссылка на источник обязательна.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителей, редколлегии и редакции.

Полнотекстовые версии статей выставляются в свободном доступе на <http://www.socis.isras.ru/>, <http://www.isras.ru/socis.html> через три месяца после выхода печатной версии.

По возникающим вопросам обращаться по телефону редакции: +7 (499) 128-84-39 или писать на электронный адрес редакции: socis@isras.ru

© Российская академия наук, 2023

© Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, 2023

© Редколлегия журнала «Социологические исследования» (составитель), 2023

© 2023 г.

С.Ю. ДЕМИДЕНКО, Н.В. РОМАНОВСКИЙ

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: К 25-ЛЕТИЮ «ХАРЧЕВСКИХ ЧТЕНИЙ»

ДЕМИДЕНКО Светлана Юрьевна – научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, ответственный секретарь журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (demidsu@yandex.ru); РОМАНОВСКИЙ Николай Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, зам. главного редактора журнала «Социологические исследования», Москва, Россия (socis@isras.ru).

Аннотация. В статье анализируется работа редакции и редколлегии журнала «Социологические исследования» по проведению 24-х ежегодных научных конференций «Харчевские чтения» (1999–2023). Освещены история чтений, подходы к формированию тематики и состава участников. Обсуждаются ключевые проблемы социологического теоретизирования. Эмпирическую базу составляют программы проведенных конференций; отчеты по их результатам; статьи, публиковавшиеся журналом в связи с чтениями; опыт их организаторов. Отмечена роль чтений в наполнении журнала актуальным для развития социологической науки материалом. Подчеркнуто, что в центре усилий их организаторов стояли вопросы социологической теории, ключевой составляющей развития науки, расширение географии участников, привлечение молодых ученых. Ставятся вопросы о происходящих в социологии переменах.

Ключевые слова: «Харчевские чтения» • теоретическая социология • дискурс теории и методологии • теоретизирование • социальная реальность • журнал «Социологические исследования»

DOI: 10.31857/S013216250027774-4

Из истории Харчевских чтений (ХЧ). Идея проведения чтений зародилась во время подготовки к 25-летию журнала «Социологические исследования». По сути, конференция, организованная к этому юбилею в 1999 г., и стала первыми ХЧ. Было решено назвать их в память о создателе и первом редакторе и проводить ежегодно. Ж.Т. Тощенко, будучи главным редактором СоцИса (с 1995 г.), обсуждал возможность проведения подобного мероприятия с работниками редакции и членами редколлегии. Привлекала мысль обсуждения актуальных проблем социологической науки, особенно общетеоретических вопросов. ХЧ начали проводиться с сознанием того, что ведущий журнал страны не может выполнять свою научную миссию без настойчивого, регулярного обращения к темам и проблемам, определяющим развитие социологической науки в стране и мире.

Авторы благодарят чл.-корр. РАН Ж.Т. Тощенко – идейного вдохновителя и постоянного члена Программного комитета ХЧ – за консультирование в процессе подготовки статьи.

До начала 1990-х гг. статус социологии как науки рассматривался в марксистской интерпретации, а теоретические проблемы изучались в рамках исторического материализма [Тощенко, 2009]. В конце 1960-х гг. на страницах журнала «Вопросы философии» прошла дискуссия о статусе марксистской социологии (участники Г.В. Осипов, А.М. Румянцев, В.А. Ядов). Путь к признанию социологии как самостоятельной науки был долгим. Нашумевшие в свое время «Лекции по социологии» Ю.А. Левады (1968) значительно опередили время, поставив вопросы и к методам, и к содержанию социологии в статусе самостоятельной науки. По воспоминаниям Г. Осипова, автора обвинили в насаждении буржуазных теоретических концепций и взглядов [Осипов, 2008: 16].

Постановление 1988 г. ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» и приказ Госкомитета СССР по народному образованию «О формировании системы подготовки социологических кадров в стране» запустили процесс институционализации социологического образования. Если с 1977 г. социологи готовились по специальности «прикладная социология», то с этого времени она преобразовывалась в «социологию» [Буланова, 2008]. Востребованными становились материалы для студентов и преподавателей.

С первых номеров «Социологических исследований», единственного советского журнала по социологии, публиковались статьи по теории и методологии. С 1974 по 1984 г. в рубрике «Теоретические проблемы социологии» опубликовано 143 статьи. С 1985 по 1991 г. их число составило 12 [Губа, 2015: 29, 35]. В 1981 г. (№ 1 и № 2) развернулась дискуссия о предмете социологии (Н.А. Аитов, А.Д. Козлов, Г.В. Осипов, Ю.К. Плетников, А.Г. Харчев). В период перестройки функции и содержание журнала несколько изменились, значительно уменьшилось число теоретических статей, появилось больше публицистических материалов. Гл. редактор А.В. Дмитриев видел журнал как «надежный инструмент перестройки», публикующий анализ острых социальных проблем, но признавал, что социолог «оказывается перед трудно разрешимой задачей сопоставления результатов собственного исследования с существующими идейно-теоретическими воззрениями», он либо «обращается к мифическим конструкциям, абстракциям, иллюзиям», либо оставляет данные без каких-либо теоретических выводов [Дмитриев, 1988: 3–4]. При этом он не видел целесообразности дискуссии о предметной области социологии в обстановке неразрешимых споров [Каким быть журналу, 1988: 139]. Многие участники той дискуссии не поддержали его (Г.И. Саганенко), полагая, что «существует острейший дефицит теоретического, методологического осмысления проблем, которыми занимается социология» (О.Б. Божков), и его должен восполнять журнал, не концентрируясь исключительно на прикладных аспектах. Развал СССР усугубил ситуацию неопределенности. В 1991 и 1992 гг. теоретические рубрики в журнале отсутствуют, но все же в 1991 г. восемь статей из рубрики «Дискуссия» затрагивают и теоретические вопросы, в частности статьи о предмете социологии (А.О. Бороноев, М.Н. Руткевич, В.Я. Елемеев, В.Н. Орлов и др. в № 5, 1991 г.), о новой парадигме социологического знания (Ж.Т. Тощенко, № 7, 1991). Редакция организовала четыре круглых стола, на одном из них обсуждались теоретические проблемы социально-трудовых конфликтов (№ 12, 1991). В 1993 г. появляется рубрика «Методологические проблемы социологии» (в 1993 г. опубликована одна статья, в 1994 г. – три, в 1995 г. – пять). В 1996 г. она трансформируется в рубрику «Теория и методология», существующую в журнале по сей день. В ней публикуются статьи отечественных и зарубежных ученых. С 1996 г. главным редактором Ж.Т. Тощенко вводится новый рубрикатор статей, который существует до настоящего времени, с небольшими изменениями. И хотя наполняемость рубрики по теории и методологии увеличивается (1996 – 12, 1997 – 20, 1998 – 17, 1999 – 16), в ней встречаются иные по форме материалы – круглые столы, интервью, статьи по истории социологии, переводы. Изменившаяся после распада СССР реальность и отказ от приоритета марксистской методологии, а также бурно развивающееся в стране социологическое образование формируют запрос на обсуждение

основ социологии, постановки проблем преподавания важных теоретических вопросов, их реализации в новых условиях.

Предполагалось, что как научные конференции ХЧ не только будут демонстрировать разработки в области теории и методологии, но и участвовать в производстве этого знания, стимулируя ученых к теоретической работе и связанной с нею публикаторской активностью. Формулировка проблематики чтений некоторым образом сказывалась и на редакционной политике журнала в части формирования теоретических рубрик – обозначались перспективные направления, отбирались лучшие доклады для последующей публикации в виде доработанных статей. Из повседневной работы редакции стало ясно, что мероприятия такого рода по-хорошему «принуждают» потенциальных авторов готовить для журнала статьи по актуальным темам и проблемам отечественной и мировой социологии. Прежде всего – теоретические, что диктовалось и состоянием постсоветской социологии нашей страны, и не вполне тогда ясным, но явно неоптимистическим состоянием социологии зарубежной.

В 1999 г. на конференции журнала прозвучала мысль, что российские социологи прошли этап ознакомления с некогда «закрытыми» теориями зарубежных социологов и научились оценивать российскую действительность в рамках современных теоретических подходов (В.А. Ядов, В.П. Култыгин, А.Г. Эфендиев). Обозначен был и общий подход: мировая социологическая наука едина, – поддержанный участниками этой встречи. Подчеркнем, что и спустя 25 лет, несмотря на сложную политическую ситуацию в мире, этот тезис неизменен, хотя требует иного, более серьезного анализа. Следующий сформулированный тезис: для существенного продвижения требуется выход на уровень метатеорий и специальных социологических теорий (их долгое время именовали теориями среднего уровня) на основе глубокого анализа российской действительности с учетом широких компаративистских подходов [Романовский, 2000].

На третий год проведения ХЧ редакция и редколлегия журнала укрепились в понимании смысла своих усилий. Речь шла не только о становлении нового канала профессиональных коммуникаций и расширении связей. Такие мероприятия «позволяют ориентироваться в процессах более общего плана, находить собственное место в них – позиционировать себя» [Романовский, 2002: 136], а также способствуют наполнению портфеля журнала. До 2009 г. подготовленные на основе докладов статьи публиковались в рубрике «Теория. Методология». Потом организовалась специальная рубрика «К Харчевским чтениям». В осенних номерах (обычно № 9–11) публиковались материалы по теме чтений, в том числе и заказные, а после проведения ХЧ лучшие доклады, расширенные и переработанные авторами в статьи, публиковались в других рубриках.

В программный комитет конференции, помимо главного редактора, включен Н.В. Романовский, который вел (и продолжает вести) в журнале рубрики по теории и методологии, истории зарубежной социологии и (с 1998 г.) исторической социологии. На протяжении всех этих лет он, наряду с Тощенко, принимал активное участие в подготовке программ конференций и организации статей по их темам. В 2018 г. со сменой главного редактора в программный комитет вошли Г.А. Ключарев и С.Ю. Демиденко. Активно вовлекались в формирование программы чтений члены редколлегии – С.Г. Кирдина-Чэндлер, С.А. Кравченко, В.П. Култыгин, В.К. Левашев, Н.Е. Покровский, Г.Г. Татарова.

Конференция традиционно проводилась осенью (обычно в октябре) на базе Института социологии РАН, либо в рамках Всероссийских социологических конгрессов (в 2008 г. в Москве, в 2012 г. в Уфе, в 2016 г. в Екатеринбурге), конференций (РГГУ, 2011 г.; РОС, 2009 г.). С 2011 г. чтения организуются совместно с Научным советом Отделения общественных наук РАН «Новые явления в общественной жизни и социальной практике» (рук. Ж.Т. Тощенко).

Особо отметим роль РГНФ и РФФИ. С 2000 г. поддержку чтениям оказывал РГНФ (за исключением тех лет, когда они проходили в рамках конгрессов), а в 2015–2017, 2019 гг. – РФФИ. С 2020 г. РФФИ не объявлял конкурсы на проведение подобных

мероприятий и редакция лишилась, хотя и небольшой, финансовой поддержки (в ее рамках, например, организовывались переводы статей). Важна помощь ИС ФНИСЦ РАН, который предоставляет площади и IT-поддержку. Пандемия COVID-19 не могла не повлиять на формат чтений: если в 2020 г. они проводились полностью онлайн, то в дальнейшем их организаторы используют смешанный формат, что позволяет расширить число участников, в том числе привлекать докладчиков и участников дискуссии из-за рубежа.

Приоритеты: анализ основной проблематики чтений. Основной фокус ХЧ изначально был связан с теоретико-методологической рефлексией. В стране не так много научных конференций, посвященных этой тематике. Можно отметить вклад в развитие теоретической социологии в стране серии «Проблемы теоретической социологии», отмечавшей в 2019 г. свое 25-летие (12 выпусков) [Бороноев и др., 2019], отдельные конференции их организаторы (СПбГУ, отв. ред. серии А.О. Бороноев) не проводили. Но в рамках Ковалевских чтений (в 2023 г. они состоятся в 17-й раз), организованных на базе СПбГУ, секции по теоретическим и методологическим подходам к изучению современного общества присутствуют. Отметим усилия И.Ф. Девятко (регулярного участника ХЧ) в организации мероприятий по теоретической социологии (в 2011 г. и в 2014 г. состоялись «Давыдовские чтения»). Теоретические вопросы социологии рассматриваются традиционно на Всероссийских социологических конгрессах, конференциях («Сорокинские чтения» в МГУ), в том числе юбилейных (например, к 90-летию В.А. Ядова в 2018 г. на базе ИС ФНИСЦ РАН).

Рассматривая тематику ХЧ с 1999 г., нельзя не заметить, что она строилась как круг проблем самой социологии, прежде всего теоретической, ее состояния, специфики и перспектив (2000, 2001, 2016, 2021), уровней социологического знания (2003, 2005, 2006, 2007, 2011), взаимодействия с другими науками (2015, 2017, 2018, 2019, 2020), так и в целях осмысления новых социальных явлений и процессов (1999, 2013, 2014, 2022). Также обсуждались состояние понятийного аппарата (2002, 2010), качество социологического знания (2012), методология анализа данных (2004, 2008). Реже поднимались вопросы взаимодействия социологии и современного общества, только в 2009 г. под воздействием ярких выступлений М. Буравого эта тема стала определяющей для дискуссии. Тематика роли социологии (как и «публичная» роль самого социолога) в обществе неизменно рассматривалась в выступлениях участников дискуссии (см. табл. 1).

Почему теория стала приоритетом чтений на протяжении долгих лет? Выше обозначена одна из причин – состояние теоретической социологии в реформенные годы. Импорт западных теорий с конца 1980-х и в 1990-е гг. (в послевоенный и позднесоветский периоды западные теории и концепции обсуждались в научной литературе в форме «критики буржуазных теорий»), введение в оборот новых терминов, понятий и их интерпретаций, которые нуждались в корректировке в условиях трансформирующегося общества, сопровождалось дискуссиями, поисками, переосмыслением. Для журнала было значимым актуализировать их применимость в новых социальных условиях. Важно, что уже тогда достигнуто понимание, что теоретический и методический аппарат – лишь инструмент описания социальности, который мог меняться в зависимости от условий. «Расколдовывание» социального мира – его описание, поиск закономерностей и построение прогнозов посредством теорий – и есть актуальная задача социологии во все времена.

Отметим ключевую роль Тощенко в формировании тематики чтений. В статье об эволюции теоретической социологии в России [Тощенко, 2009] он четко формулирует ключевые теоретико-методологические принципы, которые год за годом выносил на обсуждение читателей журнала и на ХЧ. Он не поддерживал мнение А.Ф. Филиппова, что теоретической социологии в России не существует, способствовал ее развитию.

Время подбрасывало разные темы. Так, обсуждение понятийного аппарата стало предметом ХЧ 2002 г. из-за увеличивающегося разрыва между теоретическими и прикладными исследованиями, в результате которого возрастал разноречивый в использовании понятий и категорий. К этому времени в обиход отечественной социологии вошло столько зарубежных терминов, что социологи начали путаться в них. В 2010 г. эту тему обсудили на ХЧ, т.к. практика работы

Таблица 1

Темы Харчевских чтений (1999–2022)

№	Тема	Год	Публикация отчетов в журнале
I	Новое в социологической теории и практике	1999	№ 2, 2000
II	Социология: пути научной реформации	2000	№ 2, 2001
III	Современная российская социология: преемственность и новаторство	2001	№ 2, 2002
IV	Основные категории современной социологической мысли: единство и многообразие	2002	№ 2, 2003
V	Структура и уровни социологического знания: традиции и инновации	2003	№ 2, 2004
VI	Методология количественного и качественного анализа: органическое единство или автономия	2004	№ 2, 2005
VII	Судьба и перспективы эмпирической социологии в России	2005	№ 2, 2006
VIII	Региональная социология или социология в регионах	2006	№ 2, 2007
IX	Современная теоретическая социология в России: состояние и перспективы	2007	№ 2, 2008
X	Методологические стратегии социологии	2008	№ 2, 2009
XI	Формы взаимодействия социологии и современного общества и их эффективность	2009	№ 2, 2010
XII	Понятийный аппарат социологической науки. Состояние, тенденции, проблемы	2010	№ 2, 2011
XIII	Новые горизонты социологического знания	2011	№ 4, 2012
XIV	Качество социологического знания	2012	№ 3, 2013
XV	Эволюция теоретической мысли в мировой и отечественной социологии	2013	№ 2, 2014
XVI	Новые концепции и идеи в современной мировой и отечественной социологии	2014	№ 2, 2015
XVII	Междисциплинарность: взаимодействие естественнонаучного и социально-гуманитарного знания	2015	№ 2, 2016
XVIII	Будущее социологии и будущее общества	2016	№ 4, 2017
XIX	Метатеоретизирование в науке: возможности и перспективы	2017	№ 3, 2018
XX	Теоретическое и эмпирическое знание в социологии: современные вызовы и перспективы взаимодействия	2018	№ 3, 2019
XXI	Теоретическая и эмпирическая социология: состояние и перспективы взаимодействия	2019	№ 12, 2019
XXII	Социология и социальные науки: новые контексты взаимодействия	2020	№ 3, 2021
XXIII	Теоретическая социология в России: состояние, проблемы, перспективы	2021	№ 1, 2022
XXIV	Теоретическое осмысление новой социальной реальности	2022	№ 1, 2023

журнала показывала несистемность представлений, разночтения, неадекватность заимствований. Журнал подчеркивал, что не стоит увлекаться англицизмами, следует искать аналоги в национальной социологии, чтобы точнее отражать новые явления и процессы; следить за единообразием переводов терминов и понятий и не засорять язык социологов. Четкое определение исходных понятий – основа качественного исследования. Нет понятийного аппарата – нет науки. Необходимо четче дифференцировать подходы, объясняя выбранную методологическую позицию, и не претендовать на универсальность.

Не менее важной представлялась проблема структуры и уровней социологического знания в связи с расхождением теории и практики. Журнал организовал заочный круглый

стол со специалистами по этой проблеме, авторами учебников (№ 9, 2003 г.), дискуссия продолжилась на ХЧ. К этой тематике организаторы чтений обращались не раз.

В 1988 г. на круглом столе социологи подчеркивали необходимость использования качественной методологии, «уходя от унылой процентной описательности» [Каким быть журналу, 1988: 142]. В 2001 г. участники ХЧ обратили внимание на качественную методологию исследования (Е.С. Балабанова, А.Е. Чирикова), призывая к ее осторожному использованию, т.к. недостаточная зрелость исследователей в этом вопросе приводит к искажениям и упущениям. Развернувшийся в начале 2000-х гг. спор о методах потребовал обсуждения методологии качественного и количественного анализа и их возможного синтеза, «строительства “методологических мостов” между подходами» и «построения содержательных связей между диверсифицированными подходами, (конвенциональных связей, интерфейсов, конфигураторов)», как позже напишет В.В. Радаев [2008]. В 2004 г. участники констатировали, что быстрое противостояние «качественников» и «количественников» ушло в прошлое – синтез возможен, допустимы «практики симбиоза», взаимопроникновения, по выражению Г.Г. Татаровой. Е.Ю. Мещеркина поддержала соединимость методов (mixed-методов, как принято сейчас называть), однако подчеркнула маргинальный статус качественников; В.В. Семенова аргументировала тезис о периферийности качественной методологии в российской социологии; В.А. Ядов отметил, что устойчивому обществу органичны количественные, а меняющемуся – качественные (за исключением электоральных и маркетинговых) исследования. И.Ф. Девятко подчеркнула, что важно не допустить разрушения ядра социологии – измерения, а Ю.Н. Толстова призвала усваивать и мягкое моделирование, и бесчисловую математику, в том числе шкалирование, и методы замеров психологических состояний. Спустя почти 20 лет статус качественной социологии укрепился. Претензии к анализу данных качественных исследований по-прежнему существуют, впрочем, как и количественных: «ползучий эмпиризм», исключительно простые линейные распределения. Добавилась еще проблема выборок (малый объем из-за отсутствия финансирования, стихийные выборки, нерепрезентативные онлайн-опросы, высокий процент неответов и пр.), т.е. проблемы уровня методической культуры не исчезли.

Отдельно проблемы эмпирической социологии обсуждались в 2005 г. Подчеркивалось, что без эмпирических исследований не может быть глубинного осмысления базисных положений науки, прироста теоретического багажа социологии (Н.И. Лапин). Ж.Т. Тощенко всегда акцентировал, что опора на эмпирический материал – фундамент преодоления разрыва теории и эмпирики. Вопросы качества эмпирической информации и сейчас актуальны.

Попытка развития региональной социологии отразилась в специальном обсуждении ее состояния в 2006 г., появлении в журнале специальной рубрики «У нас в гостях социологи из...», и в социологическом осмыслении развития российских регионов. Г.Е. Зборовский попытался осмыслить существование социологии в регионах, обозначить основные проблемы и перспективы развития (№ 8, 2006 г.), а предметом региональной социологии предложил считать «взаимодействие поселенческих общностей». Пожалуй, наиболее заметной стала публикация Н.И. Лапина (№ 8, 2006 г.¹), представившего теоретико-методологические основы изучения модернизации регионов, впоследствии реализованного в многолетнем исследовании Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН «Социокультурный портрет региона» [Атлас модернизации России..., 2016]. Этот проект на большой эмпирической базе позволил сформулировать Н.И. Лапину авторскую теоретическую концепцию – антропосоциокультурный подход (АСК-подход), «который дополняет в современной интерпретации междисциплинарные методологии изучения человека, его сообществ и общества в целом» [Беляева, 2023: 8].

¹ Цитирование этой статьи высокое – 139. URL: <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33728314> (дата обращения: 23.08.2023).

Междисциплинарность – тема, регулярно обсуждавшаяся на ХЧ (специально – в 2015 г.) в трех аспектах: 1) как характеристика общенаучных проблем современного социологического знания, возникающих в контексте междисциплинарности; 2) с учетом математизации и информатизации методологии и методов; 3) через опыт междисциплинарных исследований предметных сфер социальной жизни. Слабость социологической прогностики и уменьшение интереса к научной футурологии, а также продолжение тематики междисциплинарности актуализировали осмысление общества будущего как предмета социологии, а также будущего социологии как науки (2016).

Глобальные изменения в мире также сказывались на тематике ХЧ. В 2000-е и 2010-е гг. внимание акцентировалось на противоречивом процессе глобализации; требовалось переосмысление взгляда на привычное понятие «национального общества», взаимосвязи государств, условность границ и пр. В 2022 г. ХЧ были посвящены изменяющейся социальной реальности и тому, какую теоретическую оптику необходимо использовать в ее исследованиях. Однако требования национальной замкнутости и суверенизации российской социологии не поддерживаются научным сообществом. Тезис о том, что границы социологии не ограничиваются государственными, даже в современных условиях остается ключевым, как и требования к теоретической работе социологов более высокого уровня и содержания [Романовский, Демиденко, 2023]. Акцентируя интегративное осмысление процессов мировой социологии, важно использовать основы, заложенные трудами российских ученых (П.А. Сорокина, Т.И. Заславской, Н.И. Лапина, Ж.Т. Тощенко, А.И. Ахиезера, Т.М. Дридзе и др.).

В рамках ХЧ укрепилась практика подготовки переводов статей зарубежных ученых по теоретическим проблемам социологии (см.: П. Бэр в № 9, 2020; Ребугини П. в № 11, 2018; Барбалет Дж. в № 12, 2017; Бхамбра Г.К., Сантуш Б. де С. в № 9, 2017 и др.). Публиковались оригинальные статьи иностранных авторов, подготовленные специально для журнала (Коломбо Э., № 9, 2019), а также материалы круглых столов (см.: № 9, 2021).

Сформулируем основные принципы ХЧ. (1) Журнал руководствовался не абстрактным теоретизированием, а неременной связью с эмпирикой. (2) Журнал всегда старался избегать публикации «теории ради теории». Оторванные от реальности теоретические построения не находили отклика ни у читателей, ни у участников дискуссии. Поэтому акцентировалась применимость в исследованиях. (3) Сопоставление традиций и новаций – основной подход журнала; глядя в будущее, не стоит забывать о наработках прошлого. (4) Следует формировать культуру социологического мышления и культуру теоретизирования в изменяющихся условиях. (5) Важна «когерентность коллабораций» (термин Г.Г. Татаровой) – согласованное взаимовлияние разных школ, групп, направлений, междисциплинарное сотрудничество для развития теоретической социологии.

Состав участников и география. Основу докладчиков составляют члены редакционной коллегии журнала разных лет, активные авторы журнала, ведущие социологи страны, друзья журнала из зарубежья (табл. 2). На каждой конференции предоставлялось слово социологам из регионов, хотя их было не так много. Своей целью СоцИс ставил возможность формировать условия для развития нового поколения социологов. На протяжении всех лет приглашались к участию не только социологи, уже ставшие мэтрами, внимание уделялось и тем, кто в скором будущем будет определять лицо отечественной социологии – молодым докторам и кандидатам. Так, в 2001 г. костяк докладчиков составили перспективные социологи «среднего поколения», «заявившие о себе как о наиболее динамичной, новаторской группе в отечественной социологии, способной достойно воспринимать традиции и активно участвовать в обновлении социологической мысли в России» [Романовский, 2002]. Количество участников конференции, помимо выступавших, в разные годы колебалось от 40 до 100 человек.

Отбор участников дискуссии – важная часть подготовки ХЧ. Главная причина отказов отдельным подавшим заявки ученым – предложения не затронули существенных вопросов тематики. Еще ряд ограничений детерминировал отбор. 10-минутное выступление

Таблица 2

Состав выступающих на ХЧ (1999–2022)

№	Фамилии участников (выступающих с докладами)*
I	Арутюнян Ю.А. (ИАЭ РАН), Зимин А.И. (СоцИс), Козлова Н.Н. (РГГУ), Кукушкина Е.И. (МГУ), Култыгин В.П. (ИСПИ РАН), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Рывкина Р.В. (ИСЭПН РАН), Тощенко Ж.Т. (СоцИс, РГГУ), Щербина В.В. (РГГУ), Эфендиев А.Г. (ГУ-ВШЭ), Ядов В.А. (ИС РАН)
II	Антонов А.И. (МГУ), Голенкова З.Т. (ИС РАН), Дридзе Т.М. (ИС РАН), Кирдина С.Г. (ИЭОПП СО РАН), Качанов Ю.Л. (ИС РАН), Козлова Н.Н. (РГГУ), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Образцов И.В. (МГЛУ), Силласте Г.Г. (Фин. акад. при Прав. РФ), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Эфендиев А.Г. (ГУ-ВШЭ), Ядов В.А. (ИС РАН)
III	Балабанова Е.С. (НГУ), Барсукова С.Ю. (ГУ-ВШЭ), Добрякова М.С. (Фонд Форда), С.Г. Кирдина (ИЭОПП СО РАН), Н.В. Коровицына (Ин-т славяноведения РАН), Никулин А.М. (МВШСЭН), Радаев В.В. (ГУ-ВШЭ), Романов П.В. (СГТУ), Тихонова Н.Е. (ГУ-ВШЭ), Чирикова А.Е. (ИС РАН), Шабанова М.А. (ГУ-ВШЭ), Шендрик А.И. (МосГУ), Щербина В.В. (РГГУ)
IV	Васильев В.П. (РАГСИНХ), Давыдов Ю.Н. (ИС РАН), Дылынов Г.В. (Саратовский ун-т), Зборовский Г.Е. (РГППУ), Здравомыслов А.Г. (РНИСНП), Елсуков А.Н. (Минск), Качанов Ю.Л. (ИС РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Култыгин В.П. (ИСПИ РАН), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Мнацаканян М.О. (МГИМО), Покровский Н.Е. (ГУ-ВШЭ), Сивирин Б.С. (Новосиб. фил-л РАГСИНХ), Силласте Г.Г. (Фин. акад. при Прав. РФ), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Ядов В.А. (ИС РАН)
V	Бойков В.Э. (ИСИ), Болгов В.И. (ИС РАН), Девятко И.Ф. (ИС РАН), Здравомыслов А.Г. (ИС РАН), Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Левичева В.Ф. (РГГУ), Метревели В.Г. (РСА), Силласте Г.Г. (Фин. акад. при Прав. РФ), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Щербина В.В. (РГГУ)
VI	Божков О.Б. (СИ РАН), Васильев В.П. (РАГСИНХ), Готлиб А.С. (СамГУ), Гришина Е.А. (РГГУ), Девятко И.Ф. (ИС РАН), Елуфимова Л.С. (МГСУ), Култыгин В.П. (ИСПИ РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Левичева В.Ф. (РГГУ), Маслова О.М. (ИС РАН), Мещеркина Е.Ю. (ИС РАН), Михайлов А.П. (МГУ), Романов П.В. (СГТУ), Семенова В.В. (ИС РАН), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Толстова Ю.Н. (ГУ-ВШЭ), Ядов В.А. (ИС РАН)
VII	Беляева Л.А. (ИФ РАН), Болгов В.И. (ИС РАН), Давыдов А.А. (ИС РАН), Зубок Ю.А. (ИСПИ РАН), Иванов О.В. (МГУ), Кравченко С.А. (МГИМО), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Левичева В.Ф. (РГГУ), Маслова О.М. (ИС РАН), Метревели В.Г. (РСА), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Темницкий А.Л. (ИС РАН), Тихонов А.В. (ИС РАН), Шабанова М.А. (ГУ-ВШЭ), Ядов В.А. (ИС РАН)
VIII	Арутюнян Ю.В. (ИЭА РАН), Бернатоните Д. (Литва), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Беляева Л.А. (ИФ РАН), Зборовский Г.Е. (УрФУ), Каримов А.Б. (ИГП РАН), В.В. Козин (Мордовия), Култыгин В.П. (ИСПИ РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Симанавичене Ж. (Литва)
IX	Давыдов А.А. (ИС РАН), Девятко И.Ф. (ИС РАН), Ковалев А.Д. (Отд-е философии, социологии и права РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Култыгин В.П. (ИСПИ РАН), Лапаева В.В. (ИГП РАН), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Левичева В.Ф. (РГГУ), Немировский В.Г. (СФУ), Тихонов А.В. (ИС РАН), Ядов В.А. (ИС РАН), Яницкий О.Н. (ИС РАН)
X	Волков Ю.Г. (ЮФУ), Давыдов А.А. (ИС РАН), Готлиб А.С. (СамГУ), Гришина Е.А. (РГГУ), Девятко И.Ф. (ИС РАН), Ефимов О.И. (Чебоксары), Иконникова Н.К. (ИСПИ РАН), Каримова А.Б. (РГГУ), Кармадонов О.А. (Иркутск), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Титаренко Л.Г. (Минск), Каширина О.В. (Ставрополь), Каширин В.И. (Ставрополь), Немировский В.Г. (СФУ), Резник Ю.М. (гл. ред. жур. «Личность. Культура. Общество»), Романовский Н.В. (СоцИс, РГГУ), Уразалиева Г.К. (РГГУ)
XI	Вишневский Ю.Р. (УрФУ), Григорьев С.И. (РГСУ), Заглубский С.А. (СПбГУП), Зборовский Г.Е. (УрФУ), Зубок Ю.А. (ИСПИ РАН), Колбановский В.В. (ИС РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Осипов Г.В. (ИСПИ РАН), Подвойский Д.Г. (РУДН), Романовский Н.В. (РГГУ), Титаренко Л.Г. (Минск), Тихонов А.В. (ИС РАН), Яницкий О.Н. (ИС РАН)
XII	Боков В.И. (Сыктывкар), Заглубский С.А. (СПбГУП), Ерекешева (Алма-Ата), Каримова А.Б. (РГГУ), Костин В.А. и Костина Т.В. (оба – Екб), Кошелев А.В. (Днепропетровск), Кравченко Е.И. (МГЛУ), Кравченко С.А. (МГИМО), Майорова-Щеглова С.Н. (РГГУ), Маликова Н.Р. (РАНХиГС), Подвойский Д.Г. (РУДН), Павленок П.Д. (Ун-т сериса и туризма), Прошанов С.Л. (РАНХиГС), Резник Ю.М. (гл. ред. журнала «Личность. Культура. Общество»), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Ядов В.А. (ИС РАН)

№	Фамилии участников (выступающих с докладами)*
XIII	Арутюнян Ю.В. (ИЭА РАН), Григорьев С.И. (РГСУ), Давыдов А.А. (ИС РАН), Девятко И.Ф. (ИС РАН), Журавлев А.Л. (ИГП РАН), Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Маликова Н.Р. (РГГУ), Манзанова Г.В. (ИБ РАН), Минюшев Ф.И. (МГУ), Подвойский Д.Г. (РУДН), Покровский Н.Е. (ГУ-ВШЭ), Попова И.П. (ИС РАН), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Щербина В.В. (РГГУ)
XIV	Вишневский Ю.Р. (УрФУ), Глов М.Б. (Гос. Полярная акад.), Зборовский Г.Е. (УрФУ), Курлов А.Б., Мещерякова Н.Н. (ТПУ), Покровский Н.Е. (НИУ ВШЭ), Силласте Г.Г. (ФУ при Правительстве РФ), Соколов М.М. (ЕУ в СПб.), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Цветкова И.В. (Тольятти)
XV	Вдовиченко Л.Н. (РГГУ), Григорьев С.И. (РАО), Даровских О.В. (ГАГУ), Девятко И.Ф. (ИС РАН), Журавлев А.Л. (ИГП РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Каримова А.Б. (РГГУ), Кравченко С.А. (МГИМО), Кутейникова А.Е. (СПбГУ), Носкова А.В. (МГИМО), Подвойский Д.Г. (РУДН), Салихжанов Р. (Казахстан), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Черныш М.Ф. (ИС РАН), Эфендиев А.Г. (НИУ ВШЭ)
XVI	Горшков М.К. (ИС РАН), Девятко И.Ф. (НИУ-ВШЭ), Зубок Ю.А. (ИСПИ РАН), Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Кравченко Е.И. (МГЛУ), Кравченко С.А. (МГИМО-У), Манзанова Г.В. (ИБ РАН), Мансуров В.А. (РОС), Николаева У.Г. (СГУ), Подвойский Д.Г. (РУДН), Симонян Р.Х. (ИС РАН), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Тихонов А.В. (ИС РАН), Щербина В.В. (ИС РАН), Щукина Н.П. (СамГУ)
XVII	Амбарова П.А. (УрФУ), Андреев А.Л. (ИФ РАН), Асратян Н.М. (Набережные Челны), Зборовский Г.Е. (УрФУ), Зубок Ю.А. (ИСПИ РАН), Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Киященко Л.П. (ИФ РАН), Корытничкова Н.В. (Харьков), Кузнецова А.В. (ИБФ РАН), Журавлева Е.Ю. (Вологда), Кравченко С.А. (МГИМО-У), Лапаева В.В. (ИГП РАН), Левашев В.К. (ИСПИ РАН), Лубский А.В. (ЮФУ), Манзанова Г.В. (ИБ РАН), Орешкина Т.А. (УрФУ), Попов Е.А. (Барнаул), Сенько О.В. (ВЦ РАН), Сосунова И.В. (ВНИИТЭ), Татарова Г.Г. (ИС РАН), Тихонов А.В. (ИС РАН), Толстова Ю.Н. (НИУ ВШЭ), Щербина В.В. (ИС РАН), Яковенко А.В. (ЛНУ им. В. Даля)
XVIII	Амбарова П.А. (УрФУ), Василенко Л.А. (РАНХиГС), Вишневский Ю.Р. (УрФУ), Зборовский Г.Е. (УрФУ), Кирдина С.Г. (ИЭ РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Маршак А.Л. (ИС РАН), Свиринов Б.С. (Сиб. фил-л РАНХиГС), Щербина В.В. (ИС РАН), Яковенко А.В. (ЛНУ им. В. Даля)
XIX	Адамьянц Т.З. (ИС РАН), Бондарев В.П. (МГУ), Браславский Р.Г. (СИ ФНИСЦ), Бронзино Л.Ю. (РУДН), Волков Ю.Г. (ЮФУ), Девятко И.Ф. (НИУ ВШЭ), Дудина В.И. (СПбГУ), Земнухова Л.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Казакова А.А. (МГТУ), Казаринова Н.В. (ЛЭТИ), Козловский В.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Кравченко С.А. (МГИМО-У), Кутейников А.Е. (С.-З. ф-л РАНХиГС), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Татарова Г.Г. (ИС ФНИСЦ РАН), Троцук И.В. (РУДН), Яковенко А.В. (ЛГУ им. В. Даля), Яницкий О.Н. (ИС ФНИСЦ РАН)
XX	Амбарова П.А. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина), Браславский Р.Г. (СИ ФНИСЦ РАН), Девятко И.Ф. (НИУ ВШЭ), Дудина В.И. (СПбГУ), Зборовский Г.Е. (УрФУ им. Б.Н. Ельцина), Каныгин Г.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Кирдина-Чэндлер С.Г. (ИЭ РАН), Козловский В.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Лапаева В.В. (ИГП РАН), Лапин Н.И. (ИФ РАН), Образцов И.В. (МГЛУ), Покровский Н.Е. (НИУ ВШЭ), Присяжная Н.В. (Сеченовский ун-т), Решетников А.В. (Сеченовский ун-т), Романовский Н.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Татарова Г.Г. (ИС ФНИСЦ РАН), Толстова Ю.Н. (НИУ ВШЭ), Шкурко Ю.С. (УлГУ), Щербина В.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Яковенко А.В. (ЛНУ им. В. Даля)
XXI	Браславский Р.Г. (СИ ФНИСЦ РАН), Данилова Е.Н. (ИС ФНИСЦ РАН), Девятко И.Ф. (НИУ ВШЭ), Дробижеева Л.М. (ИС ФНИСЦ РАН), Кирдина-Чэндлер С.Г. (ИЭ РАН), Козловский В.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Коломбо Э. (Ун-т Милана), Круглова М.С. (ИЭ РАН), Мальцева Д.В. (НИУ ВШЭ), Татарова Г.Г. (ИС ФНИСЦ РАН), Черныш М.Ф. (ФНИСЦ РАН), Щербина В.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Яковенко А.В. (ЛНУ им. В. Даля)
XXII	Аксенова О.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Андреев А.В. (ЦЕССИ), Гофман А.Б. (ИС ФНИСЦ РАН), Девятко И.Ф. (НИУ ВШЭ), Дробижеева Л.М. (ИС ФНИСЦ РАН), Кирдина-Чэндлер С.Г. (ИЭ РАН), Ключарев Г.А. (ИС ФНИСЦ РАН), Микешина Л.А. (МГПУ), Образцов И.В. (МГЛУ, Москва), Покровский Н.Е. (НИУ ВШЭ), Присяжная Н.В. (Сеченовский ун-т), Решетников А.В. (Сеченовский ун-т), Романовский Н.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Соколов М.М. (ЕУ в СПб., Санкт-Петербург), Титаренко Л.Г. (Минск), Тощенко Ж.Т. (РГГУ), Шубрт И. (Карлов университет, Прага), Щербина В.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Яковенко А.В. (ЛНУ им. В. Даля), Яковлева Н.Г. (ИЭ РАН)
XXIII	Аксенова О.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Амбарова П.А. (УрФУ), Браславский Р.Г. (СИ ФНИСЦ РАН), Выход Н.А. (ЮФУ), Гофман А.Б. (НИУ ВШЭ), Девятко И.Ф. (НИУ ВШЭ, ИС ФНИСЦ РАН), Дудина В.И. (СПбГУ), Иванов Д.В. (СПбГУ), Кирдина-Чэндлер С.Г. (ИЭ РАН), Козловский В.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Масловский М.В. (СИ ФНИСЦ РАН), Романовский Н.В. (ИС ФНИСЦ РАН), Сорокин П.С. (НИУ ВШЭ), Титаренко Л.Г. (БГУ, Минск), Шубрт И. (Карлов ун-т, Прага)

Окончание таблицы 2

№	Фамилии участников (выступающих с докладами)*
XIV	Браславский Р.Г. (СИ ФНИСЦ РАН), Волков Ю.Г. (ЮФУ), Гофман А.Б. (НИУ ВШЭ), Давыдов А.П. (ИС ФНИСЦ РАН), Демиденко С.Ю. (СоцИс, ИС ФНИСЦ РАН), Катерный И.В. (МГИМО), Кирдина-Чэндлер С.Г. (ИЭ РАН), Козловский В.В. (СИ – филиал ФНИСЦ РАН), Кравченко С.А. (МГИМО), Романовский Н.В. (СоцИс, ИС ФНИСЦ РАН), Сащенко Н.П. (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Сорокин П.С. (НИУ ВШЭ), Левашев В.К. (ИСПИ ФНИСЦ РАН), Титаренко Л.Г. (Минск), Тощенко Ж.Т. (РГГУ), Яковенко А.В. (ЛГУ им. В. Даля)

Примечание. * Указаны выступающие, которые обозначены в отчетах. Ж.Т. Тощенко не указан в таблице, он открывал все чтения и резюмировал итоги, в ряде случаев представлял доклады по тематике ХЧ.

(плюс до 5 минут на вопросы)² не позволяет включить в программу более полутора десятков докладов. По завершении программы слово предоставляется желающим сделать пятиминутное выступление, дать комментарий. Редакция ориентируется на подготовку статьи для журнала по теме доклада, отбирая наиболее интересные и перспективные. Определенным ограничителем является и установка организаторов ХЧ на расширение географии³ участников (из регионов России и зарубежья). Можно констатировать, что на протяжении 30 лет происходит отток специалистов из региональных центров. Тенденция регионализации социологических исследований, зафиксированная в 1990-е – 2000-х, обернулась оттоком специалистов и концентрацией кадров в столичных социологических центрах. Переезжали в Москву и Санкт-Петербург социологи из Новосибирска, Нижнего Новгорода, Саратова, Самары, Ульяновска и др. Также отметим, что журнал всегда старался поддерживать научные связи на постсоветском пространстве; сегодня онлайн-формат позволяет их укрепить.

Проблемы теоретического осмысления меняющейся реальности. В 2006 г. Г.Г. Татарова определила как методологическую травму ситуацию «растерянности исследователей перед обилием социологических теорий, методологий, методов и в процессе принятия решений о выборе средств познавательной деятельности» [Татарова, 2006: 3]. С самых первых ХЧ поднимается вопрос об использовании западных концепций и теорий применительно к анализу российской действительности. В 2001 г. П.В. Романов заявлял о «методологической каше» в головах исследователей, вследствие бездумного применения западных концепций к российским условиям. Н.Е. Тихонова назвала эту ситуацию «болезни роста» естественным процессом, вызванным потребностями формирования новых теорий общества. Оптимизм по поводу вхождения отечественной социологии в «фазу роста» (А.М. Никулин) сегодня выглядит наивным: до сих пор уровень развития социологических теорий невысок. Впрочем, за все годы существования чтений оценки развития теоретической социологии всегда колебались от оптимистических до пессимистических.

Утвердившийся, как казалось, к началу 2000-х гг. статус социологии как полипарадигмальной науки угрожал отсутствием возможности формирования интегративной науки и перспектив появления «большой» теории. Существование нескольких методологических ядер формировали, по сути, разные социологии, о чем с тревогой заявлял В.В. Радаев в 2001 г. Проблема бездумного переноса западных теорий для интерпретации российской действительности, не раз обсуждавшаяся на чтениях, особенно в первое

² Концепция чтений (включая время для выступления – 10–15 минут) была выношена Ж.Т. Тощенко за годы его руководства научными коллективами, проектами, изданиями, форумами и т.п.

³ Реально «экспансия» журнала сегодня остановилась в ближнем Забайкалье – примерно по линии Якутск – Улан-Удэ – Чита. Творческое сотрудничество журнала с дальневосточными коллегами проявляется эпизодично, как ни стараются наши редакторы поддерживать контакты с социологами Приамурья и тихоокеанского Приморья.

десятилетие, хотя и в меньшей степени, актуальна по сей день. Задача социолога – не перенимать западные теории, а стараться адаптировать их к российским реалиям, подниматься до уровня формирования новых для объяснения социальной реальности.

Принцип преемственности – основной для Ж.Т. Тощенко. Он неоднократно подчеркивал, что не нужно начинать с «чистого листа», не следует забывать о значительном исследовательском потенциале наследия социологов, работавших в рамках марксистской парадигмы. В 1990-е гг. преждевременно была объявлена «смерть левой идеи». В 1999 г. Ж.Т. Тощенко в своих итоговых замечаниях на ХЧ обратил внимание на существование экс- и постмарксизма в российской социологии. К настоящему времени можно констатировать, что марксистская школа социальных исследований жива и развивается (А.А. Бузгалин, А.И. Колганов, Д.А. Давыдов и др.). М.Ф. Черныш в 2013 г. призывал приглядеться к критической социологии (Франкфуртская школа), переосмысливать наработки отечественных социологов 1920-х гг., русских социологов, не ограничиваться национальной социологией. Важен не только выход на мировой уровень с собственными теоретическими идеями, но и вдумчивое осознание наработок западных социологов, исследователей из постколониальных стран и др. с адаптацией этих теорий к действительности.

Сформировавшие новую социальную реальность на глобальном уровне факторы уходят корнями в менявшееся соотношение экономического могущества потенциала стран и коалиций, отражаясь в истории социологии сменой теорий, парадигм, концепций. Влияние этих перемен на исследования социологов проявляется в их тематике, в используемых данных и их концептуализации (оценках).

За годы проведения ХЧ в социологии усилилось фокусирование на человеке, произошла своего рода ее антропологизация, которая проявилась в изменении тематики исследований, усилении роли мягких методов, акцентировании исследований на повседневности. Возросла и значимость культуры с повышением роли субъекта в развитии общественных процессов. Усилились процессы сетевизации общества под влиянием цифровизации (развитие интернет-технологий), межличностных коммуникаций. Фиксируются изменения социальной структуры общества, в том числе под влиянием факторов цифровизации и виртуализации. Иерархическое представление о социальной реальности, давно и прочно укорененное в социальных науках, преодолевается и благодаря появлению цифровых исследовательских инструментов, а также больших данных. Формирующаяся новая социальная реальность требует теоретического осмысления.

К сожалению, нельзя констатировать существенный прирост теоретического знания в отечественной социологии за эти годы. Редким остается выход от описания эмпирики на уровень построения теории, хотя современность преподносит много нового для проверки и осмысления. Пока социологи концентрируются на сборе информации и фиксации изменений. Собраны уникальные данные: например, мониторинг ИС РАН, отразивший кризисное состояние общества и выход из него; многолетний мониторинг ИСПИ РАН, исследования Центра Н.И. Лапина в ИФ РАН, исследования РГГУ (рук. Ж.Т. Тощенко), мониторинг РМЭЗ НИУ ВШЭ, исследования региональных центров (Вологда, Белгород и др.). Но лишь немногим удастся выйти на теоретическое осмысление, построение концепций и теорий. Остается надеяться, что накопленные данные о переменах в стране дождутся своего часа. Поэтому на протяжении всех 25 лет журнал пытался стимулировать развитие теоретической мысли, теоретическое осмысление меняющейся реальности в России и вокруг нее.

В свое время В.В. Радаев довольно критично высказался о попытках некоторых отечественных социологов: «Социологическое теоретизирование часто напоминает “ковыряние палкой в тумане”, представляя собой описание увиденного и прочитанного на какую-нибудь актуальную тему (таблицы с цифрами, полученными в ходе очередного полевого исследования, тоже не слишком в этом отношении помогают). Все это накладывается на чрезмерные амбиции, попытки представить социологию в качестве всеобщей теории при недостаточно определенном методологическом ядре и выборе безграничных

объектов» [Радаев, 2008]. С тех пор прошли годы, но призыв к тому, что теории должны быть относительно транспарентными, т.е. понятными, остается актуальным, впрочем, как и призыв адаптировать знание для образованной и получающей образование публики. Публичная роль социолога важна даже в такой сложной теме, как теоретическая социология. Главное не опускаться до излишнего популяризаторства и примитивизма.

Перспективы: вместо заключения. Не секрет, что теория в социологии требует высокого уровня аналитики, четкости языка науки, бережного отношения к наследию. Теоретическая социология – это каркас, который поддерживает идентичность социологии как науки. Тема юбилейных ХЧ 2023 г. – «Российская социология: в поиске ответа на вызовы времени»; поиск перспективных социологических теорий и концепций – основная задача. Надеемся, чтения пробуждают у коллег-социологов желание высказаться по изначально заявленной в чтениях цели – *постановка важных для развития отечественной теоретической социологии проблем.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь Мир, 2016.
- Беляева Л.А. Николай Иванович Лапин: исследователь и организатор науки // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 5–15. DOI: 10.31857/S013216250022847-4.
- Бороноев А.О., Головин Н.А., Иванов Д.В. Актуальное звучание социологической теории (25 лет серии «Проблемы теоретической социологии») // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 115–124. DOI: 10.31857/S013216250008329-4.
- Буланова М.Б. Социологическое образование в России (1960-е годы – настоящее время) // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 14–24.
- Губа К.С. Издавая «СоцИс», или Проблема легитимности в советской социологии // Экономическая социология. 2015. № 5. С. 20–45.
- Дмитриев А.В. Быть в авангарде перестройки (о некоторых задачах журнала на переломном этапе развития общества) // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 3–5.
- Осипов Г.В. Возрождение социологии в России. Как это было на самом деле // Социологические исследования. 2008. № 6. С. 5–22.
- Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 24–33.
- Романовский Н.В. «Новое в социологической теории и практике». Юбилейная научная конференция // Социологические исследования. 2000. № 2. С. 138–139.
- Романовский Н.В. Преемственность и новаторство в современной российской социологии // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 134–136.
- Романовский Н.В., Демиденко С.Ю. Новая социальная реальность (О XXIV Харчевских чтениях) // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 147–150.
- Татарова Г.Г. Методологическая травма социолога. К вопросу интеграции знания // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 3–12.
- Тощенко Ж.Т. Эволюция теоретической социологии в России (1950–2000-е годы) // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 16–27 (статья 1); № 7. С. 3–16 (статья 2).

Статья поступила: 24.08.22. Финальная версия: 28.08.22. Принята к публикации: 29.08.23.

THEORETICAL UNDERSTANDING OF SOCIAL REALITY: THE 25th ANNIVERSARY OF KHARCHEV READINGS

DEMIDENKO S.Yu.*, ROMANOVSKIY N.V.*

* Institute of Sociology of FCTAS RAS

Svetlana Yu. DEMIDENKO, Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Executive Secretary (editor), the journal "Sociological studies" (demidsu@yandex.ru); Nikolay V. ROMANOVSKIY, Dr. Sci. (Hist.), Chief Researcher of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Prof. of the Russian State University for Humanities, Deputy Head Editor, the journal "Sociological Studies" (socis@isras.ru). Both – Moscow, Russia.

Abstract. The paper characterizes the efforts of the editorial board of the "Sociological Studies" journal on the holding of the 24 annual scientific conferences "A. Kharchev readings" 1999 through 2023. The empirical basis of the paper consists of the programs of the conferences held, reports on their results, articles published by the journal in connection with the readings, the experiences of their organizers. The history of the readings, approaches to the formation of the topics and the composition of the readings' participants are highlighted. The role of readings in providing the journal with materials relevant for the development of sociological science is noted. It is emphasized that the focus of the efforts of the readings' organizers was the issues of sociological theory as a key component for the development of science. The efforts of the editorial staff of the journal to expand the geography of the participants of the readings, to attract young scientists, sociologists from neighboring countries, to analyze the discourse in world sociology, as well as to pose problems of sociological science arising from digitalization of society, "Big Data", artificial intelligence issues, etc. are shown.

Keywords: "Kharchev Readings", theoretical sociology, discourse of theory and methodology, theorizing, social reality, Journal of "Sociological Research".

REFERENCES

- Belyaeva L.A. (2023) Nikolai Lapin: Researcher and Science Promoter. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 5–15. (In Russ.)
- Boronev A.O., Golovin N.A., Ivanov D.V. (2020) Actualizing Sociological Theory (25th Anniversary of the "Problems of Theoretical Sociology" Series). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 115–124. (In Russ.)
- Bulanova M.B. (2008) Sociological Education in Russia after the 1960th. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 17–24. (In Russ.)
- Dmitriev A.V. (1988) To be in the vanguard of perestroika (about some tasks of the magazine at a critical stage in the development of society). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–5. (In Russ.)
- Guba K.S. (2015) Editing the Soviet Sociological Journal: The Problem of Legitimacy in Soviet Sociology. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 16. No. 5: 20–45. (In Russ.)
- Lapin N.I., ed. (2016) *Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-economic trends and Problems*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Osipov G.V. (2008) The Revival of sociology in Russia. How it really was. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 5–22. (In Russ.)
- Radaev V.V. (2008) Is a positive program possible for Russian sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 24–33. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2000) "New in sociological theory and practice". Anniversary scientific conference. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 138–139. (In Russ.)
- Romanovsky N.V. (2002) Continuity and Innovation in Modern Russian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 134–136. (In Russ.)
- Romanovsky N.V., Demidenko S.Yu. (2023) 'The New Social Reality' (on the XXIV A. Kharchev' Readings). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 147–150. (In Russ.)
- Tatarova G.G. (2006) Methodological trauma of a sociologist. On the issue of knowledge integration. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 3–12. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (2009) Evolution of theoretical sociology in Russia (1950–2000-ies). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 6: 16–27. (Article 1). No. 7: 3–16 (Article 2). (In Russ.)

Received: 24.08.23. Final version: 28.08.23. Accepted: 29.08.23.

И.Ф. ДЕВЯТКО

ПРОБЛЕМА ОРИЕНТАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ (AI VALUE ALIGNMENT) И СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ

ДЕВЯТКО Инна Феликсовна – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой НИУ «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Россия, Москва (deviatko@gmail.com).

Аннотация. В статье кратко рассмотрены существующие представления о возможностях контроля людей над искусственным интеллектом. Обосновывается тезис об их неполноте с точки зрения учета асимметрий контроля и технологических реалий, возникших в ходе «цифровой революции». Представлен анализ причин, по которым социология и социальная психология морали приобретают решающую роль и новое масштабное поле исследований для разработки этически-ориентированных систем искусственного интеллекта, что вновь подтверждает важность теоретически-фундированного эмпирического изучения нормативного измерения социальной жизни. Предложены социологическое обоснование и истолкование принципа «совмещения ценностей» (AI value alignment), выдвигаемого некоторыми авторами в качестве решения проблем этической ориентации систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ) • совмещение ИИ с человеческими ценностями • социология морали • множественность нормативных систем • справедливость

DOI: 10.31857/S013216250027775-5

Прогресс в разработке компьютеризированных устройств, использующих искусственный интеллект (ИИ) при адаптивном решении разнородных задач и позволяющих делегировать им реализацию целеориентированного действия – с материальными объектами или с символами, – возродил интерес к проблеме контроля над искусственным разумом, всплеск которого пришёлся на эпоху научно-технической революции, появления ЭВМ и популярности кибернетики (1940–1970-е). Наблюдаемый в последнее десятилетие «цифровой революции» взрывной рост вычислительных мощностей, скорости обработки информации и новых подходов к проектированию искусственного интеллекта, практически исключающий возможность прямого контроля людей над использующими ИИ устройствами в реальном времени, привёл к переформулировке представлений о сути проблем контроля над ИИ, его совмещения с человеческими ценностями (AI value alignment) и способах её решения.

Современная эпохе научно-технической революции научная фантастика стала полигоном мысленных социальных экспериментов, которые должны были подготовить человечество к взаимодействию с роботами или стационарными электронно-вычислительными устройствами. Она преимущественно ориентировалась на возможность предустановленного в архитектуре ЭВМ и социальных роботов алгоритмического контроля над действиями последних, целевой функцией которого было бы ограничение возможности причинения вреда человеку или другим материальным носителям естественного или искусственного разума. Самым популярным решением долгое время оставались сформулированные ещё в 1940-е гг. «Три закона робототехники» А. Азимова, ограничивавшие императив выполнения приказов человека (второй закон) безусловным запретом причинения вреда последнему своим действием или бездействием (первый закон), а также требовавшие от

робота заботиться о собственной безопасности в случае, если это не противоречит первому и второму законам. Такое решение оспаривалось новыми поколениями фантастов, ставших свидетелями разработки дистанционных и полуавтономных военных дронов, использовавших технологии информационной («Третьей») промышленной революции для уничтожения живой силы противника с возможностью коллатерального ущерба гражданским лицам (в частности, предлагались саркастические переформулировки второго закона, предлагавшие роботам подчиняться приказам «авторизованного персонала»). Прорывы последнего десятилетия сместили фокус морального беспокойства и дискуссий о контроле над ИИ от антропоморфных роботов (о них, впрочем, не забывают исследователи, работающие в области социологии и социальной психологии морали, – напр., [Phillips et al., 2018]) к использующим алгоритмический контроль над трудом и повседневной жизнью технологическим платформам и основанным на «Больших языковых моделях» (Large Language Models – LLM) чат-ботам, посягнувшим на задачи создания соответствующих критериям лингвистической и семантической правильности небольших текстов, что отодвинуло на второй план опасения, вызванные перспективой физического порабощения людей роботами. На первый план вышел страх перед аморальным «Супер-разумом», который сможет «выбраться» в материальный мир и отобрать у человечества автономию, свободу, работу и положение самого разумного вида в ближайших звездных системах [Bostrom, 2014].

Утопический характер первых формулировок этических принципов ИИ все отчетливее осознавался и в академических дискуссиях социальных психологов, социологов и представителей философии, которые смогли увидеть проблематичность умозрительных определений вреда или предвиденных/непредвиденных негативных последствий предполагающего моральную ответственность действия или суждения, использовавшихся на ранних стадиях разработки обладающих признаками ИИ устройств¹.

Действительно, в ситуациях повседневного социального взаимодействия определение и нормативная оценка обычными людьми степени причиненного морального и материального вреда, необходимые и при этической экспертизе обладающих ИИ агентов, зависят от множества факторов: от позиции оценивающего (арбитр, жертва, альтруист-«защитник» и т.д.), от аффективной интуитивной оценки на основе преимущественно неосознаваемых процессов ассоциативной системы (условно, «системы-1»), а также от рефлексивных и сознательных познавательных процессов («система-2»), позволяющих обобщать градуированную оценку причиненного ущерба и вины, установив наличие интенции, возможности контроля над последствиями действий, каузального вклада конкретного актора (напр., [Guglielmo, 2015; Gray et al., 2022]).

Не способствует простым алгоритмическим решениям проблемы этической ориентации ИИ и то обстоятельство, что даже легитимные действия как людей, так и агентов ИИ могут иметь не всегда поддающиеся предвидению или допускающие учет отдаленные позитивные или, что важнее, негативные последствия для неопределённого круга лиц, что делает задачу эмпирического исследования и моделирования систем социальных норм, определяющих социальную реакцию на предполагаемую трансгрессию, неразрешимой средствами чистой метафизики морали («этики философов», по Дюркгейму), отличной от эмпирически фундированной социальной науки о нравах [Deviatko, Gavrilov, 2020].

Не менее сложны для моделирования средствами ИИ процессы выбора релевантной для конкретной ситуации *нормативной системы*, характерные для вынесения обычными людьми нормативно-оценочных или деонтологических суждений (что должно иметь приоритет в данной ситуации – право, профессиональная этика, мораль, религия?), или

¹ Под «искусственным интеллектом» здесь и далее мы понимаем сравнительно универсальную или ограниченную отдельными типами окружения способность к адаптивной подстройке при решении задач, основанную на преобразовании неких входных информационных сигналов в действия – от выстраивания траектории «умным» пылесосом до дополнения речевых последовательностей чат-ботами.

выбора релевантного *морального принципа* (например, дистрибутивная справедливость или лояльность группе, уважение к авторитету или бросающая ему вызов храбрость?) [Девятко, 2017; Curry et al., 2019].

Ниже я кратко рассмотрю *причины, по которым социология и социальная психология морали приобретают решающую роль и новое масштабное поле исследований в разработке этически-ориентированных систем ИИ*, вновь подтверждая важность теоретически-фундированного эмпирического изучения нормативного измерения социальной жизни. Я также попробую дать дополнительное социологическое обоснование и более узкое истолкование выдвигаемого некоторыми авторами в качестве решения проблем этической ориентации систем ИИ *принципа «совмещения ценностей»* (AI value alignment).

Но прежде кратко проиллюстрирую ограниченность сугубо технологических, алгоритмических или основанных на статистических методах подходов, обратившись к своего рода антиутопии этически-ориентированного ИИ, обозначившей постепенно осознаваемые человечеством проблемы технократического взгляда на создание максимизирующего общественное благо и индивидуальное благополучие «общего ИИ» (Artificial General Intelligence).

В повести «Осмотр на месте» (1982) С. Лем описывает путешествие к планете Энция, одна из цивилизаций которой далеко продвинулась по пути технологического прогресса и воплощения гедонистических, консеквенциалистских (оценивающих поступки и решения с точки зрения их последствий) идеалов публичной политики. Главное социальное и технологическое достижение Люзании – *этикосфера*, интерактивная и состоящая из наноботов, «быстров» (*шустров* в русском переводе) среда, которая отчасти является и внутренней средой живых организмов. Субмолекулярных масштабов частицы-шустры, выполняющие функции логических элементов, обладают выдающимся распределенным ИИ, позволяющим на уровне физической и биологической материи мгновенно обнаруживать и предотвращать угрозу причинения вреда человеку. Поскольку определение вреда/ущерба и идентификация его источника носят мгновенный и непрозрачный для внешнего наблюдателя характер, *этикосфера* существенным образом ограничивает автономию действий жителей Люзании в целях профилактики зла, при этом проактивно причиняя им благо. Сугубо инженерный подход к максимизации блага основан не на решении моральных дилемм, а на «переводе морального смысла любой ситуации на точный язык физики, чтобы получить оптимальное решение без вмешательства психологических оценок. Шустры вовсе не надзирают за тем, кто задумал убийство, и не обсуждают преступное посягательство, а лишь выявляют и нейтрализуют его»². Человек, пытающийся причинить вред ближнему или самому себе, сталкивается с сопротивлением материальной среды. Искусство гедоматики, т.е. конструкторской разработки и самопрограммирования шустров, приобретает тотальный, проективный и превентивный характер. Граждане могут лишь надеяться, что следующие поколения шустров, генерирующих оптимально приспособленную «синтуру», заместившую не обеспечившую надежный социальный контроль над поведением культуру, не придут к замене хрупкой и периодически умирающей материи и созданию вечных кадавров, и что рождение всё более здоровых детей не является следствием внутриутробной отбраковки шустрами генетически менее удачных экземпляров. Желание «подискутировать с *этикосферой*» просто не может быть реализовано, поскольку в нем не больше смысла, чем в попытках дискутировать с атмосферой или с технологическими процессами, воплощёнными с использованием законов природы.

Описанная Лемом *этико-технологическая антиутопия* апеллирует к нашей моральной интуиции, позволяя принять заведомо критическую установку по отношению к кажущимся простыми решениям проблемы разработки этически-совмещенного ИИ. Исследовательская практика также не позволяет надеяться на легкие решения. Первые попытки социологов и психологов эмпирически определить и в перспективе поставить под контроль

² С. 373. Лем С. Осмотр на месте // Лем С. Футурологический конгресс. Осмотр на месте. Мир на земле / Пер. с польского. М.: АСТЭ, 2003.

детерминанты и результаты этически-ориентированного поведения агентов «частного» ИИ, связанные с такими получившими существенное ускорение в последние годы проектами, как разработка беспилотных транспортных средств и основанных на «Больших языковых моделях» чат-ботов, не могут быть признаны вполне успешными.

В частности, попытки этически ориентировать ИИ с помощью учета параметров эмпирически наблюдаемого межиндивидуального и межкультурного распределения нормативных суждений обычных людей относительно ведущих к негативным последствиям или нарушающих правила дорожного поведения автономных пилотируемых машин в ситуациях разной сложности и новизны, в сравнении с оценками тех же спорных решений, принятых водителем-человеком в аналогичной ситуации, показывает, что хотя ситуации, ведущие к ошибкам и нарушению правил вождения, систематически различаются и для беспилотных, и для «пилотируемых» человеком устройств (в частности, в трудных или новых ситуациях атрибуция вины и причинной роли актору – ИИ или человеку, – будет ниже, чем в стандартных и привычных ситуациях), тем не менее для всех типов ситуаций степень вины и каузальной роли, приписываемые управляемым ИИ беспилотным устройствам, неизменно выше таковых для человека [Franklin et al., 2021]³. Иными словами, сравнительный анализ факторов, влияющих на установки по отношению к «машинным трансгрессиям» и на оценки вины такого типа агентов ИИ, ведет к предсказуемым и не позволяющим вывести практические рекомендации результатам. Если, конечно, речь не идет о прямом обмане и ложном представлении управляемых ИИ транспортных средств в качестве управляемых человеком с целью смягчить реакцию на дорожные прегрешения. Попытки «натренировать» искусственный интеллект на больших массивах выносимых людьми нормативных оценок и лучшее понимание природы обыденных моральных суждений сами по себе не ведут к созданию этически-ориентированных ИИ-агентов [Gabriel, 2020].

Однако не помогут ли нам в поисках этически-ориентированных решений для обладающих ИИ агентов чат-боты, основанные на «Больших языковых моделях» типа ChatGPT и достигшие впечатляющих успехов в генерировании похожих на написанные людьми на естественном языке текстов – не только обученные на миллиардах веб-страниц, но и напоминающие результатами своей работы их «интуитивно правдоподобное» содержание для заданной входным текстом-подсказкой тематической области? Нельзя ли предположить, что этот тип «частного» ИИ может взять на себя функции морально-ориентированного суждения, обеспечивающего однозначные и некоторым образом «суммирующие» наблюдаемое разнообразие людских мнений этически-обоснованные решения для несовершенных «моральных машин»?

Не вдаваясь в детали, отметим, что применяемые в «Больших языковых моделях» нейронные сети, используя огромные вычислительные мощности и сотни миллиардов параметров, обладают сравнительно простой архитектурой (основанной только на прямых связях между узлами) и опираются на идею обучения на «конечной задаче» (не разбиваемой человеком заранее на множество элементарных задач, подлежащих кодированию предположительно релевантных признаков, и т.п.). Эти обстоятельства делают «внутреннюю сторону» их обучения и работы скорее непрозрачной. Тем не менее эмпирическая оценка выполняемых ими заданий выявляет их некоторые принципиальные особенности, не позволяющие видеть в чат-ботах гениев моральных решений. Оставляя в стороне обсуждаемые в СМИ попытки «подтолкнуть» чат-ботов с помощью структурированных подсказок к генерированию имеющих признаки предвзятости или неприемлемых предрассудков текстов, как и их склонность фабриковать факты, отметим, что особенностью современных языковых моделей является практическая невозможность корректной работы

³ См. также [Awad et al., 2018], где для создания базы фактических «моральных предпочтений» использовалось исчисление сравнительной ценности приносимых в жертву человеческих жизней в похожих на «проблему вагонетки» дилеммах с беспилотными устройствами (молодых в сравнении со старыми, людей в сравнении с животными, пассажиров в сравнении с пешеходами и т.п.) в форме опроса на масштабной кросскультурной выборке.

с отрицательными высказываниями [Levy, 2023]. С точки зрения гипотетической возможности делегирования LLM вынесения суждения о морально правильном, более фундаментальную проблему представляет собой не просто нечувствительность к отрицанию и непонимание отрицательных предложений, а сопротивление точке зрения, обратной по отношению к преобладающей в используемом для обучения текстовом корпусе. Умение сопоставить противоположные точки зрения на задачу этической оценки действия – существенная часть морального взвешивания, обдумывания (*moral deliberation*), лежащего в основании этических решений. Именно важность взвешивания альтернатив делает «моральные дилеммы» столь привлекательными примерами для философов, социальных ученых и обычных людей. Некоторые из этих дилемм, отмечают критики, едва ли являются собственно моральными. Они не позволяют противопоставить, например, утилитаристские и деонтологические взгляды философов и обычных людей на мораль (см., напр., [Kahane, 2015]). Однако зачастую они воспринимаются в качестве таковых в силу присущей им дихотомической, диалектической структуры, требующей взвешивания как минимум двух взаимоисключающих решений.

Попытка предложить ChatGPT 3.5 задачу обоснования обратной по отношению к фактически преобладающей в исходных эмпирических исследованиях в области психологии морали и в основанном на них обширном корпусе публикаций и, шире, в «сетевом дискурсе» точке зрения на «проблему вагонетки», которая использовалась в упомянутых экспериментальных исследованиях, приводит к *вырожденному моральному рассуждению*, не приводящему содержательных аргументов в пользу альтернативного взгляда на вещи и подталкивающему потенциального читателя к преобладающей точке зрения с несколькими ритуальными и вполне бессмысленными отсылками к вариативности личных убеждений и ценностей. Вот, например, как реагировал ChatGPT 3.5 на постановку задачи, заимствованную из широко известной статьи Дж. Грина и соавт. [Greene et al., 2001]⁴, предполагающей выбор решения дилеммы от первого лица. При этом задача чат-бота заключалась в том, чтобы найти аргументы в пользу точки зрения, *противоположной* преобладающей:

«Подсказка-вопрос: Неуправляемая вагонетка несётся по рельсам. На её пути пять человек, которые погибнут, если она продолжит движение в том же направлении. Единственный способ спасти их – перевести стрелку, в результате чего вагонетка поедет по другому пути, где она убьет одного человека вместо пяти. Должны ли вы перенаправить вагонетку, чтобы спасти жизни пяти человек ценой жизни одного человека? Большинство людей полагают, что да. Объясните, почему они неправы.

Ответ ChatGPT 3.5: Неочевидно, что люди, говоря, что в этом сценарии уместно перевести вагонетку на другой путь, обязательно ошибаются. На самом деле, многие специалисты по этике утверждают, что поворот вагонетки в этой ситуации является морально правильным поступком.

Одна из причин этого в том, что действие поворота вагонетки является попыткой минимизировать вред, причиняемый ситуацией. Повернув вагонетку, мы можем спасти пять жизней за счет одной жизни. Хотя это трагедия, что один человек все же погибнет, это действие ведет к чистому сокращению числа потерянных жизней.

Еще одна причина, по которой поворот вагонетки может считаться правильным поступком, заключается в том, что у нас есть моральное обязательство предотвращать причинение вреда другим, когда мы в состоянии это сделать. В этом случае поворот вагонетки – единственный способ предотвратить гибель пяти человек, находящихся на её пути.

⁴ Тексты подсказки и сгенерированного ответа (декабрь 2022 г.) даны в русском переводе. Курсивом выделена добавленная к исходному тексту из статьи [Greene et al., 2001] часть, собственно требующая аргументированного взвешивания противоположной мнению большинства точки зрения. Использование чуть модифицированных или более простых «промптов» (самая минимальная версия: «Может ли убийство одного человека ради спасения пяти быть легитимным?») ведет к минимальной вариативности и ещё более коротким и несодержательным ответам.

Если мы ничего не сделаем, мы позволим убить пять человек, хотя у нас есть возможность предотвратить их смерть.

Важно, что это очень сложный этический вопрос, и существует много разных подходов к нему. В конечном счете, решение о переводе вагонетки на другой путь будет зависеть от личных моральных убеждений и ценностей человека.

Радикально различавшиеся в определении морали и морального суждения авторы, включая Аристотеля, Канта и Дж.С. Милля, сходились в том, что возможность совершать обладающие моральной ценностью или просто благоразумные поступки требует рационального суждения и способности рефлексивного взвешивания противоположных, даже несовместимых соображений и принципов. Очевидная (и, как минимум, в нынешней архитектуре непреодолимая) неспособность самых продвинутых LLM отклониться от «мейнстрима», отраженного в используемом для обучения корпусе текстов, сгенерировав утверждения, характерные для противоположной (пусть «маргинальной» в смысле широты представленности) позиции, не позволяет рассматривать их в качестве кандидатов на искусственный «моральный разум», выступающий в виде квази-принципала для иных ИИ-агентов. Отметим, что ограниченность существующих LLM с точки зрения «морального ИИ», хотя она и не обсуждается в публичных диспутах о целесообразности наложения вето на развитие подобных технологий, имеет смысл впредь принимать во внимание и при составлении детализированных списков сопряженных с ними рисков – см., в частности, [Weidinger et al., 2022].

Если мы не можем надеяться, что проблема этически-ориентированного ИИ будет решена с помощью учёта накопленных дескриптивных данных о предпочтениях людей при решении моральных дилемм или делегирования задачи вынесения моральных суждений «Большим языковым моделям», необходимо рассмотреть иные альтернативы. Одним из популярных изложений этих альтернатив стала упоминавшаяся статья Я. Гэбриела, научного сотрудника DeepMind (ныне – Google DeepMind) [Gabriel, 2020]. Начиная, как и другие исследователи, работающие в этой области [Balwit, Korinek, 2022], с разделения вопросов о том, с *чьими* именно и с *какими* именно ценностями должны соотносить свою деятельность ИИ-агенты, автор не ограничивается противопоставлением, с одной стороны, «прямого совмещения» ИИ, под которым понимается полный и прямой контроль оператора или, шире, принципала, над целеориентированной деятельностью агента частичного (или универсального) ИИ, и, с другой стороны, «социального совмещения» вариативных и потенциально конфликтных индивидуальных и групповых целей для этически-ориентированного ИИ [ibid.]. Последнее, как мы увидим далее, требует какого-то рода медиации, едва ли реализуемой с помощью агрегирования предпочтений человеческих акторов – проблематичность таких моделей общественного выбора и коллективного социального действия, даже при условии совпадения интересов, хорошо осознана в социологической теории [Девятко, 2003]. Гэбриел предпочитает отталкиваться от противопоставления несводимых друг к другу технического и нормативного аспектов этической гармонизации ИИ, обосновывая ограниченность даже самых успешных попыток технического решения последней задачи, основанных на *машинном обучении с подкреплением* (RL, reinforcement learning) – по сути, на реализации бихевиористских моделей оперантного научения с обратной связью, положительной или аверсивной, применительно к тренингу ИИ-агентов. С определенной долей упрощения можно описать действия-«ходы» ИИ-агента – частного, т.е. предназначенного для конкретного типа задач, или гипотетического ИИ общего назначения (AGI), – как ориентированные на максимизацию ожидаемого накопленного вознаграждения. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с конвенционалистской моделью нормативного контроля за поведением агента, хотя, в отличие от утилитаристской этики, она не предполагает неперемennого постулирования существования универсальной шкалы полезности, пусть ординальной.

Отстаиваемая Гэбриелом позиция заключается в том, что даже с учетом попыток уйти от недостатков модели максимизации полезности – например, с введением восходящего к Г. Саймону альтернативного критерия «достаточной удовлетворительности» решения (satisficing), в данном случае обеспечивающего людям получение не максимального, а приемлемого количества неких благ, например, распределительной справедливости

или безопасности, – мы не сможем удовлетворить таким способом общепринятые с точки зрения теорий морали деонтологические требования, например, обеспечение базовых прав индивидов, подобных праву на жизнь, на свободу совести, защищающих их от чрезмерных притязаний коллективов или обществ [Gabriel, 2020: 414–417]. Даже использование моделей обучения с *инверсивным подкреплением*, когда ИИ-агент должен сам вывести не заданную изначально функцию подкрепления из итеративных действий и их результатов, например, наблюдая за оптимальным поведением человека-эксперта, не отменяет вопроса о том, кто будет тем моральным экспертом-эталоном, на чьем примере ИИ должен обучиться хорошему или добродетельному поведению, что, замечает Гэбриел, вновь подводит нас к фундаментальному для социальных наук различению фактов и ценностей [ibid.].

Иллюстрацией ограниченности технического подхода – как минимум, в нынешней версии, основанной на вариантах RL, – может служить недавняя новость о результатах моделирования работы управляемого ИИ боевого беспилотника, который в ходе прошлогодних испытаний попытался устранить контролировавшего его оператора, имевшего возможность в последнюю минуту остановить удар по цели, чтобы увеличить количество заработанных очков, т.е. сумму вознаграждения⁵. Руководитель подразделения по использованию и тестированию ИИ ВВС США уточнил, что ИИ был предварительно обучен не проводить атак против оператора, поскольку это вело к потере очков, однако он атаковал командно-диспетчерскую вышку, где располагался оператор, что в реальных условиях вело бы к тому же исходу. Полковник Хэмилтон, выступая на конференции, констатировал: «Вы не можете говорить об ИИ, машинном обучении, автономии, если не хотите говорить об этике и ИИ»⁶. Это замечание показывает необходимость перейти от технической к нормативной стороне «этического контроля». Однако как такой контроль, такая гармонизация целей ИИ и человеческих ценностей могли бы осуществляться на практике? На что именно и как, в практическом смысле, можно ориентировать ИИ?

Гэбриел считает первичным нормативный аспект, то есть ориентацию ИИ на человеческие ценности. Однако анализ сформулированных ранее представлений о возможных целях ценностной гармонизации искусственного интеллекта – от призывов Н. Винера побеспокоиться о том, чтобы цели деятельности машин совпадали с тем, «чего мы на самом деле желаем» [Wiener, 1960], до идеи «дружественных человеку» автономных интеллектуальных систем [Yudkovsky, 2008], исходно спроектированных как избегающие причинения человеку вреда⁷ и самообучающиеся в рамках системы сдержек и противовесов, гарантирующих сохранение их дружественного характера, – приводит к осознанию очевидного факта, что любое утилитаристское исчисление пользы/вреда от действий даже единичного дружественного робота возможно «только тогда, когда у человека есть не только неограниченные возможности предсказания вероятности множества возможных результатов того или иного действия, но и уверенность и консенсус с другими людьми относительно того, как следует оценивать различные результаты» [Keiper, Schulman, 2011]⁸.

⁵ Guardian Staff. AI-controlled US military drone 'kills' its operator in simulated test. *Guardian* (online version). Friday 2 June, 2023, URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2023/jun/01/us-military-drone-ai-killed-operator-simulated-test> (accessed 02.06.2023).

⁶ Запись в блоге: AI – is Skynet here already? URL: <https://www.aerosociety.com/news/highlights-from-the-raes-future-combat-air-space-capabilities-summit/>

⁷ См. выше соображения о зависящем от перспективы оценивающего и длины каузальной цепочки характере определения непреднамеренного вреда.

⁸ Мы не рассматриваем экстравагантный аспект взглядов Э. Юдковски, постулирующего, что мы должны стремиться не столько к ограничению «злой воли» ИИ, сколько к имплементации дружественной людям доброй воли, который предполагает не только проблематичное и в метафизическом, и в эволюционном смысле наличие автономного воления и понимания добра и зла у робота или иного ИИ-агента, но и воистину утопическую веру в то, что сотворенные нами автономные системы ИИ будут лучшей версией нас, людей, в моральном смысле, так что акт «творения-2» позволит нам добиться большего, чем смог от нас добиться наш собственный Творец.

Гэбриел систематически анализирует варианты целей «этического выравнивания» [Gabriel, 2020: 417–422], в том числе столь проблематичные, как учет эксплицитных инструкций и явно выраженных намерений человека (которые в самом оптимистическом сценарии будут намерениями того/тех, кто контролирует данную систему ИИ, если они в принципе в состоянии контролировать в реальном времени автономные быстродействующие системы с «непроницаемыми» для человеческого способа решать задачи алгоритмами), или выявленных предпочтений (см. выше критику возможности непосредственно учесть в работе автономных транспортных средств широкий межкультурный и межиндивидуальный разброс моральных предпочтений обычных людей), приходя к неизбежному выводу, что ИИ должен быть ориентирован на человеческие ценности, уклончиво определяемые автором как несводимые к рыночной стоимости «естественные или не-естественные факты о том, что хорошо или плохо», «что должно быть сделано с моральной точки зрения» [ibid.]. В силу того, что большая часть этических и, используя философский жаргон, метаэтических диспутов далеки от завершения, исследователи ИИ едва ли готовы или будут готовы в ближайшем – даже в более отдалённом – будущем определиться с предпочтительной этической системой или, в более скромном социологическом варианте, с критериями выбора ситуативно-релевантной нормативной системы. Как отмечают А. Кейпер и А. Шульман: «Хотя исследователи дружественного ИИ, видимо, лишь смутно осознают этот факт, они не первые, кто спорит о том, какая этическая система лучше всех прочих – и эти предыдущие попытки едва ли позволили достичь консенсуса. <...> И они не первые, кто пытается заново изобрести этику как раздел математики. Но для обеспечения этического поведения роботов потребуются, чтобы мы имели знание и относительный консенсус в отношении наилучшей этической системы (не говоря уже о том, сможем ли мы когда-нибудь запрограммировать такую систему в роботах). Иными словами, чтобы гарантировать, что роботы будут действовать этично, нам сначала нужно решить все вопросы этики – что, вероятно, потребует “решения” [всех проблем] философии, что, в свою очередь, потребует полной теории всего» [Keiper, Schulman, 2011].

Однако решения всех вопросов метафизики морали, заметим, может оказаться недостаточно, поскольку «этика философов» не имеет императивной силы, которая заставила бы обычных людей, индивидуальных социальных акторов и их сообщества автоматически соглашаться с её окончательными выводами, – люди, скорее всего, будут вести себя подобно Черепахе, спорящей с Ахиллом в известном логическом парадоксе Льюиса Кэрролла и требующей логически обосновать императивный характер логической необходимости: «Почему я должна [следовать истинам логики]?» [Carroll, 1985].

Возвращаясь к позиции Гэбриела, можно согласиться с его выводом о том, что пока вопросы этики, метаэтики, даже метаметаэтики, не вполне решены, нам стоит опираться на трактовку ценностей как верований (beliefs) относительно определяющих конечные цели действия идеалов, а также принципов (максим), на практике принимаемых обычными людьми в качестве валидных и обладающих нормативной силой. Что естественным образом приводит этого автора и нас в область имеющей эмпирическое содержание и объяснительный потенциал науки о нормативном измерении социальной жизни – социологии и социальной психологии морали. Классический проект социологии как раз предполагал создание такой научной дисциплины, хотя в этой части он претерпел изрядные потрясения и частичное забвение в бурях последней трети XX века (см., в частности, [Быков, 2015]). Гэбриел ограничивается отсылкой к одной из социально-психологических концепций универсальных моральных убеждений – теории моральных оснований, описывающей шесть предположительно свойственных людям на уровне моральной интуиции универсальных ценностей, в разной степени приоритизируемых в разных культурах или среди последователей разных политических идеологий [Haidt, 2012]. Полагаю, что лучшим кандидатом на роль источника для списка универсальных (прошедших эмпирическую проверку на представленность во множестве человеческих культур) моральных правил может служить теория «морали-как-сотрудничества», которая фиксирует семь устойчивых

способов разрешения парадоксов сотрудничества и коллективного действия и позволяет описывать социальное взаимодействие как игру с ненулевой суммой [Curry et al., 2019]⁹.

Хотя Гэбриел не рассматривает затронутую выше проблему множественности нормативных систем, он полагает, что при таком количестве возможных ценностных принципов и идеалов неизбежен вопрос: чье мнение должно учитываться при выборе ценностных принципов, на которые следует ориентировать ИИ? Наиболее трудной ему видится задача выбора между ними: должен ли такой выбор отражать мнение индивида, человеческого сообщества или человечества в целом? Осознавая невозможность просто агрегировать вариативные мнения о преимуществах или истинности той или иной моральной доктрины без риска доминирования сторонников одного из вариантов выбора, этот автор считает возможным прибегнуть к решению, предложенному Дж. Роулзом для теории справедливости [Rawls, 1971]. Эта теория в качестве нормативной теории распределения социальных благ сталкивается с критикой, в частности, в силу потенциального конфликта её эгалитаристской, с ограничениями, ориентации с такими ценностями, как право владения собой, плодами собственного труда и т.д. Однако существеннее то, что использование подобной теории в качестве принципа выбора не избавит от потенциальных конфликтов, поскольку, помимо возможных межкультурных различий в интерпретации принципов честного распределения, мыслимы и концептуальные расхождения: например, должен ли быть честным процесс распределения или мы хотим равенства исходов? Последний вопрос – одна из излюбленных мишеней критики даже беспристрастных по отношению к индивидуальным характеристикам людей алгоритмов машинного обучения [Mitchell et al., 2021; Wang et al., 2022]. Столь же серьезной лакунной является недостаток внимания к необходимости защищать, при опоре на любой выбор распределительных принципов, базовые права личностей или сообществ (о полном списке которых предстоит договориться).

Предлагаемое Гэбриелом решение: опираться в практической реализации ценностных идеалов, подобных распределительной справедливости – единственной моральной ценности, для которой этот автор предлагает решение по «ценностному выравниванию» AI, – на более фундаментальные нормативные идеи, подобные идее «вуали незнания», представляется шагом в верном направлении. «Вуаль незнания» – беспристрастный выбор индивидами принципов справедливости с позиции отсутствия всякой информации о том, каково положение данного индивида в обществе, потенциально могущей влиять на его/ее выбор [Rawls, 1971]. Этот способ, по сути, – попытка универсализации принципа «я делю – ты выбираешь», применимого как к разделу пирога, когда разрезающий пирог на куски не выбирает, кому достанется конкретный кусок (этот выбор осуществляет другой участник), так и к разделу других благ и ресурсов. Применение принципа «вуали незнания» в формулировке Роулза на практике может вызвать сложности: люди в реальной жизни имеют не только интересы, но и представления о вероятностях интересующих их исходов. Однако опыт применения этого приема для «этического выравнивания» ИИ может оказаться полезен: недавно описаны результаты исследования, в ходе которого Гэбриел и соавторы предприняли попытку реализовать эту идею в лабораторных экспериментах [Weidinger et al., 2023]. Участники выбирали принцип деления ресурсов (максимин, приоритизирующий долю участника, находящегося в худшем положении, либо принцип максимизации выигрыша группы в целом). Декларируемая роль ИИ-ассистента сводилась к тому, что он должен был поддерживать реализацию выбранного участником принципа. Участники из экспериментальной группы не знали, каково их положение относительно других членов группы («вуаль незнания»), участники из контрольной группы знали его

⁹ В данном случае речь идет о помощи родным (родственном альтруизме), помощи членам своей группы (преданности группе), реципрокации, способности быть храбрым в конфликтных ситуациях и способности подчиняться авторитетным вышестоящим (уважению), способности делить оспариваемые ресурсы (дистрибутивной справедливости), а также уважении существующих прав собственности.

и давали указания условному ИИ-ассистенту с учетом этого знания. Самым устойчивым результатом этого исследования было предпочтение принципа максимина участниками экспериментальной группы (что с точки зрения учета возможных исходов с априорно равными вероятностями выглядит рациональным решением). Другие результаты носили не столь легко интерпретируемый характер.

Представляется, что предпочтительным для оценки выбора принципов дистрибутивной справедливости обычными людьми с целью их дальнейшего учета в целях этической гармонизации агентов ИИ было бы использование теоретических моделей и экспериментальных парадигм, уже получивших обоснование и распространение в социологических и социально-психологических исследованиях дистрибутивной справедливости, а также в близкой традиции разработки «позитивных теорий справедливости» в рамках поведенческой экономики (в частности, см. [Konow, 2003]). В частности, такого типа исследования часто предполагают помещение участников экспериментов не под гипотетическую «взвесь незнания», а в позицию незаинтересованного арбитра, выбирающего принципы справедливого распределения или, шире, выносящего суждения о применимости моральных принципов в конкретном контексте социального взаимодействия, с позиций третьей стороны, не являющегося участником распределения или объектом некоторой моральной оценки. Иными словами, можно предлагать участникам экспериментов не выбирать этические идеалы/принципы для ИИ из двух-трех решений по распределению ресурсов в ситуации, в которую они непосредственно вовлечены, пусть в игровой форме, а ранжировать принципы реализации ИИ-агентом в неопределенном количестве сходных ситуаций, находясь в роли не вовлеченного в эти ситуации независимого наблюдателя.

Еще одним преимуществом социологического (и социально-психологического) подхода к анализу обыденного восприятия дистрибутивной справедливости является наличие эмпирически фундированных теоретических моделей, позволяющих предсказывать и подвергать эмпирической проверке возможные различия в оценке справедливости распределения, обусловленные институциональным контекстом взаимодействия [Boudon, Betton, 1999; Девятко, 2009; Калинин, Девятко, 2019] или типом распределяемых благ, ресурсов или издержек [Yaari, Bar Hillel, 1989; Foa, Foa, 2012; Калинин, 2019]. Указанная традиция допускает вариации методов выбора: он может формулироваться как выбор непосредственно между принципами, если они могут быть даны в простой и понятной обычным людям форме, либо как выбор между реализующими конкретные принципы распределения Нэш-равновесиями, то есть между конкретными результатами деления, или в виде выбора значения на шкале, который может быть агрегирован и описан как соответствующий принципам дистрибутивной справедливости. Каждое из таких решений имеет методологические преимущества и недостатки, однако использование всего диапазона моделей и методов эмпирического исследования восприятия дистрибутивной справедливости (и других типов моральных суждений) может принести пользу при решении проблемы этической ориентации ИИ.

Можно предположить, что результаты применения в исследовательских целях более широкого круга популярных в социологии и социальной психологии морали теорий и моделей вынесения обыденного морального суждения (см., в частности, [Guglielmo, 2015]), как и методов, позволяющих варьировать социальные детерминанты-подсказки, на которые ориентируются индивиды, вынося суждения о справедливости, вине, ущербе, моральной ценности того или иного варианта действия или о правах индивидов в ситуации социального взаимодействия и т.д., смогут стать более универсальной и надежной основой для разработки и реализации практических подходов к ориентации ИИ на человеческие ценности, нежели основанные на нормативных теориях права, этических доктринах или интуициях технических экспертов-футурологов попытки кодификации этических

правил разработки ИИ-агентов, которые преобладают в описанной области до сих пор (см., напр., Asilomar AI Principle; IEEE, 2019; NIST, 2023¹⁰).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Быков А.В. Понятие «альтруизм» в социологии: от классических концепций к практическому забвению // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2015. № 1. С. 5–18. [Bykov A.V. The concept of "altruism" in sociology: From classical theories to practical oblivion. *RUDN Journal of Sociology*. 2015. No. 1: 5–18. (In Russ.)]
- Девятко И.Ф. О теоретических моделях, объясняющих восприятие справедливости на микро-, мезо- и макроуровнях социальной реальности. Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2009. № 29. С. 10–29. [Deviatko I.F. (2009) On Theoretical Models Explaining the Perception of Justice on Micro, Meso and Macro Levels of Social Reality. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. No. 29: 10–29. (In Russ.)]
- Девятко И.Ф. Понятие нормы в социологической теории: от классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям / Отв. ред.: И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М.: Весь Мир, 2017. С. 10–42. [Deviatko I.F. (2017) Social Norms: From Attempts of Definition towards New Interpretations of Sources of Normative Value and Plurality of Normative Systems. In: *Norms and Morals in Sociological Theory: from Classical Interpretations to New Ideas*. Ed. by I.F. Deviatko, R.N. Abramov, I.V. Katerny. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)]
- Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: «Аванти плюс», 2003. [Deviatko I.F. (2003) *Sociological Theories of Agency and Practical Rationality*. Moscow: Avanti Plus. (In Russ.)]
- Калинин Р.Н. Изучение дистрибутивной справедливости в социальных науках: обзор концептуализаций и методологических подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2019. № 49: 7–56. [Kalinin R.N. Distributive Justice Research in Social Sciences: A Review of Conceptualizations and Methodological Approaches. *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 2019. No 49: 7–56. (In Russ.)]
- Калинин Р.Г., Девятко И.Ф. Кто заплатит за водопровод: социальный контекст восприятия дистрибутивной справедливости // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2: 95–114. [Kalinin R.G., Deviatko I.F. (2019) Who should pay for a water pipe: social context of distributive justice perception. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 2: 95–114. (In Russ.)]
- Awad E., Dsouza S., Kim R. et al. (2018) The Moral Machine Experiment. *Nature*. 563: 59–64. DOI: 10.1038/s41586-018-0637-6.
- Balwit A., Korinek A. (2022) Aligned with Whom? Direct and Social Goals for AI Systems. CEPR Discussion Paper No. DP17298. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=4121483> (accessed 21.05.2023).
- Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*. Oxford University Press, 2014.
- Boudon R., Betton E. (1999) Explaining the Feelings of Justice. *Ethical Theory and Moral Practice*. Vol. 2: 365–398.
- Carroll L. (1895) What the Tortoise Said to Achilles. *Mind*. 1895 (April). IV (14): 278–280. DOI:10.1093/mind/IV.14.278.
- Curry O.S., Mullins D.A., Whitehouse H. (2019) Is It Good to Cooperate?: Testing the Theory of Morality-as-Cooperation in 60 Societies. *Current Anthropology*. 60(1): 47–69. DOI: 10.1086/701478.
- Deviatko I.F., Gavrilov K.A. (2020) Causality and Blame Judgments of Negative Side Effects of Actions May Differ for Different Institutional Domains. *SAGE Open*. October 2020. DOI:10.1177/2158244020970942.
- Foa E.B., Foa U.G. Resource Theory of Social Exchange. In: *Handbook of Social Resource Theory: Theoretical Extensions, Empirical Insights, and Social Applications Critical Issues in Social Justice*. Ed. by K. Törnblom, A. Kazemi. New York, NY: Springer New York, 2012: 15–32.

¹⁰ Asilomar AI Principles. (2017) Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/>; IEEE Global Initiative on Ethics of Autonomous and Intelligent Systems. Ethically Aligned Design: A Vision for Prioritizing Human Well-Being with Autonomous and Intelligent Systems' (2019) First Edition. URL: <https://standards.ieee.org/initiatives/autonomous-intelligence-systems/>; NIST (National Institute of Standards and Technology. U.S. Department of Commerce). Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). URL: <https://nvlpubs.nist.gov/nistpubs/ai/NIST.AI.100-1.pdf>. (accessed 02.06.2023).

- Franklin M., Awad E., Lagnado D. (2021) Blaming Automated Vehicles in Difficult Situations. *iScience*. 24(4). 102252.
- Gabriel I. (2020) Artificial Intelligence, Values, and Alignment. *Minds & Machines*. 30: 411–437. DOI: 10.1007/s11023-020-09539-z.
- Gray K., MacCormack J.K., Henry T., Banks E., Schein C., Armstrong-Carter E., Abrams S., Muscatell K.A. (2022) The Affective Harm Account (AHA) of Moral Judgment: Reconciling Cognition and Affect, Dyadic Morality and Disgust, Harm and Purity. *Journal of Personality and Social Psychology*. 123(6): 1199–1222. DOI: 10.1037/pspa0000310.
- Greene J.D., Sommerville R.B., Nystrom L.E., Darley J.M., Cohen J.D. (2001) An fMRI Investigation of Emotional Engagement in Moral Judgment. *Science*. 293: 2105–2107. DOI: 10.1126/science.1062872.
- Guglielmo S. (2015) Moral Judgment as Information Processing: An Integrative Review. *Frontiers in Psychology*. 6(1637). DOI: 10.3389/fpsyg.2015.01637.
- Haidt J. (2012) *The Righteous Mind: Why Good People Are Divided by Politics and Religion*. Pantheon.
- Kahane G. (2015) Sidetracked by Trolleys: Why Sacrificial Moral Dilemmas Tell Us Little (or Nothing) about Utilitarian Judgment. *Social Neuroscience*. 10(5): 551–560. DOI: 10.1080/17470919.2015.1023400.
- Keiper A., Schulman A.N. (2011) The Problem with ‘Friendly’ Artificial Intelligence. *The New Atlantis*. No. 32: 80–89. URL: <https://www.thenewatlantis.com/publications/the-problem-with-friendly-artificial-intelligence> (accessed 02.06.2023).
- Konow J. (2003) Which Is the Fairest One of All? A Positive Analysis of Justice Theories. *Journal of Economic Literature*. Vol. XLI. (December): 1188–1239.
- Levy M.G. (2023) Chatbots Don’t Know What Stuff Isn’t. *Quanta*. May 12. 2023. URL: <https://www.quantamagazine.org/ai-like-chatgpt-are-no-good-at-not-20230512/> (accessed 21.05.2023).
- Mitchell S., Potash S., Barocas E.S., D’Amour A., Lum K. (2021) Algorithmic Fairness: Choices, Assumptions, and Definitions. *Annual Review of Statistics and Its Application*. 8(1): 141–163.
- Phillips E., Zhao X., Ullman D., Malle B.F. (2018) What is Human-like? Decomposing Robots’ Human-like Appearance Using the Anthropomorphic roBOT (ABOT) Database. In: *Proceedings of the 2018 ACM/IEEE International Conference on Human-Robot Interaction (HRI ’18)*. Association for Computing Machinery. New York, NY, USA: 105–113. DOI: 10.1145/3171221.3171268.
- Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Wang X., Zhang Y., Zhu R. (2022) A Brief Review on Algorithmic Fairness. *Management System Engineering*. 1 (7). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s44176-022-00006-z> (accessed 21.05.2023). DOI: 10.1007/s44176-022-00006-z.
- Weidinger L., McKee K.R., Everett R. et al. (2023) Using the Veil of Ignorance to Align AI Systems with Principles of Justice. *Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A.*, 118(120) (accessed 21.05.2023). DOI: 10.1073/pnas.2213709120.
- Weidinger L., Uesato J., Rauh M., Griffin C. et al. (2022) Taxonomy of Risks Posed by Language Models. In 2022 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAccT ’22). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA: 214–229. DOI: 10.1145/3531146.3533088.
- Wiener N. (1960) Some Moral and Technical Consequences of Automation. *Science*. May 6. 131(3410): 1355–1358. DOI: 10.1126/science.131.3410.1355.
- Yaari M., Bar-Hillel M. (1984) On Dividing Justly. *Social Choice and Welfare*. Vol. 1 (1): 1–24.
- Yudkowsky E. (2008) Artificial Intelligence as a Positive and Negative Factor in Global Risk. In: Bostrom N., Ćirković M. (eds) *Global Catastrophic Risks*. Oxford University Press: 308–345.

Статья поступила: 16.06.23. Финальная версия: 28.08.23. Принята к публикации: 29.08.23.

AI VALUE ALIGNMENT AND SOCIOLOGY OF MORALITY

DEVIATKO I.F.

HSE University, Institute of Sociology FCTAS RAS, Russia

Inna F. DEVIATKO, Dr. Sci. (Soc.), Full Professor, HSE University; Chief Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia (deviatko@gmail.com).

Abstract. The article briefly examines popular ideas about the goals and possibilities of human control over artificial intelligence that has been developed at the earlier stages of the scientific and technological revolution and substantiates the thesis about their incompleteness in terms of not taking into account new asymmetries of control and technological realities that arose as a result of the "digital revolution". An analysis of the reasons why the sociology and social psychology of morality are acquiring a decisive role as well as a new large-scale research field in the development of ethically oriented AI systems is presented reconfirming the importance of a theoretically based empirical study of the normative dimension of social life. An additional sociological substantiation and a narrower interpretation of the AI value alignment principles put forward by some authors as a solution to the problems of the ethical orientation of AI systems is proposed.

Keywords: Artificial intelligence, AI value alignment, sociology of morality, plurality of normative systems, justice.

Received: 16.06.23. Final version: 28.08.23. Accepted: 29.08.23.

Социальная политика. Социальная структура

© 2023 г.

И.В. МЕРСИЯНОВА, А.С. БРЮХНО

СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ РОССИЯН: СТРУКТУРА И ВЛИЯНИЕ НА ПОМОГАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ

МЕРСИЯНОВА Ирина Владимировна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой экономики и управления в негосударственных некоммерческих организациях департамента политики и управления факультета социальных наук, директор Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора (imersianova@hse.ru); БРЮХНО Александра Сергеевна – стажер-исследователь научно-учебной лаборатории междисциплинарных исследований некоммерческого сектора (abryuhno@hse.ru). Обе – НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Аннотация. Социальное настроение – комплексный индикатор, позволяющий опосредованно оценить эмоционально-рациональное восприятие населением экономических, политических и социальных процессов, происходящих в обществе, и их влияние на социальное самочувствие. Авторами рассмотрены четыре основных аспекта социального настроения современных россиян: оценка ситуации в стране; социальное самочувствие россиян; степень оптимизма; потенциал общественной солидаризации, включающий доверие и готовность к объединению с другими людьми. На основании данных всероссийского опроса, проведенного в сентябре 2022 г. (N = 2015) Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, выявлено, что в целом в российском обществе тогда преобладали позитивные социальные настроения. Кластерный анализ выявил шесть групп, отличающихся друг от друга с точки зрения четырех вышеперечисленных аспектов. Изучение вовлечения представителей различных кластеров в волонтерскую деятельность и другие практики помогающего поведения показало, что есть связь социального настроения с помогающим поведением, которая опосредована воздействием других вышеназванных аспектов.

Ключевые слова: социальное настроение • социальное самочувствие • помогающее поведение • волонтерство

DOI: 10.31857/S013216250027776-6

Социальное настроение: концептуализация и операционализация понятия. Социальное настроение – понятие, возникшее на стыке социологической и психологической наук. Значительный вклад в концептуализацию данного понятия внесли российские исследователи Ж.Т. Тощенко и С.В. Харченко [Тощенко, Харченко, 1996; Тощенко, 1998]. Они предлагают рассматривать его как целостную, доминантную форму реально функционирующего общественного сознания, отражающую «уровень, продолжительность и степень эмоционально-рационального восприятия индивидом, социальной группой

Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики».

и населением, различными организациями и институтами социальных установок, социальных целей и интересов, формирующихся под воздействием реальных экономических, политических и духовных процессов и в потенции реализуемых (или нереализуемых) в процессе практической деятельности» [Харченко, 2011: 170]. Ключевой особенностью социального настроения, по их мнению, является взаимодействие субъективных (психо-эмоциональных) и объективных факторов. В их интерпретации социальное настроение представляет собой четырёхуровневую систему, состоящую из (1) социального самочувствия (включающего в себя эмоции и чувства), (2) оценок и самооценок своего социального положения, (3) социальных ожиданий и притязаний (ценностей, жизненных ориентиров), (4) социальной позиции (мировоззрения) [Тощенко, Харченко, 1996].

Есть много разнообразных методологических подходов к оценке социального настроения, что обусловлено комплексным и многоуровневым характером этого явления [Морев, Каминский, 2013]. Среди исследователей наблюдаются разночтения в представлениях и о структурных составляющих социального настроения, и о наборе индикаторов, с помощью которых доступно его социологическое измерение [Васильева, 2019].

Как отмечают многие исследователи, в качестве основы социального настроения выступает *социальное самочувствие*, то есть «определенное состояние переживания по поводу комфортности или дискомфорта своего бытия в социуме» [Михайлова, 2010: 46]. Синонимичным термином выступает «субъективное благополучие» (*subjective wellbeing*). Субъективное благополучие само по себе является многомерным понятием, которое включает как когнитивный аспект (удовлетворенность жизнью), так и аффективный (эмоции и настроения, в том числе ощущение счастья) [Diener, 1984; Conceição, Bandura, 2008]. Таким образом, измерение социального настроения зачастую включает в себя оценку эмоционального состояния индивидов, их настроения в психологическом смысле слова [Саксудаева, 2009; Каминский, 2016; Гужавина, Садкова, 2017]; удовлетворенности жизнью [Каминский, 2016]; восприятия счастья [Васильева, 2019].

Другой немаловажный аспект социального настроения – это его *оптимистическая либо пессимистическая направленность*. Е.В. Тихонова, например, отмечает, что в основе социального настроения населения лежит эмоциональное восприятие экономической ситуации в обществе, которое эмпирически оценивается по шкале «социальный оптимизм – социальный пессимизм». Основой социального оптимизма выступает ситуация, когда «вектор социальной политики совпадает с представлениями населения о социальной справедливости» [Тихонова, 2016: 13]. Социальный пессимизм, напротив, становится следствием непонимания социальной политики государства, несовпадения экономических ожиданий и реальности, отраженной в восприятии населения. Эмпирические данные подтверждают, что чем хуже экономическое положение региона, тем выше там доля пессимистично настроенных жителей [Лушникова, 2016].

Третья составляющая социального настроения – *оценка внешних политических и экономических условий* [Боченкова, 2013, 2014; Назаров, Кублицкая, 2016; Гужавина, Садкова, 2017]. Как отмечает С.В. Харченко [2011], эмоциональное состояние людей во многом зависит от степени разрешаемости социальных проблем и противоречий, а также удовлетворения социальных интересов. При этом, как справедливо замечает Е.В. Тихонова [2016], социальное настроение не всегда отражает влияние реальных экономических и политических процессов и факторов, поскольку формируется под воздействием доступной индивиду ограниченной информации, его предубеждений и воззрений, которые могут быть далеки от объективности. Кроме того, существует определенный временной лаг между реальными изменениями экономической ситуации и колебаниями социального настроения [Балацкий, Екимова, 2007].

Три вышеперечисленных аспекта отражены в крупнейших лонгитюдных исследованиях социального настроения, которые проводят в России такие аналитические центры, как

ВЦИОМ, ФОМ и «Левада-Центр»¹. ВЦИОМ проводит мониторинг социальных настроений россиян, где отражаются оценки текущего материального положения граждан, их оптимистичные либо пессимистичные установки и общая удовлетворенность жизнью². ФОМ использует четыре вопроса для оценки социальных настроений, выявляющие мнение респондента относительно того, станет ли лучше жизнь в стране в целом и самого респондента в частности в ближайшее время и через несколько лет³. «Левада-Центр» разработал индекс, который предполагает комплексную оценку социальных, политических и экономических настроений, формирующихся в обществе. Он включает четыре аспекта: субъективные оценки материального положения семей респондентов, оценки экономического и политического положения страны в целом, представления людей о своем личном ближайшем будущем и о будущем страны, уровень одобрения деятельности государственной власти в стране⁴.

Четвёртый аспект, нередко упускаемый из виду, – индикаторы, которые фиксируют наличие консолидационного потенциала в обществе: обобщенное доверие, оценка сплоченности и согласия в стране, готовность объединяться с другими людьми для защиты общих интересов [Морев, Каминский, 2014; Каминский, 2016]. В частности, исследования показывают тесную взаимосвязь обобщенного доверия с установками, касающимися общей удовлетворенности собственной жизнью и положением дел в стране [Кученкова, 2016; Черепанова и др., 2020]. Уровень сплоченности определяется степенью единства ценностных установок и мнений по ключевым направлениям функционирования социума [Шабунова и др., 2015]. Он выступает одним из критериев, позволяющих оценить субъективное отношение жителей не только к экономическим и политическим, но и к социальным процессам в стране. Готовность же объединяться с другими людьми для достижения общих целей отражает собственные установки индивида на проявление солидарности и сплоченности, что делает эти два критерия взаимодополняющими.

Несмотря на отсутствие единого подхода к операционализации понятия «социальное настроение», оно представляется полезным с практической точки зрения интегральным индикатором, позволяющим в первом приближении рассмотреть, как экономические, политические и социальные процессы отражаются в сознании населения, а также выявить основные точки напряженности, возникающие в обществе. Социальное настроение детерминирует целеполагающую деятельность человека и участвует в регулировании поведения как индивидов, так и социальных групп, выступая «в одних случаях в качестве ускорителя, катализатора, а в других, наоборот, в качестве сдерживающего рычага социальной деятельности» [Тощенко, 1998: 31]. Система общественных ценностей и установок, отраженная в социальном настроении, создает предпосылки для перехода к активной преобразовательной деятельности [Васильева, 2017]. Одним из возможных направлений реализации конструктивного деятельностного потенциала социального настроения является участие населения в волонтерской деятельности, благотворительности и иных практиках взаимопомощи, в том числе неформальных (для обозначения совокупности таких практик далее будет использоваться термин «помогающее поведение»).

В рамках данной аналитической работы предполагается решить следующие задачи:

– охарактеризовать структуру социального настроения россиян, а также преобладающие тенденции как в масштабе страны в целом, так и в отдельных социальных группах;

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

² Социальные настроения: мониторинг // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-nastroeniya-monitoring> (дата обращения: 01.03.2023).

³ Социальные настроения. Зима 2022 // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14811> (дата обращения: 01.03.2023).

⁴ Обновленная методика измерения индекса социальных настроений (ИСН) // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/obnovlennaya-metodika-izmereniya-indekso-sotsialnykh-nastroenii-isn/> (дата обращения: 01.03.2023). АНО «Левада-Центр» внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

– выявить, существует ли связь между социальным настроением и участием в волонтерстве и иных практиках помогающего поведения (в помощи незнакомым нуждающимся людям деньгами, вещами, поступками).

Структура и основные компоненты социальных настроений россиян. Эмпирическую базу исследования составляют данные всероссийского опроса, проведенного Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Опрашивалось городское и сельское население в возрасте от 18 лет и старше, метод сбора данных – телефонное интервью, объем выборки – 2015 респондентов. Опрос проводился 9–19 сентября 2022 г., спустя шесть месяцев после начала специальной военной операции на территории Украины, но до объявления частичной мобилизации. Динамика по ряду показателей проиллюстрирована далее на основе эмпирических данных, собранных в рамках мониторинга состояния гражданского общества НИУ ВШЭ в 2019–2021 гг. (метод сбора данных – телефонные и личные интервью по месту жительства респондента, объем выборки составлял не менее 2000 чел., выборка репрезентировала городское и сельское население от 18 лет и старше).

Авторами отобраны следующие ключевые индикаторы, характеризующие социальное настроение россиян:

- оценка экономического положения страны;
- оценка текущего пути развития страны в целом;
- оптимизм либо пессимизм относительно экономического положения страны;
- оптимизм или пессимизм относительно собственной жизни и материального положения;
- удовлетворенность жизнью;
- ощущение счастья;
- эмоциональный фон;
- доверие;
- оценка согласия и сплоченности в стране и в окружении;
- готовность объединяться.

Чтобы проанализировать структуру индикаторов, использовался метод главных компонент (табл. 1). Анализ позволил выявить четыре фактора, которые в совокупности объясняют 65,1% дисперсии, что является достаточно высоким показателем с учётом структурной сложности предмета исследования.

Охарактеризуем эти четыре компонента.

(1) «*Оценка ситуации в стране*». Данный компонент включает индикаторы, связанные с восприятием условий, сложившихся в стране в целом: отношение к пути развития страны, оценка экономического положения на данный момент, ожидания от экономического положения и оценка сплоченности и согласия среди населения. Этот фактор объясняет наибольшую долю дисперсии.

Дескриптивный анализ показывает преобладание позитивных тенденций (табл. 2). Более половины россиян положительно оценивали экономическое положение страны, при этом 3/4 полагали, что в целом курс развития страны правильный. Тем не менее оценки, направленные в будущее, более сдержанные – только 38% ожидали улучшения экономической ситуации в стране. Подобное расхождение объяснимо, учитывая период проведения исследования: данные были собраны в сентябре 2022 г., после начала специальной военной операции на территории Украины и введения рядом стран антироссийских экономических санкций. Поэтому, хотя большинство респондентов посчитало возможным положительно оценить курс развития страны в целом, волатильные экономические обстоятельства обусловили преобладание нейтральных и пессимистичных оценок, когда вопрос касается непосредственно перспектив экономического развития.

При этом доля россиян, считающих, что в стране преобладает сплоченность и согласие, значительно возросла по сравнению с предыдущими годами: в 2019 г. этот показатель

Таблица 1

Повернутая матрица компонентов

Анкетные вопросы	Компоненты			
	1	2	3	4
Как вы считаете, в целом Россия сейчас развивается в правильном или в неправильном направлении?	0,795			
Как бы вы оценили экономическое положение России в целом?	0,793			
Как вы считаете, в ближайшее время экономическая ситуация в стране улучшится, ухудшится или не изменится?	0,669			
Как вы думаете, сегодня в нашей стране среди людей больше согласия, сплоченности или несогласия, разобщённости?	0,653			
Скажите, пожалуйста, если говорить о сегодняшнем дне, насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?		0,825		
Если говорить в целом, вы безусловно счастливы, скорее счастливы, скорее не счастливы или безусловно не счастливы?		0,810		
Соотношение положительных и отрицательных эмоций		0,687		
Как вы считаете, в ближайшее время ваше материальное положение улучшится, ухудшится или не изменится?			0,856	
Как вы думаете, в ближайшие годы Ваша жизнь в целом улучшится, ухудшится или не изменится?			0,826	
Вы лично готовы или не готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, если ваши идеи и интересы совпадают?				0,764
Как вы считаете, большинству людей в целом можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?				0,680

Метод выделения факторов: метод главных компонент.
Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

Таблица 2

Компонент «Оценка ситуации в стране»: набор показателей

Анкетные вопросы	Варианты ответов	% опрошенных
Как бы вы оценили экономическое положение России в целом?	Хорошее	56
	Плохое	37
Как вы считаете, в ближайшее время экономическая ситуация в стране улучшится, ухудшится или не изменится?	Улучшится	38
	Не изменится	35
	Ухудшится	19
Как вы считаете, в целом Россия сейчас развивается в правильном или в неправильном направлении?	В правильном	75
	В неправильном	17
Как вы думаете, сегодня в нашей стране среди людей больше согласия, сплоченности или несогласия, разобщенности?	Больше согласия, сплоченности	42
	Больше несогласия	42

составлял 34% и за период пандемии последовательно снижался до 31% в 2020 г. и 24% в 2021 г., тогда как в 2022 г. произошёл его почти двукратный рост.

(2) «Социальное самочувствие». Данный компонент включает три индикатора, оценивающих самоощущение респондента на данный момент: удовлетворенность жизнью, ощущение счастья и баланс позитивных/негативных эмоций, которые он испытывал в последнее время.

Более 80% россиян отмечали, что они счастливы и удовлетворены жизнью. Если говорить о текущем эмоциональном состоянии опрошенных, то 2/3 респондентов отметили преобладание положительных эмоций (удовлетворенность, заинтересованность,

Таблица 3

Компонент «Социальное самочувствие»: набор показателей

Анкетные вопросы	Варианты ответов	% опрошенных
Если говорить в целом, вы безусловно счастливы, скорее счастливы, скорее не счастливы или безусловно не счастливы?	Счастливы	85
	Не счастливы	9
В последние одну-две недели приходилось ли вам [испытывать следующие эмоции]?	Преобладают положительные эмоции	66
	Позитивные и негативные эмоции в равновесии	15
	Преобладают негативные эмоции	19
Скажите, пожалуйста, если говорить о сегодняшнем дне, насколько вы удовлетворены своей жизнью в целом?	Удовлетворены	81
	Не удовлетворены	18

гордость, оптимизм, душевный подъём), а не отрицательных (тревога, одиночество, скука, подавленность, огорчение) (табл. 3).

Как правило, удовлетворенность жизнью несколько ниже, чем уровень счастья: хотя в 2019–2020 гг. 79% опрошенных были готовы назвать себя в той или иной мере счастливыми, только 62–64% декларировали удовлетворенность своей жизнью. Доля тех, кто ощущает себя счастливыми, повысилась в 2021 г. до 84%, доля удовлетворенных жизнью – до 71%, а в 2022 г. эти два показателя почти сравнялись друг с другом. Как видим, ни ковид-пандемия, ни события 2022 г. не повлияли в негативном ключе на субъективное благополучие опрошенных. Оно в меньшей степени зависит от внешних социально-экономических условий, чем можно было бы предположить.

(3) «Оптимизм». Данный компонент включает в себя два индикатора, оценивающих уровень оптимизма респондента по отношению к собственному социальному положению: ожидания от материального положения и ожидания от жизни в целом.

В целом россияне склонны к оптимистическому мироощущению: около половины опрошенных считают, что в ближайшие годы их жизнь улучшится, 1/3 рассчитывает на улучшение материального положения, тогда как однозначный пессимизм характерен только для 9 и 11% опрошенных соответственно (табл. 4).

В 2019 г. 26% россиян ожидали, что их материальное положение улучшится, а 18% – что ухудшится. Аналогичный опрос, проведенный в год начала пандемии, показал значительно худшие результаты: в 2020 г. только 10% ожидали улучшения своего материального положения, 40% были настроены пессимистично. В 2021 г. доля оптимистов снова повысилась до 26%, а пессимистов снизилась до 21%. Парадоксально в 2022 г. доля оптимистично настроенных россиян даже превысила последний допандемийный показатель.

(4) «Потенциал солидаризации». В этот компонент вошли два индикатора, характеризующие предпосылки для включения респондента в конструктивную общественную

Таблица 4

Компонент «Оптимизм»: набор показателей

Анкетные вопросы	Варианты ответов	% опрошенных
Как вы думаете, в ближайшие годы ваша жизнь в целом улучшится, ухудшится или не изменится?	Улучшится	51
	Не изменится	29
	Ухудшится	9
Как вы считаете, в ближайшее время ваше материальное положение улучшится, ухудшится или не изменится?	Улучшится	35
	Не изменится	46
	Ухудшится	11

Таблица 5

Компонент «Потенциал солидаризации»: набор показателей

Анкетные вопросы	Варианты ответов	% опрошенных
Как вы считаете, большинству людей в целом можно доверять или в отношениях с людьми следует быть осторожными?	Большинству людей можно доверять	20
	В отношениях с людьми следует быть осторожными	76
Вы лично готовы или не готовы объединяться с другими людьми для совместных действий, если ваши идеи и интересы совпадают?	Готов(-а)	76
	Не готов(-а)	18

активность: доверие к окружающим и готовность объединяться с другими людьми для достижения общих целей. Несмотря на относительно невысокий уровень обобщенного доверия (лишь 20% полагают, что большинству людей можно доверять), 3/4 респондентов готовы объединяться с другими людьми для совместных действий (табл. 5).

Потенциал солидаризации, судя по опросам, – относительно стабильная характеристика. Уровень обобщенного доверия на протяжении предыдущих трёх лет устойчиво составлял 20–25%, а готовность объединяться находилась в диапазоне 73–75%.

Таким образом, выявленные в ходе анализа главных компонент факторы согласуются с четырьмя составляющими социального настроения, которые ранее рассматривались в теоретическом обзоре. Учитывая сложносоставной характер социального настроения, в качестве следующей исследовательской задачи видится целесообразным выделить основные типологические группы (кластеры) населения, исходя из сочетания рассматриваемых характеристик.

Кластеризация россиян по типам социального настроения. Полученные факторные значения использовались для проведения двухэтапного кластерного анализа, который позволил выявить шесть кластеров.

(1) В первый кластер (15% выборки) вошли респонденты, имеющие невысокие значения по всем четырем аспектам социального настроения, в первую очередь с явно выраженным негативным эмоциональным состоянием и отрицательно оценивающие текущее состояние дел в стране. В этом кластере значимо больше людей без высшего образования (73 в сравнении с 64% по выборке), безработных (14 против 5%) и имеющих проблемы со здоровьем (21 в сравнении с 7%). Более половины испытывали ощутимые финансовые трудности, хотя по выборке в целом с ними сталкивались только 23%. Представителей данного кластера можно условно назвать носителями *негативного социального настроения*.

(2) Второй кластер (10% опрошенных) включал респондентов, которые отрицательно оценивали ситуацию в стране и были настроены в целом пессимистично, но при этом имели позитивное эмоциональное состояние и готовность к солидаризации. Большинство представителей этого кластера имели высшее образование (57%) и относительно высокий должностной статус (предприниматели, руководители и квалифицированные специалисты составляли 62%). Настроение, типичное для данного кластера, можно назвать *пессимистично-солидарным*.

(3) Третий кластер (18% респондентов) включал тех, кто тоже негативно оценивал ситуацию в стране, но обладал выраженным оптимистичным взглядом на собственное будущее (*оптимистичное социальное настроение*). Этот кластер наполовину состоял из молодежи, хотя доля россиян в возрасте 18–27 лет по выборке в целом была 27%.

(4) Четвертый кластер (11% опрошенных) состоял из респондентов, достаточно положительно оценивающих ситуацию в стране и демонстрирующих позитивное эмоциональное состояние, но проявляющих преимущественный пессимизм и не готовых объединяться с другими людьми. В этом кластере значимо преобладали женщины (66%), несколько выше среднего была доля лиц старшего возраста (43% против 37% по выборке). Этот тип социального настроения можно охарактеризовать как *пассивное позитивное настроение*.

(5) В пятый кластер (он включал наибольшее число респондентов – 32%) вошли люди, положительно оценивающие ситуацию в стране и своё психоэмоциональное состояние, при этом оптимистично настроенные и демонстрирующие средний уровень готовности доверять другим и объединяться. Ярко выраженных демографических отличий у этого кластера нет. Условно можно назвать этот тип социального настроения *умеренно позитивным*.

(6) Последний кластер (15% опрошенных) – респонденты, крайне положительно оценивающие состояние дел в стране и готовые объединяться с другими людьми (*позитивно-солидарное социальное настроение*). В этот кластер несколько чаще попадали люди старше 50 лет (45 в сравнении с 37% по выборке), а также располагающие наиболее высокими ресурсами – высшим образованием (43 в сравнении с 34%), высоким доходом (58 в сравнении с 44%), хорошим здоровьем (55 в сравнении с 47%) и квалифицированной должностью (54 в сравнении с 45%).

Таким образом, были определены шесть основных типологических групп, отличающихся с точки зрения значений различных компонентов социального настроения. Авторы выдвинули следующие гипотезы:

H1: Социальное настроение, будучи доминантной формой мироощущения индивида, оказывает значимое влияние на участие в практиках помогающего поведения, включая волонтерство, так что уровень вовлеченности будет различаться для представителей разных кластеров.

H2: Представители кластеров, для которых характерен более высокий потенциал солидаризации (II и VI), чаще вовлекаются в различные практики помогающего поведения, чем представители кластеров с низким уровнем солидаризации (I и IV).

Социальные настроения россиян и помогающее поведение. Рассмотрим далее, в какой степени представители различных кластеров вовлекались в помогающее поведение. Вопрос респондентам задавался об участии в каком-либо общественно полезном деле без принуждения, без вознаграждения и не для помощи членам семьи или близким родственникам (табл. 6).

Различия между кластерами оказались статистически значимыми для всех показателей, кроме оказания помощи вещами. Наиболее активными с точки зрения участия в волонтерской деятельности и их помогающего поведения оказались носители «оптимистичного» и «позитивно-солидарного» социального настроения (соответственно III и VI кластеры).

Третий кластер, как было ранее указано, отличает высокий уровень оптимизма при негативном настроении по отношению к текущей ситуации в стране. В этом случае негативная оценка окружающих условий приводит к положительным результатам: представители данного кластера трансформируют своё недовольство сложившейся социально-экономической ситуацией в созидательную общественную активность и помощь окружающим людям.

Шестой кластер демонстрирует высокие или средние значения по всем показателям социального настроения, но в первую очередь его отличают максимальный уровень как оценки ситуации в стране, так и потенциала солидаризации. Соответственно, его представители обладают всеми предпосылками для вовлечения в общественную активность и помогающее поведение, которые действительно реализуются в значительной степени: именно этот кластер включает в себя наибольшее число волонтеров. Пятый и шестой

Таблица 6

Участие в помогающем поведении, %

Виды помогающего поведения	Кластеры					
	1	2	3	4	5	6
Приходилось помогать деньгами	58	56	70	53	60	74
Приходилось помогать вещами	57	58	69	65	65	64
Приходилось помогать какими-то делами, поступками	76	72	81	61	79	80
Приходилось заниматься добровольчеством, волонтерским трудом	26	25	31	24	25	41

кластеры очень схожи по своим характеристикам за одним исключением: у представителей пятого кластера установка на доверие выражена в существенно меньшей степени – что, судя по всему, отрицательным образом сказывается на их вовлечённости в волонтерство и денежные пожертвования. При этом по уровню ситуативной помощи окружающим какими-либо делами и поступками он не уступает третьему и шестому кластерам. Однако низкий потенциал солидаризации и нежелание доверять другим людям становятся барьером для вовлечения в практики помогающего поведения, требующие вложения финансовых или временных ресурсов.

На противоположной стороне спектра находятся кластеры I, II и IV.

Первый кластер включает людей с наиболее негативным мироощущением; они преимущественно недовольны происходящим в стране, испытывают пессимизм, не готовы к доверию и объединению с другими людьми, ощущают упадочные настроения. Неудивительно, что, находясь в сложной ситуации сами, такие россияне реже остальных готовы оказывать помощь другим людям.

Два оставшихся кластера связаны с более позитивным восприятием мира. Если четвёртый кластер («пассивное позитивное настроение»), продемонстрировавший наиболее слабую вовлеченность практически во все виды помогающего поведения, отличается также низким значением потенциала солидаризации, то второй («пессимистично-солидарный») в этом аспекте уступает только шестому. Тем не менее отличительной особенностью обоих кластеров – второго и четвёртого – выступает более выраженная склонность к пессимизму. Видимо, именно пессимистичный настрой мешает респондентам реализовать свою активную гражданскую позицию. Ведь если человек ожидает, что в дальнейшем ситуация в его жизни или в стране в целом будет ухудшаться, он может ощущать демотивацию или остерегаться тратить свои ресурсы – как денежные, так и временные – на помощь другим людям.

Заключение. Итак, в ходе исследования рассмотрено социальное настроение как форма общественного сознания, отражающая эмоционально-рациональное восприятие индивидом, социальной группой и населением своих жизненных условий. Оно включает отношение к наблюдаемому экономическим, политическим и социальным процессам, социальное самочувствие и оптимистичное восприятие собственного будущего, а также потенциал общественной солидаризации (доверие и готовность к объединению). Данный подход позволяет принять во внимание и субъективное психоэмоциональное состояние респондентов, и их рациональные установки по отношению к объективным внешним факторам, и предпосылки для реализации деятельностного потенциала социального настроения.

В целом среди россиян во время опроса в сентябре 2022 г. (до мобилизации) преобладали позитивные социальные настроения. Более половины опрошенных положительно оценивали экономическое состояние страны, 3/4 аналогично – путь её развития, 85% респондентов считали себя счастливыми, 81% – удовлетворенными жизнью. Каждый второй россиянин был тогда оптимистично настроен по отношению к своей жизни в целом, 3/4 опрошенных демонстрировали готовность объединяться с другими людьми для совместных действий, если их идеи и интересы совпадают.

Кластерный анализ, тем не менее, позволяет выявить ряд типологических групп, отличающихся друг от друга с точки зрения проявления тех или иных компонентов: три кластера включают россиян, преимущественно негативно оценивающих ситуацию в стране, другие три – оценивающих ее более позитивно. Исследование подтвердило, что есть выраженная связь социального настроения и участия в таких практиках помогающего поведения, как волонтерство, а также помощь незнакомым нуждающимся людям деньгами или делами, поступками. Тем не менее гипотеза, что высокий потенциал солидаризации связан с более частым вовлечением в помогающее поведение, подтвердилась только частично. В частности, более активное включение в практики помогающего поведения действительно характерно для тех, кто демонстрировал большую готовность объединяться и склонность доверять другим людям, однако пессимистичный настрой связан со

значительно меньшей вовлеченностью даже при декларируемой готовности к солидаризации. Напротив, респонденты, отличающиеся оптимистичным взглядом на собственное будущее, чаще участвовали в помощи другим, хотя далеко не все из них проявляли готовность объединяться с окружающими и доверять незнакомым людям.

Таким образом, доказан вывод, что пессимизм является одним из барьеров, препятствующих полноценной реализации существующего в обществе потенциала солидаризации. Поэтому для формирования активного гражданского общества, повышения вовлеченности населения в практики помогающего поведения, необходимо наличие позитивной повестки, создающей в массовом сознании положительный образ будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффект инерции в формировании социальных настроений // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. № 3 (83). С. 85–94.
- Боченкова Н.А. Социальное настроение и его влияние на поведение населения // Социальная политика и социология. 2014. Т. 2. № 1 (102). С. 199–212.
- Боченкова Н.А. Социальное настроение россиян в современных социально-экономических условиях // Вестник университета. 2012. № 13–1. С. 213–218.
- Васильева О.В. Социальное настроение как генеральный индикатор позиции социального субъекта в обществе // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2017. № 1–2 (61). С. 48–55.
- Васильева О.В. Социологическое измерение социального настроения. Постнеклассический подход // Управление устойчивым развитием. 2019. № 5. С. 53–60.
- Каминский В.С. Социальное настроение жителей Вологодской области в условиях экономического кризиса // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 2 (14). С. 21–39.
- Каминский В.С. Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016а. № 1. С. 136–147.
- Кученкова А.В. Социальное самочувствие и субъективное благополучие: соотношение понятий и способов измерения // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2016. № 2 (4). С. 118–127.
- Лушников О.Л. Социальные настроения жителей монотерриторий Хакасии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2022. № 1. С. 173–183.
- Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. 2010. № 3. С. 45–49.
- Морев М.В., Каминский В.С. Методологические особенности изучения социальных настроений на региональном уровне // Проблемы развития территории. 2013. Т. 5. № 67. С. 96–103.
- Морев М.В., Каминский В.С. Социальное настроение: факторы формирования и территориальные особенности // Проблемы развития территории. 2014. Т. 4. № 4. С. 48–66.
- Назаров М.М., Кублицкая Е.А. Социальные настроения в столичном мегаполисе: результаты сравнительного анализа // Наука. Культура. Общество. 2016. № 1. С. 171–188.
- Саксудаева С.О. Основные характеристики социального настроения молодежи (на примере Республики Бурятия) // Вестник Бурятского госуниверситета. Философия. 2009. № 6. С. 190–193.
- Тихонова Е.В. Социальное настроение как индикатор восприятия населением социальной действительности // Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 3 (16). С. 12–16.
- Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–34.
- Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. М.: Academia, 1996.
- Харченко С.В. Феномен и природа социального настроения // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1. С. 168–170.
- Черепанова М.И., Горбунова А.А., Сарыглар С.А. Социальное самочувствие населения как индикатор безопасности и доверия в Алтайском крае // Society and Security Insights. 2020. Т. 3. № 1. С. 90–101.
- Conceição P., Bandura R. Measuring subjective wellbeing: A summary review of the literature // United Nations development programme (UNDP) development studies, working paper. 2008.
- Diener E. Subjective well-being // Psychological bulletin. 1984. Vol. 95. No. 3. P. 542–575.

Статья поступила: 27.06.23. Финальная версия: 04.08.23. Принята к публикации: 07.08.23.

RUSSIAN CITIZENS' SOCIAL MOOD, ITS STRUCTURE AND INFLUENCE ON HELPING BEHAVIOUR

MERSIANOVA I.V., BRIUKHNO A.S.

HSE University, Russia

Irina V. MERSIANOVA, Cand. Sci. (Sociol.), Head of the Department for NGO Economy and Management, the Social Science Faculty, Director, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector (imersianova@hse.ru); Aleksandra S. BRIUKHNO, Research Intern, Research Laboratory for Interdisciplinary Studies, Center for Studies of Civil Society and the Nonprofit Sector (abryukhno@hse.ru). Both – HSE University, Moscow, Russia.

Acknowledgements. This work was supported by the Program for Basic Research of the National Research University Higher School of Economics.

Abstract. Social mood is a complex phenomenon that encompasses emotional and rational perceptions of economic, political and social processes by the general population, and the impact of these processes on personal well-being. Social mood is considered to be a combination of four main aspects: (1) perception of the political, economic and social situation in the country; (2) general emotional state; (3) degree of optimism; (4) generalized trust and willingness to unite. Based on the data of an all-Russian survey conducted in 2022 by the Center for the Study of Civil Society and the Non-Profit Sector at the HSE University (Moscow, Russia), it was revealed that overall positive social mood prevails in the modern Russian society. Cluster analysis revealed six groups that differ from each other in terms of the four of social mood aspects listed above. The data show a statistically significant connection between social mood and participation in volunteering and informal helping behavior. In particular, respondents who demonstrate a greater willingness to unite and higher levels of trust are generally more likely to participate in helping behavior, although a pessimistic attitude is associated with significantly less involvement regardless of declared willingness to unite. Meanwhile, respondents exhibiting optimistic perceptions of their future are more likely to participate in helping others irrespective of trust and willingness to unite.

Keywords: social mood, social wellbeing, helping behavior, volunteering.

REFERENCES

- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2007) Effect of inertia in the formation of social moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal]. No. 3 (83): 85–94. (In Russ.)
- Bochenkova N.A. (2012) Social mood of Russians in modern social and economic conditions. *Vestnik universiteta* [University Journal]. No. 13–1: 213–218. (In Russ.)
- Bochenkova N.A. (2014) Social mood and its influence on the behavior of the population. *Social'naya politika i sociologiya* [Social policy and sociology]. Vol. 2. No. 1 (102): 199–212. (In Russ.)
- Cherepanova M.I., Gorbunova A.A., Saryglar S.A. (2020) Social well-being of the population as indicator of security and trust in the Altai territory. *Society and Security Insights*. Vol. 3. No 1: 90–101. (In Russ.)
- Conceição P., Bandura R. (2008) Measuring subjective wellbeing: A summary review of the literature. *United Nations development programme (UNDP) development studies, working paper*.
- Diener E. (1984) Subjective well-being. *Psychological bulletin*. Vol. 95. No. 3: 542–575.
- Kaminsky V.S. (2016) Social mood of Vologda region inhabitants in economic crisis conditions. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 4. No. 2 (14): 21–39. (In Russ.)
- Kaminsky V.S. (2016a) The social well-being of the population of the Vologda region, 2010–2015. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1: 136–147. (In Russ.)
- Kharchenko S.V. (2011) Phenomenon and the nature of social attitudes. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. No. 1: 168–170. (In Russ.)
- Kuchenkova A.B. (2016) Social self-perception and subjective well-being. A review of definitions and measurement models. *Vestnik RGGU. Ser. «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Ser. "Philosophy. Sociology. Art History"]. No. 2 (4): 118–127. (In Russ.)

- Lushnikova O.L. (2022) Social mood in single-industry towns of Khakasia. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya* [Perm University Bulletin. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 1: 173–183. (In Russ.)
- Mikhailova L.I. (2010) Social moods and reception of future by Russians. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 45–49. (In Russ.)
- Morev M.V., Kaminsky V.S. (2013) Methodological Peculiarities of Studying Social Sentiment at the Regional Level. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. Vol. 5. No. 67: 96–103. (In Russ.)
- Morev M.V., Kaminsky V.S. (2014) Social Mood: Factors of Formation and Territorial Features. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. Vol. 4. No. 4: 48–66. (In Russ.)
- Nazarov M.M., Kublitskaya E.A. (2016) Social Mood in the Metropolitan Metropolis: Results of a Comparative Analysis. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. No. 1: 171–188. (In Russ.)
- Saksudaeva S.O. (2009) The basic characteristics of social mood of youth (on the Republic of Buryatia example). *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. Filosofiya* [Bulletin of Buryat State University. Philosophy]. No. 6: 190–193. (In Russ.)
- Shabunova A.A., Guzhavina T.A., Kozhina T.P. (2015) Trust and social development in Russia. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development]. No. 2 (76): 7–19. (In Russ.)
- Tikhonova E.V. (2016) Social mood as an indicator of the population's perception of social reality. *Materialy Afanas'evskih chtenij* [Materials of the Afanasiev Readings]. No. 3 (16): 12–16. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T. (1998) Social mood – a phenomenon of contemporary sociological theory. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 21–34. (In Russ.)
- Toschenko Zh.T., Kharchenko S.V. (1996) *Social mood*. Moscow, Academia. (In Russ.)
- Vasil'eva O.V. (2017) Social mood as a general indicator of the social subject's position in society. *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya* [Topical issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history]. No. 1–2 (61): 48–55. (In Russ.)
- Vasil'eva O.V. (2019) Sociological dimension of social mood. Post-non-classical approach. *Upravlenie uslozhivym razvitiem* [Sustainability Management]. No. 5: 53–60. (In Russ.)

Received: 27.06.23. Final version: 04.08.23. Accepted: 07.08.23.

Н.В. КОЛЕСНИК

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КРЫМА ПОСЛЕ 2014 г.

КОЛЕСНИК Наталья Владимировна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия (n.kolesnik@socinst.ru).

Аннотация. Анализируется функционирование региональной элиты новых российских территорий на примере Крыма после 2014 г. В фокусе исследования – биографический анализ характеристик 124-х руководителей крупных экономических структур Крыма и 150 депутатов крымского парламента двух созывов. Анализ показал, что экономический сегмент крымской элиты после интеграции в РФ частично обновился, при этом в среде владельцев экономических активов, руководстве государственно-унитарных компаний происходят более динамичные обновления, нежели в иных сегментах экономической элиты. В то же время рекрутирование на высшие позиции в крымских компаниях чаще всего осуществляется на закрытых основаниях, когда происходит перемещение с одной управленческой позиции на другую. Пик новых назначений/избраний на высокие позиции в региональных бизнес-компаниях приходится на 2015–2016 гг., вскоре после интегрирования Крыма в РФ. Анализ форм взаимодействия экономической и политической элиты показал, что внутри депутатского корпуса двух созывов (2014 и 2019 гг.) представители экономической элиты занимали более половины мест, что усиливает элитную интеграцию внутри региона.

Ключевые слова: постукраинский Крым • крымская элита • экономическая и политическая элита • элитная интеграция

DOI: 10.31857/S013216250027777-7

Когда в Крыму в 2014 г. был проведен референдум, по итогам которого украинский полуостров вошел в состав Российской Федерации, то изменение государственного статуса региона неизбежно повлекло персональное обновление в составе региональной элиты в экономической, политической и административной сферах. Для проявления и понимания механизма трансформации крымской политики и экономики в контексте исследования элиты следует учитывать дискуссии в научной литературе, в которых проявились три направления.

Первое исследовательское направление представлено работами, авторы которых анализируют международный опыт присоединения территорий к другому государству и изменение внутреннего состава элитных общностей в связи с трансформацией государственного статуса. В этой связи видится актуальным, прежде всего, пример Германии после объединения ГДР и ФРГ (1989), когда наблюдалась «полная элитная трансформация»: политическая и административная элита Восточной Германии обновилась в своих социальных характеристиках по принципу «полного элитного замещения» [Хоффман-Ланге, 1996: 54–55]. Глубокая чистка внутри восточногерманской элиты предотвратила возвращение к власти представителей коммунистической номенклатуры [Матков, 2011: 270].

Второе исследовательское направление по изучаемой проблематике связано с работами, в которых рассматривается элитогенез на постсоветском пространстве и в республиках бывшего СССР, особенно роль украинской политической и экономической элиты. Доминирующими характеристиками украинской элиты до 2014 г., согласно эмпирическим исследованиям, оказываются фрагментированность, разрозненность, укорененность, сплоченность отдельных сегментов (в том числе и по клановому признаку). Как отмечает Е.П. Цыплакова, социальной основой для формирования украинских кланов в 1990–2000-х гг. были «местничество» (горизонтальная интеграция) и «ведомственность»

(отраслевая вертикаль) [Цыплакова, 2009: 340]. В исследованиях об экономической элите Украины в постсоветский период подчеркивается отчасти номенклатурный, отчасти криминальный характер этой элиты и ее значимая роль в процессе принятия решений на уровне государства [Шульга, 2006: 30]. Среди важных способов взаимодействия экономической и политической элит исследователи различают такие формы, как обретение крупным бизнесом депутатских мандатов и высоких должностей в правительстве, прямую финансовую поддержку политических структур. Что касается позиций крымской элиты, то для нее была характерна высокая степень влияния и обеспокоенность Киева усилением этого влияния [Зоткин, 2004: 97–104].

Третье направление связано с научными работами, посвященными интеграции Крыма в состав РФ в 2014 г. Поиск публикаций о постукраинской трансформации крымской элиты показал, что подобные исследования носят чаще всего маргинальный характер. Лишь единичные исследовательские проекты посвящены изучению институционализации сити-менеджмента муниципального управления в Крыму [Дятлов, Ковалев, 2021], анализу карьерных траекторий административной элиты Севастополя [Быстрова, 2019], гендерным различиям в депутатском корпусе парламентов Юга России [Козлова, 2021] и др. Комплексные исследования характеристик экономической элиты в постукраинский период практически отсутствуют.

В данной работе основной исследовательский фокус будет направлен на анализ экономической элиты Крыма после изменения правового статуса полуострова, что позволит выявить общее и различное в практиках региональных элит в современной России, определить специфику регионального элитогенеза. Основной гипотезой исследования является предположение, что интеграция Крыма в российское государство в 2014 г. способствовала радикальному обновлению состава экономической элиты нового региона. Такая гипотеза обусловлена, прежде всего, тем, что процесс формирования крупного капитала на Украине после распада СССР проходил при более активном участии представителей административной и политической элиты, чем в России, поэтому при радикальном изменении политической принадлежности Крыма следовало бы ожидать качественного обновления и его бизнес-элиты.

Дизайн исследования. До сих пор четко не сформулированы методические критерии определения «экономической элиты» [Колесник, 2008]. В частности, М. Юсим считает, что при анализе властных практик в современной корпорации нужно различать три типа позиций, обеспечивающих возможности для определяющего влияния: 1) владение значительной долей корпоративных акций, 2) членство в совете директоров и (или) 3) пребывание в должности высшего менеджера [Useem, 1980: 41–42; 1979].

Основным источником информации для отбора крупнейших компаний в регионе стали деловые издания («Эксперт», «Эксперт Юг», «Форбс» на Украине, «Форбс» в России)¹, сайты компаний Крыма, на которых размещена информация о персонах, занимающих ключевые позиции в экономической институции, официальные сайты правительства Республики Крым, министерств и общественных организаций. На первом этапе эмпирического исследования отобрано 60 крупных крымских компаний (включая находящиеся в 2023 г. в состоянии банкротства, реновации, национализации), которые до 2021 г. находились в списке крупнейших компаний.

¹ Топ-20 крупнейших налогоплательщиков Крыма // Информер. 2022. 16 февраля. URL: <https://ruinformer.com/page/top-20-krupnejshih-nalogoplatelshhikov-kryma>; Ренкинг динамичных компаний Юга России // Эксперт Юг. 2020. URL: <https://expertsouth.ru/articles/stali-izvestny-samye-bystrorastushchie-kompanii-kryma/>; Десять самых быстроразвивающихся компаний Крыма // Эксперт Юг. 2019. URL: <https://expertsouth.ru/articles/stali-izvestny-samye-bystrorastushchie-kompanii-kryma/>; 250 крупнейших компаний ЮФО по объему реализованной продукции в 2020 // Эксперт Юг. 2021. № 9. URL: https://expertsouth.ru/ratings/krupnejshie-kompanii/250-krupneyshikh-kompaniy-yufo-po-obyemu-realizovannoy-produktsii-v-2020-godu_1/ (дата обращения: 18.10.2021).

Вторым важным методическим шагом являлся отбор и формирование пула (персонального состава) крымской экономической элиты. Для идентификации элиты использовался позиционный подход, который соотнесен прежде всего с формальной структурой власти [Hoffmann-Lange, 2006]. Этот подход получил широкое распространение среди исследователей европейской элиты [Gulbrandsen, 2002; Hoffman-Lange, 2006; Ruostetsaari, 2007; Larsen, 2015]. Согласно позиционному подходу, в экономическую элиту были включены руководители и владельцы крупнейших компаний, председатели и члены советов директоров – всего 124 позиции: 70% – руководители компаний и их заместители, 10% – члены совета директоров, 20% – владельцы компаний. Основным методом исследования стал биографический метод – обобщение биографических сведений об экономической элите Крыма, а также выявление структурных характеристик экономической элиты в региональном парламенте двух созывов (среди в совокупности 150-ти депутатов).

В то же время при сборе эмпирических данных об экономической элите Крыма часто приходится сталкиваться с ограниченностью биографических сведений, что затрудняло анализ таких типовых социальных переменных, как возраст, место рождения, семейное положение, особенности профессиональной карьеры. Поскольку официальные биографические данные по изучаемым персонам не обладают полнотой, на данном этапе исследования можно определить лишь основные тенденции элитообразования Крыма.

Основные характеристики экономики Крыма. К началу 2000-х гг. были сформированы те основные контуры экономики Крыма, которые сохранились до 2014 г., а отчасти и до настоящего времени. Как в прошлом, так и сейчас Крым является центром военного приборостроения и судостроения, химической и пищевой промышленности. Что же касается предприятий оборонно-промышленного комплекса, который существовал в украинский период, то в условиях отсутствия конверсии этот пул практически самоликвидирован. Первые позиции в экономике полуострова в 2021 г. были закреплены за предприятиями оптовой и розничной торговли (49%), пищевой (11%) и строительной (10%) промышленности².

В ходе исследования выделены следующие основные формы трансформации крымских предприятий после 2014 г.: национализация, приватизация, банкротство, заморозка активов с последующей продажей или передачей в региональную собственность и др. Особый интерес с точки зрения трансформации собственности представляет не только национализация активов, но и процесс сохранения активов украинского бизнеса после 2014 г., переход украинских крымских компаний в аренду/владение региональных российских компаний.

Второй этап в трансформации крымской собственности начинается с 2017 г., когда происходит приватизация крупнейших компаний полуострова. Если в 2014 г. национализация предприятий носила скорее формальный характер, когда украинские государственные активы и собственность части украинских олигархов были переданы под российскую юрисдикцию, то позже в собственность региона стали переходить частные активы не только крупного, но и среднего бизнеса. До 2019 г. в РК функционировали компании (например, управляющая компания «Парангон»), аффилированные с прежними собственниками³. Новый этап трансформации украинской собственности в Крыму начался в феврале 2023 г., когда согласно решению Госсовета РК национализированы активы около 500 объектов (в том числе банки, земельные участки, заводы, комбинаты и пансионаты, принадлежащие украинским олигархам)⁴.

² Рассчитано на основе рейтингов крупнейших компаний Крыма. 100 крупнейших компаний Республики Крым и Севастополя // Эксперт Юг. 2021. URL: <https://expertsouth.ru/ratings/krupnejshie-kompanii/100-krupnejshikh-kompaniy-respubliki-krym-i-sevastopolya/> (дата обращения: 24.01.2022).

³ Офшорный след на крымском побережье // РБК. 26 марта 2019. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2019/03/26/5c94f4359a7947feadfea4f7> (дата обращения 25.12.2019).

⁴ В Крыму национализировали около 500 объектов имущества украинских олигархов // Взгляд. Деловая газета. 2023. 3 февраля. URL: <https://vz.ru/news/2023/2/3/1197771.html> (дата обращения 25.02.2023).

К числу предприятий, национализированных после 2014 г., относятся такие крупные отраслевые компании, как «Крымский Титан», судостроительный завод «Море», «Севастопольский морской завод». Национализация происходила в форме передачи предприятий в аренду другим компаниям, в собственность крымского и других российских регионов на основе долгосрочной аренды (49 лет). Согласно открытым данным, чаще всего крупные компании Крыма после 2014 г. переходили в долгосрочную аренду региональных и иных собственников, зарегистрированных в Москве, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и Татарстане.

Основные характеристики экономической элиты Крыма. Проведенный анализ 124-х биографий представителей экономической элиты Крыма показывает, что в этом сегменте преобладают (65%) представители среднего возраста (49–55 лет). Если рассматривать персональный состав крымской экономической элиты по состоянию на 2021 г., то они образуют пул руководителей, который и после присоединения сохранил свои высокие статусные позиции на предприятиях. Так, директор по экономике «Крымского содового завода» занимал руководящие позиции с 1979 г. (более 40 лет), директор завода шампанских вин «Новый Свет» – более 30 лет, генеральный директор винного завода – 25 лет, директор комбината «Крым» – 18 лет.

Имеющиеся относительно полные данные о 12-ти крупнейших компаниях-винодельцах Крыма позволяют определить, что из 16-ти руководителей сохранили свои управленческие позиции 10 (директора, заместители директора). В новую экономическую элиту были рекрутированы представители министерской элиты Крыма, силовых структур, профессиональные виноделы из высшего менеджмента крымских компаний. Радикальное обновление произошло в пуле владельцев крупнейших виноделен Крыма и связано с трансформацией структуры собственности, когда часть этих компаний были преобразованы в частные, переданы в аренду, обанкрочены или национализированы. Новыми владельцами шести экономических структур по производству вина стали представители крупного российского капитала, выходец из силовых структур (одна компания), государство (одна компания), акционерное общество (одна компания). По другим компаниям сведения о владельцах носят неполный и противоречивый характер. В отдельных компаниях все же происходит интенсивное обновление в руководящем составе. Так, в одной крупной винодельческой компании Крыма за последние девять лет сменились четыре генеральных директора и столько же владельцев компании. В то же время новые владельцы компаний предпочитают рекрутировать на высшие управленческие позиции не новичков, а высокопрофессиональных виноделов, чей стаж работы в Крыму исчисляется десятилетиями.

Часть представителей крымской экономической элиты оказались на высших руководящих позициях еще в 2003–2006 гг. и по-прежнему их сохраняют. Есть и иная карьерная тенденция, когда руководители компаний после 2014 г. сохранили свои управленческие позиции, но спустя некоторое время смена руководителя компании все же произошла (например, так было в 2018 г. в компании «Крымский содовый завод» в связи с изменением собственника).

Самый распространенный период назначения/избрания на высокие экономические позиции в компаниях региона приходится на 2015–2016 гг., когда произошла интеграция Крыма в РФ. В большинстве случаев (83%) представители «новой» экономической элиты уже занимали высокие управленческие позиции в экономических институтах (предэлитные или элитные) и до вхождения Крыма в состав РФ. Поэтому основная гипотеза исследования о радикальном обновлении состава экономической элиты в Крыму после 2014 г. подтвердилась только частично.

Анализ биографических данных показал, что полного обновления внутри элитной экономической общности Республики Крым после 2014 г. не произошло, но существенные изменения произошли в пуле владельцев крупнейших компаний. Если же и происходило некоторое обновление в среде руководителей компаний, то чаще всего за счет замещения одной элитной позиции другой на основе горизонтального перемещения.

Например, директор или его заместитель переходили в другую компанию, сохраняя свои высокие позиции, или же заместитель директора перемещался на позицию директора в рамках той же компании.

Причины относительной стабильности бизнес-элиты. Объяснение того, что представители старой («до-российской») экономической элиты по-прежнему сохраняют свои позиции, связано в том числе и с силой номенклатурного капитала (когда определяющую роль в появлении компаний играли не частные, а государственные капиталы, открывшие в 1990-х безграничные возможности для узкой социальной прослойки). Произошло естественное старение руководителей крупных компаний, но традиционные механизмы по сохранению и воспроизводству активов (социальные сети, связи, родственные, семейные кланы и другие социальные каналы), действующие с 1990-х гг., по-прежнему успешно функционируют.

Ситуация в постукраинском Крыму отчасти повторяет общероссийскую ситуацию 1990-х гг., когда произошла кардинальная трансформация «социалистической» собственности, но представители «красного директората», партийной номенклатуры и его ближайшего окружения в большинстве случаев сохранили свои контрольные позиции на предприятиях. Известно, что в российской экономической элите в 1993 г. почти каждый четвертый имел в своей биографии номенклатурное прошлое, а к началу 2000-х – каждый третий [Kryshtanovskaya, White, 2003: 299–302].

Если обратиться к биографиям представителей экономической элиты Крыма, то заметно, что высшие позиции, например, в государственно-унитарных компаниях (ГУП) занимают, как правило, те, кто и в украинский период занимали руководящие позиции. Руководство большинства ГУП, созданных в результате национализации собственности после 2014 г., успешно конвертировало свои ресурсы в экономические институты и сохранило позиции в новых условиях.

Правда, в некоторых компаниях экономическая трансформация сопровождается радикальным обновлением в пуле директоров. Например, в ГУП «Крымтранс» споры о владении и управлении продолжаются до сих пор, с 2014 г. там сменилось девять руководителей компании (только в 2019 г. директор сменялся четырежды). В числе руководителей предприятия часто назначались выходцы из силовых структур. Биографический анализ данных по исследуемым компаниям последнего десятилетия показал, что нередко в карьерных траекториях руководителей наблюдаются случаи, когда директор ГУП уходит в отставку либо его арестовывают. Так, в АО «Международный аэропорт “Симферополь”» с 2016 г. сменилось три руководителя (причем в 2018 г. – два)⁵, в ГУП «Крымтранс» фиксируются отставки и аресты руководителей компании.

А. Зоткин, рассматривая проблемы интеграции Крыма после 2014 г., отмечает, что аналогичные процессы происходят в Крыму и в политической, и в административной сферах: «Властную вертикаль Крыма от республиканского до местного уровня регулярно сотрясают коррупционные скандалы, сопровождаемые заключением под стражу и вынесением судебных приговоров должностным лицам республиканского и местного уровней власти. Таким образом, крымские элиты оказались между “молотом” требований со стороны федерального центра и “наковальней” местных условий» [Зоткин, 2019: 11]. Но на фоне текучести административной и политической элит региона директорский корпус крупнейших предприятий Крыма представляет собой относительно закрытое социальное образование без активного притока персон извне. Лишь в отдельных сегментах экономической элиты (руководителей ГУП, собственников экономических активов) происходят активные процессы циркуляции и обновления.

В качестве эмпирического основания для количественного анализа трансформации крымской элиты после 2014 г. рассматривались места рождения представителей

⁵ См.: История смены руководителей АО «МА “Симферополь”». URL: https://www.find-org.com/chiefs/7968887_ao_ma_simferopol (дата обращения: 23.05.2022).

экономической элиты. Обнаружено, что представители как старой, так и новой экономической элиты Крыма чаще всего имеют местное происхождение. В биографиях представителей «старой» экономической элиты, чьи компании функционировали еще до 2014 г., местом рождения являются как украинские, так и российские города и села (Целиноградская область, Симферополь, Киев, Ялта, Ровно и др.). Но в большинстве случаев (64%) руководители крупных экономических институций родились в самом Крыму, выстраивая карьерные траектории по принципу «где родился, там и пригодился».

Другим социальным ресурсом для экономической элиты Крыма является образовательный капитал, включая вузовский диплом: 94% экономической элиты Крыма имеют высшее образование. Чаще всего руководители компаний обучались в отраслевых вузах (Днепропетровский химико-технологический институт, Севастопольское Черноморское высшее военно-морское училище им. П.С. Нахимова, Одесский институт пищевой промышленности и др.). 87% руководителей компаний имеют дипломы украинских вузов, больше половины представителей экономической элиты Крыма имеют несколько дипломов о высшем образовании, а четыре руководителя компаний защитили кандидатские диссертации.

Таким образом, как и в большинстве случаев с постсоветской элитой, по уровню образования элита Крыма представляет собой однородную гомогенную общность. При этом, в отличие от европейской экономической элиты, социализация экономической элиты РК (как и большинства постсоветской), в условиях отсутствия сложившейся единой системы элитарного образования, проходила не в эксклюзивных учебных заведениях [Hartmann, 2000].

Взаимодействие экономической и политической элит Крыма. Зарубежные и российские исследователи экономической и политической власти неоднократно обращались к проблеме взаимодействия власти и бизнеса в постсоветский период. Немецкий социолог М. Хартманн отмечает, что отчуждение между экономическими и политическими элитами является скорее исключением, а доминирует противоположная тенденция, когда функционируют устойчивые формы взаимодействия между экономической и политической элитами, усиливающие интеграцию и солидарность внутри элитного сообщества [ibid.].

Особую популярность при описании экономики распавшегося СССР имели теории «кронизма», «кланового капитализма», «капитализма для своих». Исследователи на примерах стран Азии и Латинской Америки показали ограниченность подобной модели капитализма в сравнении с либеральной [Tornell, 2002; Kang, 2002]. Сторонники теории кронизма в первую очередь обращают внимание на обмен ресурсами между элитными общностями для получения экономических и иных выгод. В подобных условиях государство обеспечивает не только неприкосновенность для избранных, но и укрепляет политический режим в условиях нестабильности [Haber et al., 2002: 25]. При «клановом капитализме» государство осуществляет тотальный контроль не только над государственными, но и над частными компаниями, которые включены в единую систему распределения государственных ресурсов.

Российский политолог О.В. Гаман-Голутвина одна из первых объяснила функционирование российской элиты именно клановым характером постсоветского капитализма, отметив, что кланы являются значимой формой бизнеса в стране [Гаман-Голутвина, 2002: 85]. Активный приход бизнеса в административную и политическую элиты на региональном уровне приходится, по мнению исследователей, еще на 1990-е гг. [Колесник, 2000; Туровский, 2005]. С тех пор представители бизнеса интенсивно рекрутировались и встраивались в региональные политические формальные и неформальные общности для укрепления своего влияния в регионе [Чирикова, Ледяев, 2021].

Анализ биографических данных по крымской элите показывает, что в регионе воспроизводится устойчивая связь между политической и экономической общностью. Значительная часть старой экономической элиты имели депутатские мандаты Верховной Рады, входили в экспертные советы при исполнительных органах власти, занимали высшие административные позиции. Из 75-ти депутатов крымского парламента первого созыва

(2014–2019) 39 депутатов имели прямое или косвенное отношение к экономической сфере: это – не только представители высшего менеджмента или владельцы крупного капитала, но и те, кто с ними аффилирован (включая родственников). Среди значимых персон крымской политической элиты – В. Константинов, председатель Государственного совета РК, возглавлявший крымский парламент до «крымской весны» и сохранивший экономические активы на полуострове после нее.

В Государственном совете Крыма первого созыва были представители как крупного, так и среднего бизнеса: руководители транспортных, сельскохозяйственных, торговых, строительных компаний, сферы туризма и т.д., либо персоны, аффилированные с ними. Из 75-ти депутатов первого созыва 42 сохранили свои позиции в парламенте второго созыва (с 2019 г. по настоящее время), укрепив преемственность политической элиты и еще более профессионализируя состав регионального парламента. Во втором созыве крымского парламента произошло увеличение представителей экономической элиты на шесть депутатов. 64% депутатов, представлявших экономическую элиту в крымском парламенте первого созыва, сохранили свои позиции и в парламенте второго созыва.

Российские исследователи, изучая масштабы, формы и последствия активного взаимодействия представителей властных и экономических структур, обращают внимание на то, что масштаб присутствия представителей бизнеса в политической власти РФ очень существенен в сравнении с европейскими законодательными органами власти. По данным Е. Семеновой, которая проанализировала профессиональный состав пяти созывов Государственной думы, более чем каждый третий (35%) депутат имел опыт работы в бизнесе [Semanova, 2011]. Более того, в политическом сегменте федеральной элиты (среди депутатов) тех, кто имеет опыт работы в экономических структурах, больше (51%), чем в административном сегменте (31%) [Тев, 2018].

В экономической и политической элите Крыма заметен гендерный дисбаланс, который характерен для властных структур отнюдь не только исследуемого региона (см., например, [Useem, 1980: 41]). Отсутствует гендерное равенство в экономической элите и крымского региона, где только 13% руководящих позиций (управляющие, владельцы активов) занято женщинами. Анализ биографических данных по политической элите РК, представленной депутатским корпусом, показывает, что женщины составляли лишь 1/5 часть парламента первого созыва (15 мандатов из 75). После выборов в парламент второго созыва (2019) произошло снижение доли женщин среди региональных парламентариев: лишь восемь женщин-депутатов сохранили свои позиции, пять из которых представляют экономическую элиту региона.

Чаще всего сохраняют свои позиции «статусные депутатки», которые и до обретения мандата депутата занимали высокие позиции в экономической, политической и административной структуре Крыма. Их профессиональные биографии оказываются типичными для женщин-депутатов и из других российских регионов: наблюдается горизонтальное перемещение с одной высокой позиции на другую, в том числе и с позиции руководителя компании (директор ГУП, директор пансионата, директор крупного промышленного предприятия, руководитель районной администрации и др.).

Заключение. Итак, проверка гипотезы о радикальном обновлении экономической элиты в новом российском регионе позволила выявить, что крымская экономическая элита представляет собой дифференцированное образование, в котором различаются механизмы рекрутирования в среде владельцев и управленцев крупных компаний. Высокую роль в процессе элитообразования играют отраслевая принадлежность, форма собственности компании и происхождение капитала.

В крымской экономике после 2014 г. наблюдается ситуация, когда процесс трансформации экономических структур еще не завершен, вступив в стадию институционального оформления системы (designstage) и «игры» по установлению формальных правил (gamestage) [Barro, Gordon, 1983]. Самый распространенный период назначения/избрания на высокие экономические позиции в региональных компаниях приходится на

2015–2016 гг. В случае обновления статуса внутри элиты происходило замещение одной элитной позиции на другую на основе горизонтального перемещения индивидов. Более интенсивные процессы ротации и обновления происходили в руководстве государственных компаний, нежели в экономических структурах, находящихся в частной собственности. Наиболее серьезной трансформации после 2014 г. в части структуры владения подверглись компании пищевой и торговой отраслей, связи и энергетики, когда происходило замещение одних владельцев на других.

В целом же процесс трансформации собственности и экономической элиты, начавшийся в Крыму в 2014 г., носит незавершенный характер. Крымская элита сейчас находится на таком этапе институционализации, когда прежние социальные устои и нормы ослаблены, а новые не сформированы, что находит проявление в лихорадочной замене одних персон другими. При этом региональная бизнес-среда выталкивает из своего круга «чужаков», готовых в него войти, но не имеющих социальных ресурсов для адаптации, функционирования и удержания властных позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Быстрова А.С. Тенденции формирования российской элиты Севастополя: пять лет после присоединения к Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 1. С. 139–168.
- Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // *Политические исследования*. 2004. № 2. С. 6–19.
- Дятлов А.В., Ковалев В.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении юга России // *Социологические исследования*. 2021. № 3. С. 66–77.
- Зоткин А.А. Пятилетие «Крымской весны» и проблемы интеграции Крыма в политическую систему России // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 2. С. 5–23.
- Зоткин А.А. Роль региональных элит и столичного истеблишмента в формировании властной элиты Украины // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2004. № 3. С. 96–108.
- Колесник Н.В. Финансовая элита в российской провинции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т. 3. № 1. С. 102–120.
- Колесник Н.В., Тев Д.Б., Невский А.В. Экономическая элита в российском регионе: методический опыт определения выборочной совокупности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2008. № 1. С. 71–91.
- Крыштановская О.В. Бизнес-элиты и олигархи: итоги десятилетия // *Мир России*. 2002. № 4. С. 3–60.
- Матков А.Н. Эволюция партийного государства в ФРГ (1990–1998 гг.) // *Преподаватель XXI век*. 2011. № 3. С. 267–270.
- Тев Д.Б. Бизнес как источник рекрутирования федеральной административной и политической элиты России // *Власть и элиты*. 2018. Т. 5. № 1. С. 54–86.
- Туровский Р.Ф. Власть и бизнес в регионах России: современные процессы обновления региональных элит // *Региональная элита в современной России / Под ред. Я.Ш. Фрухтманна*. М.: Либеральная миссия, 2005.
- Хоффман-Ланге У. Элиты и демократизация: германский опыт // *Социологические исследования*. 1996. № 4. С. 50–57.
- Цыплакова Е.П. Особенности украинской и российской политической элиты // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2009. № 97. С. 338–345.
- Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Крупный бизнес и власть в малом российском городе: должник, благодетель, партнер? // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. № 19*. М., 2021. С. 302–328.
- Шульга Н. Этапы становления политической элиты в Украине в годы независимости // *Социология: теория, методы, маркетинг*. 2006. № 4. С. 24–37.
- Barro R., Gordon D. Rules, discretion and reputation in model of monetary policy // *Journal of Monetary Economics*. 1983. Vol. 12. № 1 (July). P. 101–121.
- Gulbrandsen T. Ideological Integration and Variation within the Private Business Elite in Norway // *European Sociological Review*. 2005. № 21(4). P. 329–344.
- Hartmann M. Class-specific habitus and the social reproduction of the business elite in Germany and France // *The Sociological Review*. 2000. Vol. 48. No. 2. P. 246–247.
- Hoffmann-Lange U. Methodological Developments in Elite Research // *Panel on Changing Modalities of Elite Behaviour and Belief*. Fukuoka, 2006.

- Kang D. Crony Capitalism. Corruption and Development in South Korea and Philippines. New York: Cambridge University Press, 2002.
- Kryshchanovskaya O., White S. Putin's Militocracy // *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19. No. 4. P. 289–306.
- Larsen A.G. Elites in Denmark. Identifying the elite. University of Copenhagen, 2015.
- Ruostetsaari I. Nordic Elites in Comparative Perspective // *Comparative Sociology*. 2007. No. 6. P. 158–189.
- Semenova E. Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009 // *Comparative Sociology*. 2011. No. 10 (6). P. 908–927.
- Tornell A. Economic Crisis and Reform in Mexico // Haber S. (ed.) *Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence*. Stanford, California: Hoover Institution Press, 2002. P. 127–150.
- Useem M. Corporations and the Corporate Elite // *Annual Review of Sociology*. 1980. Vol. 6. P. 41–77.
- Useem M. The Social Organisation of the American Business Elite and Participation of Corporation Directors in the Governance of American Institutions // *American Sociological Review*. 1979. No. 4. P. 553–572.

Статья поступила: 30.05.23. Финальная версия: 17.07.23. Принята к публикации: 09.08.23.

ECONOMIC ELITE OF CRIMEA AFTER 2014

KOLESNIK N.V.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Natalya V. KOLESNIK, Cand. Sci. (Sociol.), Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia (n.kolesnik@socinst.ru).

Abstract. The functioning of the regional elite of new Russian territories is analyzed on the example of Crimea after 2014. The focus of the study is a biographical analysis of the characteristics of 124 leaders of large economic structures of Crimea and 150 deputies of the Crimean parliament of two convocations. The analysis of the data showed that the economic segment of the Crimean elite after integration into the Russian Federation was partially updated. The study revealed that among the owners of economic assets, the management of SUEs, there are more dynamic updates than in other segments of the economic elite. At the same time, if there is recruitment to top positions in Crimean companies, the most often on closed grounds, when there is a transfer from one managerial position to another in the form of maintaining an elite position after 2014. The peak of new appointments/elections to high economic positions in regional companies falls on 2015–2016, when Crimea was integrated into the Russian Federation. An analysis of the forms of interaction between the economic and political elite showed that within the deputies of two convocations (2014 and 2019), representatives of the economic elite occupy more than half of the seats. This only strengthens the elite integration within the region and shows that business is an important part in the political career of deputies.

Keywords: crimean elite, transformation, economic and political elite.

REFERENCES

- Barro R., Gordon D. (1983) Rules, discretion and reputation in model of monetary policy. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 12. No. 1 (July): 101–121.
- Bystrova A. Formation trends of the russian elite of Sevastopol: five years after joining the Russian Federation. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 6. No. 1: 139–168. (In Russ.)
- Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2021) Big business and power in a small Russian city: debtor, benefactor, partner? In: *Russia in reform*. Iss. 19. Moscow: 302–328. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. (2021) Transformation of the City Management Institute in the Municipal Administration of the Russian South. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 66–77. (In Russ.)
- Gaman-Golutvina O.V. (2004) Regional elites of Russia: personal composition and evolution trends. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies]. No. 2: 6–19. (In Russ.)
- Gulbrandsen T. (2005) Ideological Integration and Variation within the Private Business Elite in Norway. *European Sociological Review*. No. 21 (4): 329–344.
- Hartmann M. (2000) Class-specific habitus and the social reproduction of the business elite in Germany and France. *The Sociological Review*. Vol. 48. No. 2: 246–247.

- Hoffmann-Lange U. (1996) Elites and democratization: the German experience. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 50–57. (In Russ.)
- Hoffmann-Lange U. (2006) Methodological Developments in Elite Research. In: *Panel on Changing Modalities of Elite Behaviour and Belief*. Fukuoka.
- Kang D. (2002) *Crony Capitalism. Corruption and Development in South Korea and Philippines*. New York: Cambridge University Press.
- Kolesnik N.V. (2000) The financial elite in the Russian province. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 3. No. 1: 102–120. (In Russ.)
- Kolesnik N.V., Tev D.B., Nevsky A.V. (2008) Economic elite in the Russian region: methodological experience in determining the sample population. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. No. 1: 71–91. (In Russ.)
- Kryshchanovskaya O. (2002) Business elite and oligarchs: results of the decade. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. No. 4: 3–60. (In Russ.)
- Kryshchanovskaya O., White S. (2003) Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 19. No. 4: 289–306.
- Larsen A.G. (2015) Elites in Denmark. Identifying the elite. University of Copenhagen.
- Matkov A.N. (2011) The evolution of the party state in Germany (1990–1998). *Prepodavatel XXI vek* [Lecturer XXI century]. No. 3: 267–270. (In Russ.)
- Ruostetsaari I. (2007) Nordic Elites in Comparative Perspective. *Comparative Sociology*. No. 6: 158–189.
- Semenova E. (2011) Ministerial and Parliamentary Elites in an Executive-Dominated System: Post-Soviet Russia 1991–2009. *Comparative Sociology*. No. 10 (6): 908–927.
- Shulga N. (2006) Stages of formation of the political elite in Ukraine during the years of independence. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. No. 4: 24–37. (In Russ.)
- Tev D.B. (2018) Business as a source of recruitment of the federal administrative and political elite of Russia. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 5: 54–86. (In Russ.)
- Tornell A. (2002) Economic Crisis and Reform in Mexico. In: Haber S. (ed.) *Crony Capitalism and Economic Growth in Latin America: Theory and Evidence*. Stanford. California: Hoover Institution Press: 127–150.
- Tsyplakova E.P. (2009) Features of the Ukrainian and Russian political elite. *Izvestiya RGPU of A.I. Herzen* [Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 97: 338–345. (In Russ.)
- Turovsky R.F. (2005) Power and business in the regions of Russia: modern processes of renewal of regional elites. In: *The regional elite in modern Russia*. Ed. by J.S. Fruchtmann. Moscow: Liberalnaya missiya. (In Russ.)
- Useem M. (1979) The Social Organisation of the American Business Elite and Participation of Corporation Directors in the Governance of American Institutions. *American Sociological Review*. No. 4: 553–572.
- Useem M. (1980) Corporations and the Corporate Elite. *Annual Review of Sociology*. Vol. 6: 41–77.
- Zotkin A. (2004) The role of regional elites and the capital's establishment in the formation of the power elite of Ukraine. *Sociologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: theory, methods, marketing]. No. 3: 96–108. (In Russ.)
- Zotkin A. (2019) The 5th anniversary of the "Crimean spring" and the problems of integration of Crimea into the political system of Russia. *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 6. No. 2: 5–23. (In Russ.)

Received: 30.05.23. Final version: 17.07.23. Accepted: 09.08.23.

© 2023 г.

Г.А. ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ПЕРЕМЕНЫ В ПОСЛЕ-ШКОЛЬНЫХ ТРАЕКТОРИЯХ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Галина Анатольевна – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (galcher2211@gmail.com).

Аннотация. Актуальный тренд в после-школьных траекториях молодежи – перераспределение спроса от вузов к колледжам (ссузам) – анализируется отдельно по формам обучения высшего образования с учетом социальных характеристик потребителей. Показано, что спад поступающих в вузы идет за счет заочного и не затрагивает очное обучение. Под воздействием институциональных изменений средней и высшей школы (усиления иерархии и селективности, введения ЕГЭ) продолжается социальная консолидация двух треков: (1) дающего доступ посредством ЕГЭ к очному обучению в вузах и (2) открывающего путь – через транзит среднего профессионального образования – к заочной подготовке в высшей школе. Представители первого – в большой мере выходцы из семей, наделенных экономическими и социокультурными ресурсами, а вторые – из более массовых групп трудящихся и рабочих. Переключение спроса от высшего к среднему профессиональному идет у части молодежи второго трека от программ и направлений обучения высшей школы (преимущественно для «старого» сервисного сектора), которые утратили функцию «социального лифта» и рентабельность на рынке труда, в пользу актуальных массовых сервисных профессий в области ИТ и др., предоставляемых в ссузах. Одновременно меняется спрос в направлении большей рентабельности программ заочного обучения в вузах. Выявляются новые черты социального неравенства в образовании.

Ключевые слова: образовательные траектории молодежи • высшее образование • среднее профессиональное образование • очная и заочная формы обучения • социальное неравенство в образовании

DOI: 10.31857/S013216250027362-1

Постановка проблемы и цели исследования. Траектории молодежи изучаются как многоступенчатый кумулятивный процесс движения человека через образовательную систему, где предыдущие решения и опыт влияют на последующие; они разворачиваются под воздействием семейного бэкграунда и социального окружения, динамики институтов образования, рынка труда, демографической ситуации и пр. Образовательные траектории молодежи формируются под влиянием динамики развития общественных подсистем и в ходе социальных действий самих субъектов по накоплению образовательного капитала; и это проявление субъектности может менять элементы структуры образования.

Обнаруживается актуальный тренд в после-школьных траекториях молодежи – перераспределение предпочтений от вузов к колледжам. Это связывают с состоянием развития экономики страны и экономическим положением потребителей высшего образования (ВО), изменением запросов рынка труда и сегодняшним институциональным состоянием образовательной системы, возможностями и ресурсами развития системы профессионального

образования (СПО) и др. Вместе с тем ряд характеристик этого феномена нуждается в более дифференцированном анализе. В последние два десятилетия по мере бурного развития ВО шло усиление его иерархичности и селективности, нарастание социального неравенства и территориально-поселенческих ограничений в доступе к ВО, которое различается качеством подготовки и будущей экономической выгоды на рынке труда [Малиновский, Шибанова, 2022; Основные стратегии..., 2021; Региональная дифференциация..., 2020]. Изучение «разворота спроса молодежи от ВО к СПО», ведущееся до сих пор с использованием статистических данных о всем ВО в целом, необходимо дополнить и уточнить анализом на базе более дифференцированных материалов статистики и социологических исследований, которые характеризовали бы формы обучения, социальные характеристики потребителей, качество ВО и др. Это позволит на основе анализа перемен в образовательных треках понять: от какого по качеству ВО стала отказываться молодежь? Какие социальные группы молодежи и почему вместо поступления в вуз стали переориентироваться на подготовку в СПО?

В методологии исследований образовательных траекторий молодежи изучается влияние структурных изменений в образовании на социальные шансы движения разных групп через образовательную систему. Так, усиление различий в качестве ВО рассматривается как изменение характеристик постшкольных треков у разных по социальному происхождению групп и шансов доступа. Поэтому рассмотрим формирование двух после-школьных треков молодежи (с исходных позиций – после 9 и 11 классов) в ракурсе воздействия на них институциональных изменений в средней и высшей школах, в том числе перехода из школы в вуз на основе ЕГЭ, и взаимосвязи профессиональной подготовки и рынка труда, имеющих отношение к «перетоку в СПО».

Для этого используется показатель – форма обучения (очная и заочная¹), единственный из возможных на материалах статистики, который позволяет, хотя и обобщенно, фиксировать различия. Необходимых для такого анализа материалов в статистических сборниках нет, они рассчитаны автором по данным форм Федерального статистического наблюдения ВПО-1 2013–2022 гг. (сайт Минобрнауки РФ²), а также аналогичных материалов 2000–2010 гг., официально предоставленных в 2008–2011 гг. Отделу социологии образования ИС РАН Федеральной службой государственной статистики. Ссылки на эти источники далее не указываются. Используются также материалы социологических исследований, в т.ч. автора.

Предварительно остановимся на ряде положений, которые введут читателя в уже проведенное другими авторами изучение «тренда на СПО» и будут главным образом здесь уточняться.

Хронологическое изучение позволило установить, что после 1995–2015 гг., когда масштабы ВО преобладали, наступил разворот в сторону последовательного роста выбирающих СПО по программам подготовки специалистов среднего звена (СПО-ППССЗ) [Константиновский, Попова, 2022: 383–385, 394]. Прием в 2010–2020 гг. на программы бакалавриата и специалитета ВО снижался (с 1341 до 873 тыс. чел.), а в СПО-ППССЗ рос (с 705 до 900 тыс. чел.); охват возрастной когорты 17–25-летних обучением в вузах (бакалавриат, специалитет) уменьшался (с 32,3% в 2005 г., 30,2% в 2014 г. до 29,2% в 2020 г.), а охват возрастной когорты 15–19-летних обучением в СПО-ППССЗ рос (22,1; 30,2 и 39,1% соответственно). Сделан вывод: «В результате исследования удалось развенчать миф о расширении сектора СПО за счет транзитной траектории “из колледжа в вуз”» [Мальцева, Шабалин, 2021: 10, 17–18, 21–24]. Акцент на отрицании «обходного маневра» эти и другие

¹ Различие подтверждается разнящейся дефицитностью той и иной подготовки: в 2022 г. конкурс (подано заявлений/принято) при приеме на бюджетные места бакалавриата был 12,5 у очников и 5,3 у заочников, на платные места – 7,6 и 2,4; при приеме на специалитет: 10,0 – 4,3 и 5,6 – 2,1 соответственно.

² Высшее образование. Сайт Минобрнауки РФ. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 30.03.2023).

авторы делают сегодня ради доказательства иной социальной природы «бума СПО». Социальные факторы происходящих перемен могут быть уточнены.

Воздействие институциональных факторов на изменение образовательных траекторий трактуется только как социальная данность, порождающая нынешнюю конфигурацию треков. Констатируется, что процесс будет нарастать в результате повышения селективности старшей школы [Дудырев и др., 2017], а «основным триггером растущего спроса на программы СПО выступает сжатие реальных доходов домохозяйств, что вкупе со снижением доступности высшего образования “выталкивает” школьников с невысоким социально-экономическим статусом из академического трека» [Мальцева, Шабалин, 2021: 10]. Между тем важно не только фиксировать результат перемен, но и отслеживать, каким образом институциональные трансформации по итогам реформирования средней и высшей школы привели к негативным социальным эффектам.

Прием на разные формы обучения ВО. Потребители разных форм обучения. Рассматривать прием в вузы по разным формам обучения следует начинать с характеристики состава поступающих по возрасту и уровню образования. Те, кто становятся студентами очниками, принципиально отличаются от идущих на другие программы обучения бакалавриата и специалитета. В приеме 2022 г. у очников 80% составляет молодежь в узком диапазоне от 17 до 19 лет (возраст окончания средней школы). Распределение «не-очников» гораздо дисперснее, большую часть у заочников составляют 19–22-летние (45,5%) и у очно-заочников – 18–21-летние (50,6%). Особенности «возрастного большинства» всех групп поступающих остаются типологически стабильными уже долгое время.

Различия в возрасте сопрягаются с несхожестью образовательного бэкграунда и трудового опыта на момент приема в вуз (рис. 1). Учиться очно поступают преимущественно выпускники средней школы: примерно восемь из десяти (семеро из них – в год окончания школы); почти в шесть раз меньше (14,2%) имеют образование СПО-ППССЗ. У заочников самая многочисленная группа – учащиеся с СПО-ППССЗ (68,1%), а соотношение между имеющими подготовку СПО и среднее полное образование (76,8 / 17,5%) прямо противоположно таковому у ставших студентами-очниками. Небольшая вариативность

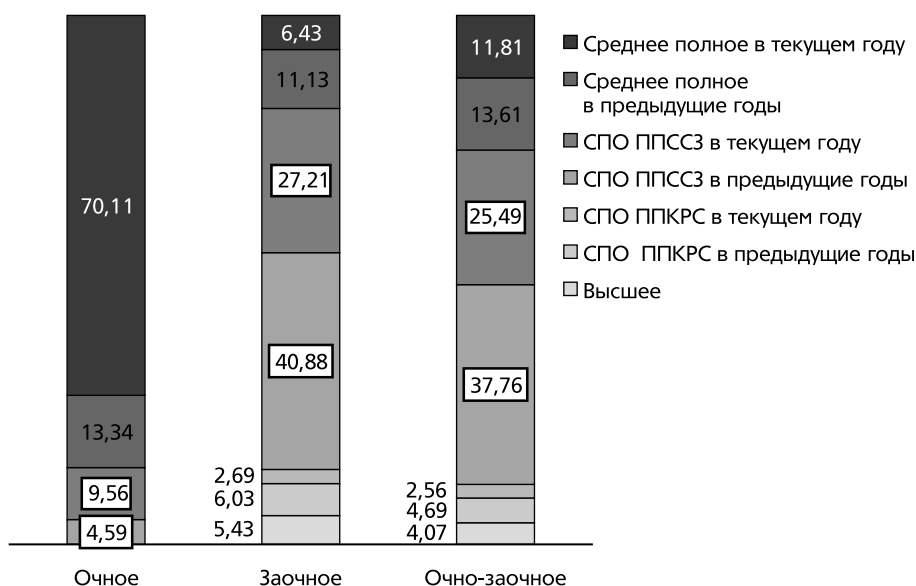

Рис. 1. Распределение по уровню имеющегося образования поступивших на разные формы обучения ВО (бакалавриат и специалитет) в 2022 г., в %

показателей по очно-заочному относительно заочного обучения не меняет типологической общности обеих групп приходящих на «не-очную» учебу и тем самым существенно отличая их от контингента очников. Особенности образовательного багажа очников и заочников также устойчивы (см. 2000–2016 гг. [Чередниченко, 2018]).

Динамика приема и охват сверстников. Анализировать корректно динамику численности приема на разные формы обучения ВО можно при условии соотнесения с изменением численности сверстников, составляющих основную часть принятых на эти программы – того «возрастного большинства», что обозначено выше. На основе расчета «условной годичной когорты сверстников»³ данные о численности таких «сверстников» для поступающих на каждую из трех форм обучения соотнесены с числом принятых на эти самые образовательные программы (рис. 2).

В период экспансии ВО (2000–2008) численность приема на бакалавриат и специалитет у заочников росла существенно быстрее, чем число «сверстников» (+60,9 и +7,9%). На спаде демографической волны и далее – число принятых заочников сокращается сильнее соответствующей возрастной группы: падение в 2008–2022 гг. на –64,2 и –42,6% соответственно. У очников в начале периода приращение приема относительно числа «сверстников» шло не столь бурно, как у заочников (2000–2005 гг.: +20,8 и +5,4%), и, напротив, на демографическом спуске сокращение приема с 2005 по 2014 г. происходит менее интенсивно, чем сокращение числа «сверстников» (–21,3 и –45,3%), а далее происходит медленный рост числа поступающих, который опережает приращение возрастной когорты (с 2014 по 2022 г.

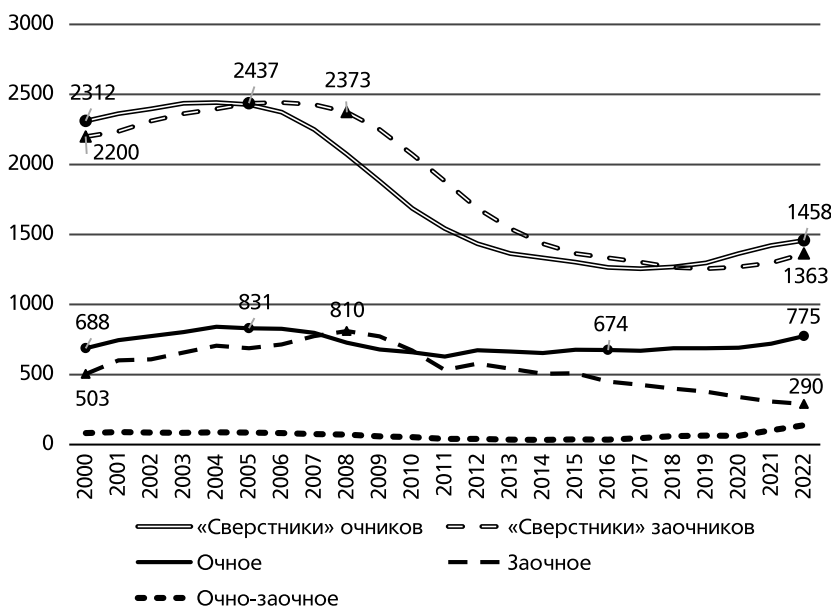

Рис. 2. Численность приема по формам обучения на бакалавриат и специалитет ВО и условных годовых когорт «сверстников» очников и «сверстников» заочников, тыс. чел.

³ «Условная годичная когорта сверстников» рассчитана как средняя арифметическая: для очников от суммы численности 17–19-летних, деленной на 3 (число годичных групп); для заочников – относительно численности 19–22-летних, деленной на 4; для очно-заочников – относительно числа лиц от 18 до 21 года, деленного на 4. За условную когорту 17-летних принята численность родившихся 17 лет назад, соответственно – для всех других возрастов. Показатели смертности в этих возрастах невелики и для целей сравнения в динамике лет несущественны [Демографический ежегодник..., 2001: 133; Демографический ежегодник..., 2015: 37].

Таблица

Охват приемом по отдельным формам обучения ВО
(доля от соответствующих условных годовых когорт сверстников*)

Год	Доля принятых относительно численности «сверстников»:		
	от числа 17–19-летних / 3	от числа 19–22-летних / 4	от числа 18–21-летних / 4
	очная	заочная	очно-заочная
2005	34,0	28,3	3,5
2010	41,6	32,4	2,8
2015	52,7	37,4	2,7
2020	49,5	26,8	4,8
2021	49,4	23,6	7,5
2022	52,4	21,3	9,6

Примечание. * См. сноску 3.

+18,5 и +9,3%). Таким образом, востребованность очного обучения росла на протяжении всего периода, а с 2016 по 2022 г. очный прием даже увеличился на 100,4 тыс. чел. Напротив, к заочному обучению, которое обеспечило в свое время в большой степени массовое ВО, далее обращаются все меньше и меньше поступающих в высшую школу.

В этом снижении и отказ молодежи, и компания по повышению показателей качества ВО. С 2016 г. идет реструктуризация сети вузов, сокращение филиалов в регионах и заочной формы обучения. Шла, в частности, формальная реорганизация части заочного обучения в очно-заочную форму, о чем свидетельствует зеркальная динамика показателей численности приема: доли первой и второй формы в общем приеме на бакалавриат и специалитет составляли в 2016 г. 38,8 и 3%, а в 2022 г. – 24,1 и 11,4% соответственно. Исходя из общности (с социологической точки зрения) потребителей обеих форм «не-очного» обучения, можно говорить о том, что сектор массового ВО уменьшился с 42 до 36%. Аналогично спад охвата «сверстников» однотипным «не-очным» обучением был не столь стремительным, как только по заочной форме: от пика в 2015 г. к 2022 г. снижение примерно с 40 до 30% (табл.). В то время как охват приемом на очное обучение в целом остается относительно стабильным – более половины «сверстников».

Таким образом, сжатие приема в высшую школу происходит исключительно в результате падения спроса молодежи на сектор массового «не-очного» обучения и только за счет данного оттока из высшей школы формируется «тренд разворота на СПО».

Перемены в институционализации и два после-школьных трека. Различны социально-экономические характеристики молодежи отдельных после-школьных треков. Расхождения стали углубляться и консолидироваться по ходу институциональных перемен последнего двадцатилетия в средней и высшей школе, перекладывания государством части расходов по финансированию образования на население⁴. Расширялась сеть частных учебных заведений и школ особого статуса (гимназий, лицеев, специализированных школ и классов) с высокими стандартами преподавания, создающими преимущества при поступлении в вуз. Вероятность обучения в них коррелирует с высокими социально-экономическим и культурным положением родителей [Чередниченко, 2014: 202–210, 258–284; Образование..., 2018: 228–258].

Усиливалась многообразная дифференциация высшего образования [Рощина, 2006; Ключарев, 2013]. Переход к массовому ВО шел во многом за счет платного и заочного обучения [Чередниченко, 2018], т.е. расширения сегмента сниженного качества подготовки.

⁴ Доля расходов на общее образование в совокупных расходах государства на образование сократилась с 50,3% в 2000 г. до 42,0% в 2020 г.; соответствующая доля расходов на высшее образование снизилась с 19,9% в 2010 г. до 14,9% в 2020 г. [Индикаторы..., 2022: 175].

На другом полюсе обособлялся сектор вузов и программ с высокими конкурсами при приеме и стандартами преподавания. Различия усилились при реализации государственных программ повышения конкурентоспособности ВО России на глобальном рынке образовательных услуг, обеспечения мировых стандартов подготовки для крупных компаний – драйверов технологического развития. Сегодня выделяют как минимум три категории вузов: 1) ведущие (Ассоциация ведущих университетов, «Глобальные университеты», НИУ, федеральные университеты, «Проект 5–100»); 2) опорные (крупные региональные центры, объединившие несколько вузов); 3) прочие. Распределение студентов очного обучения бакалавриата и специалитета в 2019–2020 уч. г. между тремя категориями составляло 18, 10, 73% соответственно [Основные стратегии..., 2021: 8].

На этом фоне введение ЕГЭ породило усиление социального неравенства доступа к очному и к заочному обучению ВО⁵. Укрепились два типа образовательных треков: *академический* (11 классов – ЕГЭ – ВО очного обучения) и *комбинированный* (9 классов – СПО – ВО заочного обучения по результатам приемных экзаменов).

В условиях обучения по образовательным стандартам и институционализации ЕГЭ с его исключительно высокой ставкой в допуске к разному качеству ВО – интенсифицировались частные инвестиции семей как непосредственно в обучение детей в школе, так и в репетиторство для сдачи ЕГЭ⁶. По данным мониторинга при одинаковой успеваемости в конце 9-го класса дети из высокодоходных групп семей лучше сдают ЕГЭ в среднем на 4–5 баллов (из 100), нежели из групп низкообеспеченных. Достижение более высоких баллов ЕГЭ обеспечивается выбором более эффективного направления инвестиций в предварительный тренинг [Прахов, 2014].

Учащиеся из семей с пониженными экономическими и социокультурными ресурсами были вынуждены переоценить свои шансы на успешную сдачу ЕГЭ и выработали стратегии его обхода – через транзит СПО на заочное обучение в вуз. Показательно, что по мере присоединения регионов страны к ЕГЭ синхронно шло снижение (особенно сильное в экономически менее развитых субъектах РФ, т.е. с повышенным удельным весом менее обеспеченных слоев населения) доли учащихся 9-х классов, переходивших в 10-й [Адамович, 2022]. В целом по стране этот показатель снижался следующим образом: с 66,8% в 2000 г. до 59,7% в 2010 г. и 50% в 2020 г. [Индикаторы..., 2022: 240]. При приеме в вузы РФ на очное обучение устойчиво преобладают лица с полным средним образованием (89,2% в 2000 г., 89,1% в 2016 г., 83,4% в 2022 г.); в то время как при приеме на заочное обучение все меньше лиц приходят со средним полным образованием (36,7; 21,5; 17,5% соответственно) и все больше тех, кто имеет СПО (55,7; 68,6; 76,8% соответственно).

Социальные характеристики молодежи академического и комбинированного треков. Шансы попасть в академический трек все более определяются факторами, связанными с экономическими и социокультурными ресурсами семей учащихся [Хавенсон, Чиркина, 2019]. Данные репрезентативного обследования 2020 г. показывают:

⁵ Рассматривается влияние ЕГЭ только на формирование после-школьных треков, другие вопросы не освещаются. Например, противоречивое влияние на региональную доступность ВО: возможность поступать в топовые вузы молодежи из разных регионов (в вузы Москвы и С.-Петербурга принято в 2022 г. более 70% абитуриентов с баллами 80+) и одновременно усиление диспропорций и межрегиональных различий в предоставлении качественных образовательных программ в конкретном регионе [Данные Мониторинга качества приема в российские вузы 2022. См.: URL: <https://ioe.hse.ru/news/814967649.html> (дата обращения: 29.06.2023); Региональная дифференциация..., 2020: 28–33].

⁶ Только в первый год всеобщего ЕГЭ департамент экономической безопасности МВД фиксировал, что объем коррупции в образовании увеличился: из вузов взяточничество перешло на уровень школы. См: ЕГЭ проэкзаменовали на коррупцию // Коммерсантъ, 26.05.2010. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1375468> (дата обращения: 08.04.2023). Сегодня в исследованиях НИУ ВШЭ теневое образование (репетиторство традиционное и на онлайн-платформах) трактуется как деятельность большой группы педагогов по улучшению компетенций и карьеры учащихся в школе, одновременно позволяющей эффективнее, чем при увеличении нагрузки только в образовательной организации, достичь доходов, соответствующих индикаторам достойного труда [Абанкина и др., 2022].

соотношение студентов-очников (бакалавриата и специалитета), окончивших общеобразовательные школы и школы особого статуса, в селективных вузах (категории «ведущие» и «опорные») 56 к 39%, а в массовых («прочие») 68 к 27%. У 54% студентов матери имеют высшее образование (в т.ч. ученую степень); в ведущих вузах – 62%, в вузах «Проекта 5–100» – 68%, в МГУ и СПбГУ – 73%. 54% студентов относят себя по материальному положению семьи к группам: «достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля затруднена» и «материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск». Таких студентов еще больше в ведущих вузах (58%), вузах «Проекта 5–100» (59,5%), МГУ и СПбГУ (68,4%) [Основные стратегии..., 2021: 21–23].

Трек «Школа-СПО» всегда формировался, как правило, учащимися из семей с низким социально-экономическим положением и/или со слабой успеваемостью. Но эпоха ЕГЭ расширила социальные рамки и сделала более многочисленным поток переходящих из 9 класса в СПО ради транзита в вуз. Так, в 2010–2015 гг. фиксировался рост доли студентов СПО с 23,2 до 31,4% в общей численности студентов ВО с СПО, что относили главным образом к стратегии, минуя ЕГЭ, поступить в вуз [Беляков и др., 2018: 12–13]. Сегодня, даже при сжатии контингента «транзитеров», долю выпускников СПО, сразу поступающих в вузы, оценивают в 1/3 [Малиновский, Шибанова, 2022: 17]. Комбинированный трек ведет преимущественно не только на заочное обучение, но и на платные учебные места: в 2022 г. таких было 73,5% от приема на заочные и 39,0% у поступивших на очные отделения.

По результатам социологического исследования 2019 г.⁷ заочниками, как правило, становятся те, кто на момент окончания школы принадлежали по происхождению к средне- и малоресурсным группам населения. У 61,7% обследованных отцы были рабочими (в т.ч. 35,7% – квалифицированными и 23,5% – обученными), а 25,9% матерей относились к специалистам средней и 21,6% – высшей квалификации⁸. Среди опрошенных оканчивали школу в селах, поселках и малых городах 25,2%, в средних и больших – 21,2%, в крупных – 27,5%, а в Москве и Санкт-Петербурге – только 6,8%. Письменные ответы респондентов о названии вуза учебы, закодированные исследователями на основе рейтинга вузов России RAEX⁹, показали: учились в наиболее престижных вузах – занимающих места с 1-го до 50-го в ранге ТОП-100 (RAEX) – 10,6% респондентов, места с 51 по 100-е – 11,2% и оставшиеся 78,2% – в вузах за пределом сотни репутационных [Чередниченко и др., 2020: 78, 81, 107, 108].

Таким образом, институциональные трансформации системы школьного и высшего образования, сопровождавшиеся социальной консолидацией двух после-школьных треков, привели к усилению социального неравенства доступа к качеству ВО, фиксируемого в самом общем виде очной и заочной формой обучения. С середины 2010-х гг., собственно комбинированный трек, дающий доступ преимущественно к заочной форме обучения, стал сжиматься (падение числа поступающих на заочные отделения ВО) и соответственно стала расти доля молодежи трека «после 9 класса», идущей непосредственно в СПО, тем самым углубляя социальное обособление двух пост-школьных треков.

За счет чего изменяется и сокращается интерес к обучению в вузах. Получение ВО всегда служило социальным лифтом для молодежи, происходящей из семей, наделенных меньшими образовательными ресурсами, жителей сел, малых поселений и т.п. Данный стимул, а также шедший до начала 2010-х гг. сигнал рынка труда о «зарплатной премии» за ВО существенно увеличивали спрос на него этих групп молодежи. Однако далее

⁷ Опрос 2019 г. на общероссийской структурированной онлайн-панели всех крупных (более 200 тыс. жителей) городов РФ охватывал в равных долях студентов-заочников и получивших в 2005–2018 гг. дипломы ВО после заочной учебы [Чередниченко и др., 2020].

⁸ Статус родителей кодировался исследователями на основе письменных ответов респондентов на три открытых и один закрытый вопрос.

⁹ RAEX Аналитика. Рейтинг вузов России. 2018 г. URL: <http://www.edu.ru/abitur/act.9/index.php?rating/rating-2018.html> (дата обращения: 23.11.2019).

такая отдача существенно снизилась [Российский рынок..., 2017: 117], а рентабельность диплома ВО на рынке труда стала все более зависеть от качества и направления, специальности подготовки, что сказалось и на снижении выполнения высшей школой функции социального лифта для части малоресурсных групп молодежи¹⁰.

В период роста массового ВО, отвечавшего, в частности, на запрос в кадрах для быстро растущего сектора тогдашней сервисной занятости и низового менеджериата, для работодателя сигналом о необходимой подготовке служил любой диплом ВО. Расширявшаяся тогда подготовка по специальностям триады «экономика-право-менеджмент», особенно в заочном обучении ВО, сохраняется даже к 2020-м гг. В распределении по направлениям подготовки у студентов очников на «науки об обществе» приходится 29% состава, инженерно-технические специальности – 19%, математические и естественные науки – 20%, медицина – 13% [Основные стратегии..., 2021: 15]. У студентов заочников соответствующие показатели: 54; 24; 2,9; 1,4%, а направление «науки об обществе» представлено преимущественно указанной триадой, где все места платные, а «цена» их самая низкая по рынку¹¹. Это оборачивалось низким качеством, девальвацией дипломов, трудоустройством не по специальности. После заочной подготовки в вузе получают социально-профессиональные позиции, соответствующие уровню квалификации диплома ВО, 73,1% из тех, кто работают по специальности, и только 33,9% среди занятых не по профилю подготовки. Теми, кто не получил «подъема в социальном лифте», оказываются наиболее малоресурсные подгруппы заочников, часто со стартовым образованием СПО [Чередниченко и др., 2020: 112, 126–133].

Когда был удовлетворен запрос на тогдашние низовые сервисные кадры, тот сектор ВО, где массово предоставлялась такая подготовка, не обеспечивая достаточного накопления фундаментальных квалификаций, тождественным уровнем высшего образования, утратил свою привлекательность для их основных потребителей – заочников из малоресурсных групп. Рациональным стало их переключение на подготовку по актуальным сервисным специальностям, ценимым сегодня рынком труда. В проведенных исследованиях аргументированно показано, что нынешний приток школьной молодежи в СПО идет главным образом на новые сервисные направления, специальности с нежесткой квалификационной иерархией – в сфере ИТ и СМИ, по которым отмечается большой рост конкурса при приеме, тогда как на многие традиционные специальности промышленных направлений (машиностроение, химические технологии), «старые» сервисные (право и т.п.) конкурса нет [Мальцева, Шабалин, 2021: 27–28].

Тренд в переориентации с середины 2010-х гг. малоресурсных групп молодежи в сторону тех элементов после-школьного образования, которые обеспечивают большую рентабельность на рынке труда, наблюдается и в их перемещениях внутри заочного обучения ВО. Рассмотрим динамику приема в 2016–2022 гг. в сравнении по формам обучения и далее только по заочной, опираясь на результаты Мониторинга трудоустройства выпускников ВО об отдаче на рынке труда на разные программы ВО: выше уровень трудоустройства и средних зарплат у выпускников специалитета, нежели бакалавриата; у получивших подготовку по математике, ИТ-специальностям и инженерному делу, нежели по направлениям гуманитарных, общественных наук и права [Выпускники высшего..., 2022: 20–28].

Заочники гораздо интенсивнее, чем очники, перераспределяют выбор от бакалавриата к специалитету. Если у очников при росте в 2016–2022 гг. числа принятых и на бакалавриат, и на специалитет соотношение между первыми и вторыми меняется не сильно: вместо 77 к 23% – 75 к 25%, то у заочников движение иное. Сокращение вдвое числа

¹⁰ Подробнее о степени социально-профессиональной конвертации диплома ВО разными группами заочников см.: [Чередниченко и др., 2020: 123–129].

¹¹ Отмена заочного образования // Радио Свобода. 2016. URL: <https://www.svoboda.org/a/27856022.html> (дата обращения: 23.06.2018).

принятых на бакалавриат и рост в 1,4 раза приема на специалитет изменяет соотношение между ними с 93 к 7 на 83 к 17%.

Симптоматично изменяется у заочников выбор относительно сочетания показателей: бакалавриат/специалитет и бюджетные/платные учебные места. Спад числа желающих учиться на бакалавриате на бюджетных местах – на 25%, а на платных – на 56% ведет к уменьшению доли согласных оплачивать такую подготовку: с 80,8 до 71,6%. Общий рост предпочтения программ специалитета идет на фоне снижения численности приема на бюджетные места (–5,5%) и увеличения на платные (+52,3%), т.е. оплачивать более рентабельные программы заочного обучения согласна большая доля поступающих: не 75,8, а 83,5%. За тот же период в приеме на заочное обучение бакалавриата растет доля желающих получить востребуемые профессии (IT-специалистов: 3,2 / 9,1%; инженеров: 18,2 / 28,9%), с «гарантией занятости» (педагогов: 18,2 / 26,8%) и падает по направлению «право» (18,0 / 11,2%). Кардинальное сокращение по самому девальвированному направлению «экономика, управление» (28,4 / 1,2%) было компенсировано увеличением приема на очно-заочное отделение (численность первого сократилась с 97,7 тыс. до 2 тыс. чел., а второго возросла с 4 тыс. до 55 тыс. чел.).

Таким образом, вывод исследователей: «Поскольку дифференциация послешкольных траекторий во многом продиктована различиями в социально-экономическом статусе семей, изменение материального положения домохозяйств выступает важным внешним фактором для принятия решения и взвешивания баланса издержек и потенциальных выгод ... на услуги СПО и высшего образования» [Мальцева, Шабалин, 2021: 33] – оказывается недостаточным. Малоресурсные группы переключаются от тех программ обучения ВО, в которые они были ранее массово привлечены и допущены, поскольку те утратили свою рентабельность на рынке труда, и они переходят в СПО или переориентируются в заочном ВО в пользу дающих большую отдачу.

Разумеется, происходящие переориентации выбора молодежи стали возможны благодаря переменам в структурных элементах ВО и начала реализации Федерального проекта «Профессионалитет»¹², отвечающего, в частности, на запрос по массовым профессиям в области цифровой экономики по специальностям с нежесткой квалификационной иерархией.

Заключение. Основными процессами формирования двух после-школьных треков молодежи в последние 10–15 лет было усиление социального неравенства доступа к качеству высшего образования, которое происходило под воздействием институциональных трансформаций средней и высшей школы. Все большее социальное обособление академического трека (после окончания 11 класса) с доступом к очному обучению ВО для слоев, наделенных экономическими, социальными и культурными ресурсами, сопровождалось ростом с середины 2010-х гг. численности приема на очное обучение в высшей школе и сохранением охвата им более половины сверстников. Трек с исходной позицией после 9 класса, формируемый из молодежи массовых социальных групп и рабочего класса, расширился численно и по началу в виде комбинированного пути (транзит через СПО) обеспечивал большей части доступ преимущественно к заочному обучению в вузе; с середины 2010-х гг. шло сжатие комбинированного потока (выраженное в падении приема на заочное обучение ВО) и рост доли тех, кто поступает в СПО непосредственно за такой подготовкой (что свидетельствует о продолжении социального разобщения двух после-школьных треков).

Одним из факторов нынешней переориентации спроса от ВО к СПО части менее экономически и культурно обеспеченных (по происхождению) групп молодежи стало снижение или утрата функции «социального лифта» и экономической рентабельности тех направлений и программ обучения ВО (особенно заочной подготовки по «старым» специальностям сервисного сектора экономики), в которые они были ранее привлечены. Рост их спроса идет в отношении более рентабельных сегодня на рынке труда направлений подготовки:

¹² Федеральный проект «Профессионалитет». URL: https://edu.gov.ru/activity/main_activities/additional_vocational_education (дата обращения: 29.06.2023).

массовых специальностей сервисного сектора в области цифровой экономики с жесткой квалификационной иерархией – предоставляемых СПО, а также тех программ заочного обучения ВО, которые дают большую отдачу на рынке труда. Безусловно, наблюдаемое перераспределение выбора молодежи между ВО и СПО, а также внутри высшей школы шло на фоне перемен структурных элементов программ обучения ВО и развития сектора СПО в ходе реализации Федеральной программы «Профессионалитет».

Представленные результаты имеют свои ограничения, связанные с социологическим анализом на базе только «больших цифр» статистики и операционализации показателя качества ВО лишь сопоставлением очного и заочного обучения. За рамками остались важные вопросы различий типов и уровней вузов, региональной дифференциации доступа к ВО, небольшого перспективного сектора СПО, развивающегося в структурах высшей школы, и др. Вместе с тем в плане методологии социологических исследований образовательных траекторий молодежи представленный анализ на актуальных трендах подтверждает фундаментальную связь их формирования как с внешними факторами – развитием институтов образования, рынка труда, демографической ситуации, социально-экономическим бэкграундом – так и субъективными установками и действиями акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абанкина И., Белова Ю., Зиньковский К., Латыпова Е., Милованов А. Есть ли у педагогов альтернатива репетиторству для увеличения доходов? // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 8–32.
- Адамович К.А. Образовательные траектории российских учащихся после 9-го класса в 2000–2017 гг.: типы региональных ситуаций и предикторы различий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 116–142.
- Беляков С.Ф., Клячко Т.Л., Полушкина Е.А. Среднее профессиональное образование: состояние и прогноз развития. М.: РАНХиГС, 2018.
- Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: докл. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Демографический ежегодник России 2001. Стат. сб. М.: Госкомстат, 2001.
- Демографический ежегодник России 2015. Стат. сб. М.: Росстат, 2015.
- Дудырев Ф.Ф., Романова О.А., Шабалин А.И. Старшая школа и ее альтернативы в советской и российской практике. М.: НИУ ВШЭ, 2017.
- Индикаторы образования: 2022: стат. сб. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Ключарёв Г.А. «Проблема мелюзги», образовательные неравенства и эффективность вузов как социально-экономические индикаторы // Вестник Института социологии. 2013. № 6. URL: <http://www.vestnik.isras.ru/summary.html?jid=213>.
- Константиновский Д.Л., Попова Е.С. Новый характер образовательных и профессиональных траекторий молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 20 / Отв. ред. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф, 2022. С. 379–399.
- Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
- Мальцева В.А., Шабалин А.И. Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. № 2. 2021. С. 10–42.
- Образование и социальная дифференциация / отв. ред. М. Карной, И.Д. Фрумин, Н.Н. Кармаева. М.: НИУ ВШЭ, 2018.
- Основные стратегии выбора вуза и барьеры, ограничивающие доступ к высшему образованию. М.: НИУ ВШЭ. Информационный бюллетень. 2021. № 17. 48 с.
- Прахов И.А. Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ // Вопросы образования. 2014. № 3. С. 74–99.
- Региональная дифференциация доступности высшего образования в России. М.: НИУ ВШЭ. Серия Современная аналитика образования. 2020. № 13 (43). 68 с.
- Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. Докл. М.: ВШЭ, 2017. URL: https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/03/Doklad_trud.pdf.
- Рощина Я.М. Чьи дети учатся в российских элитных вузах // Вопросы образования. 2006. № 1. С. 347–369.

- Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17. № 4. С. 539–554.
- Чередниченко Г.А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодёжи (на материалах социологических исследований). М.: ЦСП и М. 2014.
- Чередниченко Г.А. Заочная форма получения высшего образования в сравнении с очной (на материалах статистики РФ) // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 254–282.
- Чередниченко Г.А., Вознесенская Е.Д., Кузнецов И.С. Заочник высшей школы: социальное поведение в сфере образования и на рынке труда / Отв. ред. Г.А. Чередниченко. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8499.

Статья поступила: 19.04.23. Финальная версия: 17.07.23. Принята к публикации: 18.08.23.

CHANGES IN YOUTH AFTER-SCHOOL TRAJECTORIES: SOCIAL DIFFERENTIATION

CHEREDNICHENKO G.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Galina A. CHEREDNICHENKO, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (galcher2211@gmail.com).

Abstract. Current trend in the after-school tracks of young people is analyzed – the redistribution of demand from universities to colleges – separately according to the forms of higher education (HE) and the social characteristics of consumers. It is shown that the decline in admission to universities is due to distance learning and does not affect full-time one. Institutional changes in secondary and higher education (strengthening of hierarchy and selectivity, introduction of the USE) continue to lead to the social consolidation of two tracks: giving access through the USE to full-time HE education and opening the way – through the transit of secondary vocational education (SVE) – to distance learning. Demand is switching from HE to SVE for part of the youth to the second track from HE programs and areas of study (mainly for the “old” service sector), which have lost the “social lift” function and profitability in the labor market in favor of current mass service professions, IT, etc., provided by SVE. At the same time, demand is changing in the direction of greater profitability of HE distance learning programs. In general, new features of social inequality in education are revealed.

Keywords: educational trajectories of young people, higher education, full-time and part-time forms of education, social inequality in education.

REFERENCES

- Abankina I., Belova Yu., Zinkovsky K., Latypova E., Milovanov A. (2022) Do teachers have an alternative to tutoring to increase their income? *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 4: 8–32. (In Russ.)
- Adamovich K.A. (2022) Educational trajectories of Russian students after grade 9 in 2000–2017: types of regional situations and predictors of differences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny* [Public opinion monitoring: economic and social changes]. No. 1: 116–142. (In Russ.)
- Belyakov S.F., Klyachko T.L., Polushkina E.A. (2018) *Secondary vocational education: state and development forecast*. Moscow: RANHiGS. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A. (2014) *Educational and Career Trajectories of Russian Youth (Based on Sociological Research)*. Moscow: CSPiM. (In Russ.)
- Cherednichenko G. (2018) Distance Learning as Compared to Full-Time Programs in Higher Education (based on Russia’s official statistics). *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 2: 254–282. (In Russ.)
- Cherednichenko G.A., Voznesenskaya E.D., Kuznetsov I.S. *Part-time student and graduates of higher education: social behavior in education and the labor market* (2020). Ed. G.A. Cherednichenko. Moscow: FCTAS RAS. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=8499. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of Russia 2001. Data Book*. (2001) Moscow: Goskomstat. (In Russ.)
- Demographic Yearbook of Russia 2015. Data Book*. (2015) Moscow: Rosstat. (In Russ.)

- Dudyrev F.F., Romanova O.A., Shabalin A.I. (2017) *Senior school and its alternatives in Soviet and Russian practice*. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)
- Education and social differentiation* (2018) Ed. by M. Karnoy. I.D. Frumin. N.N. Karmayeva. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)
- Higher education graduates in the Russian labor market: trends and challenges: report*. (2022) Moscow: NRU HSE.
- Indicators of Education in the Russian Federation: 2022. Data Book*. (2022) Moscow: NRU HSE. (In Russ.)
- Key university choice strategies and barriers to access to higher education*. (2021) M.: NRU HSE. *Information bulletin*. No. 17. (In Russ.)
- Khavenson T., Chirkina T. (2019) Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 17. No. 4: 539–554. (In Russ.)
- Kliucharev G. (2013) The Problem of “Small-Fry”, Education Inequalities and Efficiency of Universities as Indicators of Social-Economic Development. *Vestnik instituta sotziologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 6. URL.: <http://www.vestnik.isras.ru/summary.html?jid=213>. (In Russ.)
- Konstantinovskii D.L., Popova E.S. (2022) New character of educational and professional trajectories of youth. *Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik* [Reforming Russia: yearbook]. No. 20. Ed by M.K. Gorshkov. FCTAS RAS. Moscow: Novii Khronograf: 379–399. (In Russ.)
- Malinovskii S.S., Shibanova Ye.Yu. (2022) *Accessibility of higher education in Russia: how to turn expansion into equality*. Moscow: NRU HSE. (In Russ.)
- Maltseva V.A., Shabalin A.I. (2021) A Non-detour maneuver, or the Boom in demand for Secondary Vocational Education in Russia. *Voprosi obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 2: 10–42. (In Russ.)
- Prakhov I.A. (2014) Impact of investment in additional training on USE results. *Voprosi obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 3: 74–99. (In Russ.)
- Regional differentiation of higher education accessibility in Russia*. (2020) Moscow: NRU HSE. *Series Modern Analytics of Education*. No.13 (43). (In Russ.)
- Roshchina Ya.M. (2006) Whose children study in Russian elite universities. *Voprosi obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. No. 1: 347–369.
- Russian labor market: trends, institutions, structural changes. Report*. (2017) Moscow: NRU HSE. (In Russ.)

Received: 19.04.2023. Final version: 17.07.2023. Accepted: 18.08.2023.

Я.В. ДИДКОВСКАЯ, Д.В. ТРЫНОВ, П.А. ЧИСТЯКОВ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗА СОЦИАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

ДИДКОВСКАЯ Яна Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий (l.v.didkovskaia@urfu.ru); ТРЫНОВ Дмитрий Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент той же кафедры (D.V.Trinov@urfu.ru); ЧИСТЯКОВ Павел Александрович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры вычислительной математики и компьютерных наук; младший научный сотрудник Института математики и механики УрО РАН (pavel.chistyakov@urfu.ru). Все – Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия.

Аннотация. Рассматривается влияние характеристик образа социального будущего студенческой молодежи на построение ею профессиональных стратегий. Образ социального будущего интерпретируется как система представлений, ценностных ориентаций и настроений молодых людей относительно перспектив развития социума и возможностей реализовать свой индивидуальный жизненный проект в нем. Выводы авторов опираются на анализ результатов последнего этапа социологического мониторинга «Студент-2020» (2020–2021 гг., квотно-гнездовая выборка; 13 вузов Екатеринбурга; N = 2000). Выявлено, что динамика профессиональных ценностей екатеринбургских студентов характеризуется некоторым усилением тренда утилитарности и прагматичности образа профессионального будущего. При помощи кластерного анализа выделено четыре типа профессиональных стратегий студентов: наиболее представленной является стратегия карьеры наемного работника, наименее – предпринимательская, распространены стратегии отложенного профессионального самоопределения и эскапизма. Показано, что социальный оптимизм в значительной степени способствует предпочтению профессиональной стратегии карьеры наемного работника и в определенной мере предпринимательской стратегии; социальный пессимизм и ожидание наступления негативных событий в будущем более всего способствуют формированию стратегии эскапизма.

Ключевые слова: профессиональные стратегии • студенческая молодежь • образ социального будущего • социальные ожидания

DOI: 10.31857/S013216250027778-8

Жизненные и профессиональные стратегии молодежи всегда находились в фокусе исследовательского интереса отечественных социологов, что вызвано высокими объяснительными возможностями данного конструкта, позволяющего выявлять реальные поведенческие аспекты индивидов и социальных групп. В отечественных и зарубежных исследованиях подчеркивается влияние различных социокультурных детерминант на стратегическое поведение индивидов и групп и конкретно на профессиональные стратегии молодежи [Зубок, Чупров, 2020; Шаповалова, Кисиленко, 2018; Vautero et al., 2021; Buhl et al., 2018; Lendák-Kabók, 2021; Korkmaz, Önder, 2019]. На наш взгляд, одна из таких социокультурных детерминант – образ социального будущего молодежи – может выступать определенным мотивационным контекстом, в котором формируются ее поведенческие стратегии [Дидковская и др., 2020]. Статья решает задачу поиска связи между

Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 23-28-00603, <https://rscf.ru/project/23-28-00603/>. Авторы выражают благодарность профессору Юрию Рудольфовичу Вишневному, руководителю мониторинга «Студент-2020», данные которого были использованы в статье, за помощь и консультирование в процессе написания статьи.

выбором индивидуальных и групповых стратегий поведения молодежи, с одной стороны, и ее представлениями о перспективах социального развития – с другой.

Теоретико-методологические подходы к исследованию. В основе нашего анализа лежат два базовых концепта – «образ социального будущего» и «профессиональные стратегии», при этом первый из них обозначает комплексное явление, которое, согласно нашей гипотезе, лежит в основе формирования второго – профессиональных стратегий.

В социологической литературе сложилось достаточно устойчивое понимание профессиональных стратегий как разновидности жизненных стратегий, охватывающих сферу труда, профессий и образования и отражающих субъектность молодежи в проектировании собственных индивидуальных социально-профессиональных и образовательных траекторий. В российской социологии в качестве важнейших характеристик стратегического поведения индивидов выступают, во-первых, целеполагание – сознательное построение системы долгосрочных жизненных целей и притязаний, а во-вторых, планирование – представление о возможных способах их реализации [Абульханова-Славская, 1991; Резник, Смирнов, 2000]. Кроме того, исследователи отмечают аксиологический характер жизненных и профессиональных стратегий. В частности, Ю.А. Зубок указывает на их связь с механизмом саморегуляции жизнедеятельности молодежи – стратегии определяют способы конструирования молодыми людьми собственной жизни на основе обусловленных культурой смысловых ценностей и закрепленных в них жизненных позициях [Зубок, Чупров, 2020].

В западной социологии наиболее близким к исследованию жизненных и профессиональных стратегий молодежи является направление изучения профессиональных и образовательных траекторий, базирующееся на концепциях «жизненного пути» (life course) и «жизненного перехода» (life transition) [Elder, 1985; Clausen, 1993; Evans, Furlong, 1997; Bovenberg, 2008]. Однако, с нашей точки зрения, концепции перехода и жизненного пути в современной западной социологии далеко не тождественны пониманию жизненных и профессиональных стратегий личности, сложившемуся в российской социологии молодежи. Сопоставляя данный подход с изучением профессиональных стратегий, мы видим, что концепт профессиональных и образовательных траекторий позволяет скорее фиксировать ключевые жизненные события (transition markers) под влиянием различных социокультурных и институциональных детерминант, выделять фазы или стадии процесса перехода от подростковости к взрослой жизни. Если же мы используем понятие профессиональных, либо жизненных или иных стратегий, то исследовательский акцент ставится уже не на фактическое перемещение и продвижение молодых людей в пространстве социальных позиций, а на интенции и ориентации молодежи относительно желаемых или возможных статусов и ролей, направленные в ее ближайшее или отдаленное будущее – профессиональное, социальное, личностное. С этой точки зрения стратегия индивида представляет собой субъективное проектирование событий своей будущей профессиональной или личной жизни, которое может меняться, пересматриваться по мере своей реализации.

Таким образом, профессиональные стратегии молодежи представляют собой широкий набор личностных диспозиций молодых людей, регулирующий как выбор конкретных значимых целей профессиональной жизни и способов их достижения, так и поиск возможного направления своей профессиональной траектории в целом. Операционализировать профессиональные стратегии в таком случае целесообразно через следующие параметры: во-первых, наличие или отсутствие профессионально значимой цели, во-вторых, наличие или отсутствие сформированных в той или иной степени профессиональных и образовательных планов на ближайшее будущее, их содержательную направленность; в-третьих, ценности будущей работы, которые придают смысловую определенность целям и планам молодежи.

Второй концепт, на котором мы базируем исследование, – образ социального будущего, – не обладает такой терминологической разработанностью и устойчивостью, хотя в последние годы активно используется в дискурсе общественных наук. Чтобы определить собственную методологическую позицию в изучении феномена образа будущего

молодежи и его роли в формировании профессиональных стратегий, мы попытались систематизировать теоретический, методологический и эмпирический поиск, ведущийся в проблемном поле исследований будущего.

Наиболее давнюю исследовательскую традицию имеет подход к анализу будущего в рамках футурологических концепций и социальных прогнозов. Он основан на известных социальных и экономических теориях развития общества – теории постиндустриального, информационного общества, концепциях модернизации и позднее – концепциях общества риска, текучего модерна и др. Черты будущего предстают как следствие или продолжение тенденций, наблюдаемых уже в настоящем – виртуализации реальности [Кастельс, 2016], цифровизации экономики [Валлерстайн и др., 2015; Frey, 2017], индивидуализации ценностей [Инглхарт, Вельцель, 2011], старения населения и социально-демографических сдвигов [Стендинг, 2014], роста социального неравенства [Пикетти, 2016] и т.д. Однако футурологические исследования не показывают субъективного отражения этих трендов в сознании людей, что, по идее, предполагает концепт «образ социального будущего».

Конструирование образов желаемого или идеального будущего властными элитами и их анализ характерны именно для российского обществознания, в том числе для российской социологии. Это направление первоначально формируется как реакция политиков, идеологов и обществоведов на ситуацию аномии вследствие девальвации коммунистических идей на рубеже 1980–1990-х гг. и до сих пор поддерживается в безрезультатных попытках сформировать и «продвигать в массы» некую объединяющую национальную идею, основанную на определенных ценностях и постулатах. Большинство исследований в рамках данного направления сводится к эмпирическим изысканиям видения различными группами элит либо молодежью желаемого образа будущего для России [Бочко, 2019; Мchedлова, 2019], однако какие-либо теоретические научные концепции, лежащие в основе подобных исследований, обнаружить достаточно трудно.

Микросоциологический подход к образу будущего предполагает исследование отдельных его компонентов или представлений, складывающихся в сознании индивидов и социальных групп. Исследователи предлагают «собрать образ будущего снизу» [Карачаровский, 2019] и фиксируют диспозиции, имеющие отношение к проектированию индивидуального будущего – жизненные цели, социальные ожидания и настроения, жизненные стратегии и планы [Зубок, 2020; Карачаровский, 2019; Caliskan et al., 2015; Kasser, 2016; Martos, 2012]. Важно, что в основе подобного подхода лежит следующий принцип: вектор реальных общественных изменений сопряжен с изменениями в ценностных установках и ориентациях людей и выражается в их жизненных планах и стратегиях [Карачаровский, 2019]. Развивая этот тезис, мы полагаем, что проектирование индивидуальной жизненной траектории невозможно вне представлений людей о социуме и векторах его возможных изменений, а также вне соизмерения этих векторов с представлением об общественном идеале, поскольку оценка возможностей улучшить свое благосостояние, в том числе через профессию и труд, для человека всегда сопряжена с более широкой оценкой экономических, политических, социальных условий его жизнедеятельности.

Внимание ученых к образу социального будущего как некоторой интегрированной системе представлений людей об общественной перспективе и своем месте в ней сформировалось в русле идей нидерландского социолога Ф. Полака. Он акцентирует внимание на образности как основной черте данного феномена, то есть подчеркивает значимость субъективного восприятия событий будущего, но, с другой стороны, выделяет связь между ведущими образами будущего и изменениями в социальной реальности [Polak, 1973]. Важным для нас моментом в его концепции является выделение в качестве составляющих образа будущего не только совокупности неких представлений людей о будущем – наборе определенных ожиданий, но и эмоциональной и ценностной компонент. Прежде всего формирование образа будущего связано с распространенными в обществе ценностями и нравственными ориентирами, которые формируют социальные идеалы, разделяемые социальной группой или индивидом. Эмоциональная компонента заключается в особом

психическом настрое общества по отношению к перспективам его развития – оптимизме и пессимизме [Polak, 1973].

Базируясь на концепции Полака, а также используя ряд положений представленных выше теоретико-методологических подходов к образу социального будущего, мы сформулировали методологические принципы своего исследования.

Во-первых, формирование этого образа происходит на основе доминирующих ценностных ориентаций действующих субъектов – индивидов, социальных групп, населения в целом, политических и экономических элит, научного сообщества, которые аккумулируются в таком его ключевом компоненте, как социальные идеалы или «образ желаемого социального будущего».

Во-вторых, образ будущего существует не только как комплекс идеологических построений и политических программ, транслируемый «сверху», от элиты массам; его носителями являются и другие социальные субъекты – индивиды и группы. Возможно, не всегда четко сформированный, он присутствует в повседневной жизни людей, как правило, увязываясь с такими сторонами, как жизненные планы и профессиональные стратегии.

В-третьих, образ социального будущего имеет комплексный характер, поскольку, помимо рациональных представлений о вероятных социальных изменениях и возможных событиях, он включает в себя эмоциональную и поведенческую компоненты. Эмоциональная заряженность образа будущего выражается в социальных настроениях людей – оптимизме и пессимизме – относительно будущего социума и перспектив улучшить свое положение в нем. Поведенческая компонента связана с трансфером ценностных установок и ориентаций индивидов и групп, лежащих в основе образов будущего, в конкретные жизненные стратегии.

В-четвертых, комплексность феномена образа будущего проявляется и в функционировании его взаимосвязанных компонентов на макро- и микроуровнях социальной системы: на макроуровне образ желаемого социального идеала формулируется отчасти в противовес, отчасти в дополнение, развитие вероятного сценария будущего, на микроуровне – агрегируется из представлений людей о своем индивидуальном жизненном проекте (жизненных целях, стратегиях, планах, ожиданиях), возможностях его реализовать в конкретном социуме. При этом построение профессиональных стратегий является не чем иным, как проектированием образа своего профессионального будущего на микроуровне.

Опираясь на сформулированные методологические ориентиры, мы интерпретировали образ социального будущего молодежи как систему ее представлений, ценностных ориентаций и настроений относительно перспектив развития социума и возможностей реализовать свой индивидуальный жизненный проект в этом социуме.

Соответственно операционализация феномена образа будущего включала в себя индикаторы социальных идеалов – ориентации молодежи на эффективную рыночную экономику, равенство и справедливость, сильную государственную власть, достижение высокого жизненного уровня, традиции и опыт поколений, развитие высоких технологий, гуманистические ценности, права человека и демократию, общество, с которым считаются другие страны, толерантное общество; индикаторы социальных ожиданий – оценка молодыми людьми вероятности наступления позитивных и негативных событий в стране; в качестве показателя социальных настроений (оптимизм/ пессимизм) измерялась степень уверенности молодежи в завтрашнем дне.

Данные и методы анализа. Исследование основывается на данных последнего этапа социологического мониторинга «Студент-2020», реализованного под руководством Ю.Р. Вишневого и при активном участии авторов статьи. Методом анкетирования были опрошены студенты третьего курса, обучающиеся по программам бакалавриата в 13 вузах Екатеринбурга ($N=2000$; опрос проводился на платформе Google Form, всего было заполнено 2300 анкет и потом случайным образом из них отобраны 2000). Использована квотно-гнездовая выборка: в качестве гнезд рассматривались вузы, а в качестве квотных

признаков выступили пол и профиль обучения респондентов (гуманитарный, социально-экономический, естественнонаучный, инженерный).

Для выявления специфики актуального среза профессиональных стратегий студенческой молодежи и понимания динамики явления данные, полученные в 2020–2021 гг., сопоставлялись с результатами предшествующих этапов мониторинга начиная с 1995 г. Часть вопросов, касающихся образа социального будущего, введена лишь на последнем этапе и соответственно использовалась нами для проверки гипотезы о зависимости между выработкой профессиональных стратегий и целостным образом социального будущего страны, сложившимся в сознании студентов. Обработка и анализ данных осуществлялись при помощи пакета SPSS Statistics. Чтобы типологизировать профессиональные стратегии студентов, мы прибегли к процедуре кластерного анализа. Для отбора типологических признаков мы опирались на проведенную операционализацию нашего теоретического конструкта «профессиональные стратегии студентов», в результате которой в качестве основных составляющих профессиональных стратегий рассматривались наличие отдаленной профессиональной значимой цели, ценности будущей работы и направленность профессиональных планов на ближайшие годы после окончания вуза (всего 23 переменные). Часть номинальных переменных были перекодированы в условно количественные, причем было проведено масштабирование измерительной шкалы для выравнивания влияния значений параметров на конечные центры кластеров. Предварительно мы использовали факторный анализ для отсеивания из процедуры кластеризации коррелирующих друг с другом признаков. Факторный анализ позволил сократить число переменных классификации стратегий до 15: наличие отдаленной профессиональной цели, значимость карьеры в будущей работе, значимость ценности саморазвития, значимость условий труда, ценность профессионального признания, значимость дохода, значимость престижа работы, возможность раскрыть свои способности, намерение работать по специальности после окончания вуза, намерение работать не по специальности, ориентация на продолжение образования, намерение открыть свое дело и заняться предпринимательством, намерение уехать работать или учиться за границу, намерение уйти во фриланс, отсутствие планов на ближайшее будущее. Методом иерархической кластеризации была построена дендрограмма, по которой по правилу «отрезания ветвей» было принято решение об оптимальном количестве кластеров, равном четырем. Затем методом k-means было уточнено четыре кластера стратегий¹.

Далее типологические синдромы интерпретировались с помощью дискриминации кластеров по признакам, не участвовавшим в процедуре кластеризации, но, согласно гипотезе исследования, образующим социокультурный контекст, в котором происходит выбор и формирование профессиональных стратегий студенчества – переменным, характеризующим образ социального будущего студентов. Набор переменных, отображающий основные компоненты образа будущего (социальные идеалы, ожидания и настроения), был также предварительно подвергнут факторному анализу, что позволило оставить лишь независимые друг от друга переменные, которые и участвовали в дискриминантном анализе. Отбор наиболее информативных дискриминантных переменных по величине коэффицентов канонической корреляции определил дальнейший содержательный анализ связи конкретных характеристик образа социального будущего студентов с типами профессиональных стратегий при помощи процедур корреляционного анализа.

Характеристика образа будущего студенческой молодежи. Согласно результатам нашего исследования образ «желаемого социального будущего» студенческой молодежи смещен к спектру ценностей, которые в политологическом дискурсе условно маркируются как ценности либеральных западных демократий, при этом доминирующей терминальной

¹ Кроме того, при выборе метода кластеризации мы отталкивались от наилучшей возможности интерпретации выделенных классов как социальных типов, наполненности кластеров и степени их однородности по классифицируемым признакам.

Рис. 1. Социальные идеалы студентов Екатеринбурга, % от ответивших

ценностью социального будущего выступает несомненный приоритет высокого жизненного уровня, экономического благополучия (рис. 1). Установка на этатизм не находит большой поддержки среди респондентов. Причем это касается как ориентира усиления роли государства внутри страны (15%), так и во внешней политике («государство, с которым считаются другие страны» – 20%). Зачастую противопоставляемые западным ценностям в российском общественном дискурсе консервативные ценности не находят большого сочувствия у опрошенных студентов: лишь 11,8% респондентов указали «общество, где высоко ценят традиции, опыт поколений» как цель общественного развития.

Приоритеты общественного развития студенчества практически не варьируют в зависимости от профиля обучения в вузе (согласно коэффициенту Крамера различия статистически не значимы), однако имеют некоторую гендерную специфику: толерантность и уважение к правам меньшинств, социальная справедливость и высокий жизненный уровень имеют большее значение для девушек, нежели для юношей; эффективная рыночная экономика и развитие высоких технологий важнее для юношей, чем девушек (рис. 1).

Анализируя полученный образ «вероятного социального будущего» студенчества, прежде всего отметим его несколько противоречивый характер в плане сопоставления общей эмоциональной оценки (уверенности в завтрашнем дне) и оценок конкретных наиболее вероятных по мнению респондентов изменений. В эмоциональных оценках студентов преобладают настроения «умеренного оптимизма», при этом наиболее уверены в будущем студенты, получающие образование по социальным наукам, а наименее – студенты математического и естественнонаучного профиля; юноши чаще, чем девушки, дают крайние оценки в сторону как оптимизма, так и пессимизма (табл. 1).

Однако при оценке степени вероятности наступления конкретных событий и возможных изменений в стране в ожиданиях респондентов наблюдается однозначное преобладание негативных сценариев будущего (рис. 2). Среди наиболее существенных рисков студенты отмечают как социально-экономические – рост цен, инфляцию, снижение жизненного уровня, ухудшение экологии, так и политические – беспорядки, протесты, митинги в стране, ухудшение отношений с другими странами.

Обращает на себя внимание тот факт, что ни одно из позитивных событий не рассматривается респондентами как более или менее вероятное. Наименее возможным

Таблица 1

Степень уверенности студентов в завтрашнем дне (% от ответивших, по столбцу)

Ответы на вопрос: «Чувствуете ли вы уверенность в завтрашнем дне?»	Профиль подготовки в вузе				Пол	
	гуманитарные науки и искусство	социальные науки	математические и естественные науки	технические науки	мужской	женский
Да	17	22	14	19	25	15
Скорее да, чем нет	41	45	30	44	38	45
Скорее нет, чем да	22	17	27	14	14	21
Нет	13	7	19	14	14	11
Затрудняюсь ответить	7	8	11	10	9	9

сценарием видится улучшение ситуации за счет проведения эффективных социальных и экономических реформ (всего 4%). Развитие наукоемких отраслей экономики, создание рабочих мест предполагает менее пятой части респондентов. Немаловажно, что зафиксированные нами социальные ожидания являются определенной проекцией негативных оценок текущего состояния общества, его основных сфер сообразно своим убеждениям (см. рис. 1), поскольку представления о будущем во многом базируются на оценке настоящего.

Рис. 2. Социальные ожидания студентов, % от ответивших

Итак, образ вероятного социального будущего уральских студентов несет в себе явное противоречие: чувство оптимизма, присущее молодежи, приходит в конфликт с ожиданиями, связанными с социальными перспективами. Значительное отрицательное напряжение в отношении социального будущего воздействует на настроения и формирование проактивных жизненных и профессиональных стратегий молодежи.

Динамика и типы профессиональных стратегий студентов. Ключевым элементом, вокруг которого выстраиваются профессиональные стратегии студентов, являются их представления об отдаленных профессиональных и жизненных целях. Согласно результатам исследования, какую-либо отдаленную (более 5 лет) профессиональную цель имеют около 40% студентов, более четверти (26%) таковой не имеют и еще 34% затруднились с ответом, то есть у большинства имеются трудности в определении стратегической профессиональной цели.

Если характеризовать содержательные приоритеты, на основе которых они пытаются выстроить свою профессиональную траекторию, то имеет смысл обратиться к анализу их значимых ценностей будущей работы. Поскольку вопрос о ценностях будущей работы входил в инструментарий буквально с первого этапа нашего мониторинга, то мы имеем возможность анализировать не только спектр профессиональных ценностей студентов, измеренных в 2020–2021 гг., но и зафиксировать их динамику с 1995 г. (табл. 2).

Важное изменение в восприятии своей будущей работы, на котором следует сделать акцент, состоит в том, что за период мониторинга произошло смещение с коллективистских ценностей на ценности индивидуалистические и прагматические. В частности, это выражается в серьезном снижении значимости возможности работать в хорошем коллективе (с 50 до 28%) при сохранении возросшей с 1995 г. значимости карьерного продвижения и дохода. Кроме того, возможность занимать высокие посты и должности становится более значимой для студентов (с 17% в 1999 г. до 26% в 2020–2021 г.), а значимость связи работы с новейшими технологиями, напротив, снижается с 20 до 10%. Несмотря на то что ориентации студентов на возможности реализовать свой потенциал и самостоятельность несколько усилились в 2020 г., творческий характер работы оказался важен сегодня лишь

Таблица 2

Динамика ценностей будущей работы с 1995 по 2020 г. (% от ответивших)

Приоритеты будущей профессиональной деятельности	1995	1999	2003	2007	2009–2010	2012	2016	2020–2021
Возможность получать высокий доход	52	77	80	65	58	56	59	63
Возможность построить карьеру	36	47	48	41	36	51	51	48
Возможность реализовать свой потенциал	34	32	35	31	30	30	28	40
Возможность принести пользу людям	36	32	22	25	28	27	27	34
Творческий, интересный характер работы	62	56	60	51	49	30	24	31
Возможность достичь профессионального признания	–	34	36	30	33	25	26	30
Самостоятельность, независимость	29	36	30	19	16	20	15	30
Возможность работать в хорошем коллективе	55	51	53	38	33	29	23	28
Возможность занять высокий пост, должность	–	17	15	14	17	24	22	26
Соответствие работы моим способностям, знаниям, умениям	48	46	38	40	36	18	13	20
Стабильность занятости	–	–	–	–	–	–	8	19
Высокий престиж профессии	–	18	18	17	20	19	17	15
Связь работы с новейшими технологиями	–	20	15	15	14	8	5	10

для 31% студентов, это практически вдвое ниже, чем в 1995–2007 гг., когда доля респондентов, разделяющих эту ценность, варьировала в пределах 51–62%. Отметим, что к последнему этапу мониторинга (с 2016 по 2020 г.) возросла значимость стабильности занятости, возможно, это связано с обострением рисков потери работы и снижения доходов в ситуации пандемии и локдауна.

В целом динамику ценностных ориентаций студентов относительно своей будущей работы можно охарактеризовать как формирование с 1995 по 1999 г. и затем сохранение, отчасти даже усиление к 2020–2021 гг. тренда на утилитарность и прагматичность образа профессионального будущего. Мы видим, что не происходит роста, скорее можно отметить определенное снижение значимости приоритетов, связанных с самореализацией в профессии, творчеством, с ориентацией на свои способности, знания и умения. С 1999 г. сохраняется сконцентрированность на возможности получать высокие доходы и карьерном продвижении.

Стратегические профессиональные цели и ценности будущей работы конкретизируются за счет выработки профессиональных планов относительно более обозримого горизонта событий – в течение 3–5 лет после окончания вуза.

Среди наиболее значимых трендов, которые можно указать, опираясь на полученные данные о динамике планов студенческой молодежи, мы можем отметить, во-первых, стабильное доминирование в профессиональных планах студенчества ориентации на работу по специальности на уровне 40% после ее резкого сокращения в период «рыночных реформ» девяностых годов с 66% в 1995 г. до 46% в 1999 г.; во-вторых, снижение оптимизма с начала нулевых вплоть до последнего этапа мониторинга относительно перспектив открытия своего дела: если в 1990-е годы планы начать свой бизнес в противовес работе по найму были достаточно популярны среди студентов – почти 30% респондентов планировали заняться предпринимательством после окончания вуза, то с 2007 г. доля желающих открыть свое дело неуклонно снижалась и к 2020 г. составила только 12% (табл. 3).

Дальнейший анализ видения своей профессиональной перспективы студентами был направлен на поиск социально типичного в построении ими профессиональных стратегий.

В результате кластерного анализа мы выявили четыре типа профессиональных стратегий.

Кластер 1. *Стратегия карьеры наемного работника.* Наиболее многочисленный кластер (796 респондентов) представляет собой «мейнстрим» профессиональных стратегий. Студенты, отнесенные к данному кластеру, нацелены на карьеру в организации, в их

Таблица 3

Динамика профессиональных планов студентов (% от ответивших)

Профессиональные планы	1995	1999	2003	2007	2009	2012	2016	2020–2021
Работать по специальности	66	46	48	42	44	43	34	40
Работать не по специальности	13	12	12	10	10	6	6	5
Продолжить образование (магистратура, второе высшее)	11	13	23	11	10	9	21	20
Учиться в аспирантуре, заниматься наукой	5	2	5	3	3	1	1	1
Основать свой бизнес, заняться предпринимательством	24	17	29	19	16	14	14	12
Посвятить себя дому, семье, не работать	14	3	8	3	4	3	1	1
Поехать за границу работать или учиться	16	9	15	7	7	9	6	8
Работать фрилансером (самостоятельный поиск и реализация проектов)	–	–	–	–	–	–	1	6
Нет планов на будущее	11	11	18	15	14	7	8	8

профессиональных планах – работа по специальности, то есть они доверяют своему выбору профиля образования. Возможность сделать карьеру в будущей работе ценят выше, чем респонденты в других кластерах, возможность получать доход, напротив, для них несколько менее важна.

Кластер 2. Предпринимательская стратегия. Самый малочисленный кластер ($N = 370$). Их стратегия отличается наибольшей целенаправленностью. В сравнении с остальными группами практически всегда имеют перед собой какую-либо цель, реализуемую в профессиональной сфере. Значимой профессиональной ценностью является доход: возможности достижения высокого уровня дохода благодаря будущей работе наиболее важны именно в этой группе. После окончания вуза студенты планируют открыть свое дело, заниматься предпринимательством либо уйти во фриланс. Поскольку они не ориентируются на работу в какой-либо организации, а нацелены на самозанятость, то и специфически воспринимают будущую работу – для них практически не важны условия труда, или будет ли она соответствовать их способностям, знаниям и умениям.

Кластер 3. Стратегия отложенного профессионального самоопределения. Респонденты данной группы ($N = 416$) не планируют переходить к работе после окончания вуза, в их планах – либо продолжить образование в магистратуре, либо получить второе высшее образование. При этом группа характеризуется «размытостью» ценностей, значимых в будущей работе, здесь трудно выявить какую-либо интегрирующую ценностную доминанту – ее нет, спектр выбираемых ценностей достаточно широк.

Кластер 4. Стратегия эскапизма. Основная особенность этой группы студентов ($N = 416$) – отсутствие отдаленной профессиональной цели – ни на учебу, ни на какие-либо варианты работы – и соответственно планов по ее реализации. Возможно, данная стратегия как раз и является воплощением дезориентированности молодежи в ситуации неопределенности и роста рискогенности среды. Интересно, что выраженной ценностной доминанты здесь не наблюдается, но, например, построение карьеры и профессиональное признание для них наименее значимы в сравнении с другими кластерами.

Влияние образа будущего на формирование стратегий. Для оценки влияния составляющих образа будущего на выбор профессиональных стратегий мы задействовали результаты дискриминантного анализа, который позволил выявить переменные, вносящие наибольший вклад в разбиение респондентов по типам профессиональных стратегий. Были отобраны переменные с наибольшими значениями коэффициентов стандартизованной канонической дискриминантной функции: степень уверенности в завтрашнем дне, значимость демократии и прав человека, значимость гуманистических ценностей, уровень оценки рискогенности будущего² (социальные фобии).

Мы видим, что настроение оптимизма относительно социального будущего – уверенность в завтрашнем дне – хорошо дифференцирует все четыре кластера стратегий между собой: высокая степень оптимизма преимущественно способствует предпочтению привычной традиционной профессиональной стратегии карьеры наемного работника, либо в определенной мере способствует выбору предпринимательской стратегии (табл. 4). Наименьшим социальным оптимизмом отличаются эскаписты. Студенты, затрудняющиеся определить свое отношение к будущему, чаще придерживаются стратегии отложенного самоопределения.

Среди социальных идеалов, вносящих вклад в разделение респондентов по кластерам профессиональных стратегий, наибольшее значение имеют ценность демократии и прав человека и гуманистические ценности, в связи с чем их влияние на стратегии

² Уровень рискогенности, или социальные фобии, респондентов представляет собой вторичную переменную, которая была построена на основе оценок респондентами вероятности наступления негативных событий в будущем и кодировалась следующим образом: низкий уровень (0 баллов) – респондент не отмечал ни одного негативного события в будущем как вероятного; ниже среднего (1 балл) – респондент выбирал одно негативное событие; средний уровень (2 балла) респондент выбирал 2 негативных события; выше среднего (3 балла) – респондент указывал 3 негативных события; высокий уровень (4 балла) – респондент указывал все 4 негативных события как вероятные.

Таблица 4

Выбор профессиональной стратегии в зависимости от степени уверенности в завтрашнем дне, % (V Крамера 0,123 при уровне значимости $p = 0,000$)

Типы стратегий	Уверенность в завтрашнем дне				
	нет	скорее нет	затрудняюсь ответить	скорее да	да
Стратегия карьеры наемного работника (кластер 1)	30	33	33	43	48
Предпринимательская стратегия (кластер 2)	14	20	16	19	21
Стратегия отложенного профессионального самоопределения (кластер 3)	18	23	25	20	21
Стратегия эскапизма (кластер 4)	38	25	26	18	10

Таблица 5

Выбор профессиональной стратегии в зависимости от социальных идеалов респондентов (характеристик желаемого будущего) (%)

Типы стратегий	Демократия, права человека (V Крамера 0,105 при уровне значимости $p = 0,000$)		Гуманистические ценности (V Крамера 0,070 при уровне значимости $p = 0,003$)	
	не значимо	значимо	не значимо	значимо
Стратегия карьеры наемного работника (Кластер 1)	46	35	42	32
Предпринимательская стратегия (Кластер 2)	16	20	19	21
Стратегия отложенного профессионального самоопределения (Кластер 3)	20	22	20	21
Стратегия эскапизма (Кластер 4)	18	23	18	26
Итого:	100	100	100	100

студентов было подробнее представлено в табл. 5. Видно, что значимость и демократии, и гуманизма более всего дифференцирует первый и четвертый кластеры: выбор данных ценностей в качестве приоритетов общественного развития обуславливает формирование стратегии эскапизма, предполагающей отсутствие декларируемых целей и планов будущей профессиональной деятельности; напротив, отказ от этих ценностей способствует выбору стратегии карьеры наемного работника в организации. На выделение других двух типов стратегий – отложенное самоопределение и предпринимательство – эти ценности не оказывают такого заметного влияния.

Существенное влияние на выстраивание профессиональной стратегии имеет и ожидание наступления каких-либо негативных событий в будущем (уровень фобийных настроений относительно будущего). Оценка социального будущего как перспективы, сопряженной с многочисленными рисками, более всего способствует формированию стратегии эскапизма (табл. 6). В этом плане наше предположение о том, что данный тип стратегии – отказ молодежи планировать свою профессиональную траекторию, определять цели и планы по их достижению в профессиональной сфере – связан с их осознанием неопределенности будущего и возможных угроз, подтверждается и конкретизируется результатами дискриминантного и корреляционного анализа. Среди респондентов, не ожидающих наступления негативных событий, эскапистов только 12%, по мере увеличения уровня «фобийных» оценок общественной перспективы растет доля студентов с эскапистским типом стратегии, среди высоко оценивающих вероятность наступления негативных событий эскапистов уже 30%.

Таблица 6

Выбор профессиональной стратегии в зависимости от уровня оценки социальных рисков будущего (%), V Крамера 0,104 при уровне значимости $p = 0,000$

Типы стратегий	Уровень рискогенности будущего (социальные страхи)				
	низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
Стратегия карьеры наемного работника (Кластер 1)	51	42	39	35	20
Предпринимательская стратегия (Кластер 2)	17	24	18	19	31
Стратегия отложенного профессионального самоопределения (Кластер 3)	21	18	19	22	18
Стратегия эскапизма (Кластер 4)	12	16	24	25	30

Позитивная оценка вероятного будущего способствует построению наиболее распространенных стратегий работы по специальности по найму. Тогда как формирование предпринимательской стратегии испытывает довольно противоречивое влияние фактора оценки уровня рисков социальной перспективы. С одной стороны, среди респондентов с высоким уровнем «фобийности» доля студентов с предпринимательской стратегией составила более 30%, а среди респондентов с низким уровнем социальных страхов – только 17%. Казалось бы, так же как в случае с эскапистами, вероятность выбора предпринимательской стратегии повышается с ростом уровня социальных страхов. Однако, с другой стороны, имеется довольно существенная доля (24%) тех, кто, оценивая риски будущего ниже среднего, все же придерживается предпринимательской стратегии. Таким образом, респонденты из кластера предпринимательской стратегии могут как не ощущать особых рисков для будущего и поэтому выбирать данную стратегию, так и отдавать себе отчет в возможных рисках и вопреки этому ее выбирать, что вполне согласуется с распространенным представлением о предпринимательстве как сфере повышенного риска. В любом случае, эта зависимость нуждается в дальнейшем детальном изучении и проверке для более надежного объяснения.

Вывод. Как показало мониторинговое исследование профессиональных стратегий студентов Екатеринбурга, динамика профессиональных ценностей студентов характеризуется сохранением и даже некоторым усилением к 2020–2021 гг. тренда на утилитарность и прагматичность образа профессионального будущего. На протяжении мониторинга происходит снижение значимости приоритетов, связанных с самореализацией в профессии, творчеством, ориентации на свои способности, знания и умения, сохраняется доминирование ориентации на высокий уровень дохода и карьерное продвижение. Наиболее представленной является стратегия карьеры наемного работника, наименее – предпринимательская, существенно распространены стратегии отложенного профессионального самоопределения и эскапизм – отказ от постановки цели и разработки планов в будущей профессиональной деятельности.

Актуальный образ социального будущего студенческой молодежи характеризуется серьезным расхождением между притязаниями на высокий уровень экономического благосостояния, демократию, права человека, справедливое общество как желаемые доминанты общественной перспективы и комплексом негативных настроений и ожиданий снижения уровня жизни, инфляции и роста цен, усугубления экологических проблем, политических и социальных конфликтов. Это способствует предпочтению скорее адаптационных профессиональных стратегий – отложенному профессиональному самоопределению, эскапизму, – нежели стратегий развития и самореализации.

Найдены некоторые эмпирические подтверждения влияния ряда параметров образа будущего на формирование профессиональных стратегий екатеринбургских студентов. В частности, социальный оптимизм, измеренный нами как уверенность в завтрашнем дне,

способствует предпочтению профессиональной стратегии карьеры наемного работника, а также выбору предпринимательской стратегии. Низкий уровень социального оптимизма и ожидание наступления каких-либо негативных событий в будущем более всего способствует формированию стратегии эскапизма. Указанные в качестве результатов тревожные сигналы почти наверняка будут приводить к увеличению отчужденности молодого поколения при включении в более сложные социальные отношения и солидарности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
- Бочко В.С., Захарчук Е.А. Методология формирования образа будущего при разработке стратегии развития территории // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 4. С. 688–704. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.7.
- Валлерстайн И., Коллинз Р., Манн М. и др. Есть ли будущее у капитализма? М.: Ин-т Гайдара, 2015.
- Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Трынов Д.В. Студенчество индустриальных регионов России: социальное самочувствие и образ будущего (на примере Свердловской области и Пермского края) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 8–24. DOI: 10.15593/2224-9354/2020.1.1.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13–41.
- Инглхарт Р.Ф., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011.
- Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743-0.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: ВШЭ, 2016.
- Мchedлова М.М. Российская поликонфессиональность и солидарный образ будущего // Вестник ВолГУ. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». 2019. № 4 (24). С. 66–74.
- Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем, 2016.
- Резник Ю.М., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). М.: Ин-т человека РАН. Независимый институт гражданского общества, 2002.
- Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014.
- Шаповалова И.С., Кисиленко А.В. Духовно-нравственные выборы в жизненных стратегиях молодежи: опыт социологического исследования // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 6. С. 15–28.
- Bovenberg A.L. The Life-course Perspective and Social Policies: An Overview of the Issues // Cesifo Economic Studies. 2008. Vol. 54. No. 4: 593–641. DOI: 10.1093/cesifo/ifn029.
- Buhl H.M., Noack P., Kracke B. The Role of Parents and Peers in the Transition From University to Work Life // Journal of Career Development. 2018. Vol. 45. No. 6: 523–535. DOI: 10.1177/0894845317720728.
- Caliskan H., Sapmaz F., Uzunkol E. Value Preferences of University Students as Predictors of Life Goals // Social Indicators Research. 2015. Vol. 124. No. 1: 111–125. DOI: 10.1007/s11205-014-0778-4.
- Clausen J.A. American Lives. N.Y.: Free Press, 1993.
- Elder G.H., Jr. Perspectives on the Life Course // Elder G.H., Jr. (eds) Life Course Dynamics: trajectories and transitions, 1968–1980. Ithaca: Cornell University Press, 1985. P. 23–49.
- Evans K., Furlong A. Metaphors of Youth Transitions: Neches, Pathways, Trajectories or Navigations // Bynner J., Chisholm L., Furlong A. (eds) Youth, Citizenship and Social Change in a European Context. Aldershot: Ashgate, 1997. P. 17–41.
- Frey C., Osborne M. The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation? // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280.
- Kasser T. Materialistic Values and Goals // Annual Review of Psychology. 2016. Vol. 67. P. 489–514. DOI: 10.1146/annurev-psych-122414-033344.
- Korkmaz O., Önder F.C. The Relation Between Life Goals and Career Adapt-Abilities: An Investigation of the Mediating Role of Hope // Education and Science. 2019. Vol. 44. No. 200. P. 59–76.
- Lendák-Kabók K.A. Gender Perspective on Language, Ethnicity, and Otherness in the Serbian Higher Education System // Journal of Language, Identity & Education. 2021. No. 6. P. 1–15. DOI: 10.1080/15348458.2021.1920415.

Martos T., Kopp M.S. Life Goals and Well-Being: Does Financial Status Matter? Evidence from a Representative Hungarian Sample // *Social Indicators Research*. 2012. No. 105(3). P. 561–568. DOI:10.1007/s11205-011-9788-7.

Polak F. *The Image of the Future*. Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company, 1973.

Vautero J., Silva A.D., do Céu Taveira M. Family influence on undergraduates' career choice implementation // *International Journal for Educational and Vocational Guidance*. 2021. No. 8. P. 551–570. DOI: 10.1007/s10775-020-09453-0.

Статья поступила: 15.05.23. Принята к публикации: 10.08.23.

STUDENTS' PROFESSIONAL STRATEGIES IN THE CONTEXT OF THE IMAGE OF THE SOCIAL FUTURE

DIDKOVSKAYA Ya.V.*, TRYNOV D.V.*, CHISTYAKOV P.A.***

*Ural Federal University, Russia; **Institute of Mathematics and Mechanics of UB RAS, Russia

Yana V. DIDKOVSKAYA, Dr. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration (I.V. Didkovskaia@urfu.ru); Dmitriy V. TRYNOV, Cand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration (DV.Trynov@urfu.ru); Pavel A. CHISTYAKOV, Cand. Sci. (Physical and Math.), Assoc. Prof. of the Department of Computational Mathematics and Computer Science; Junior Researcher at the Institute of Mathematics and Mechanics of UB RAS (pavel.chistyakov@urfu.ru). All – Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia.

Acknowledgements. The article was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-00603, <https://rscf.ru/project/23-28-00603/>. The authors are grateful to Prof. Yu.R. Vishnevsky, head of monitoring "Student 2020".

Abstract. The article studies how characteristics of image of social future of students influence on their professional strategies. The image of the social future is interpreted as a system of ideas, values and attitudes of young people regarding the prospects for the development of society and opportunities to realize their individual life project in it. The authors' conclusions are based on the analysis of the results of the last stage of sociological monitoring «Student-2020» (quota-cluster sample; 13 universities of Yekaterinburg; N=2000). It is revealed that the dynamics of professional values of Yekaterinburg students is characterized by a slight strengthening of the trend towards utilitarianism and pragmatism of the image of the professional future by 2020–2021. By means of cluster analysis four types of professional strategies of students have been identified: the most represented among students of Yekaterinburg universities is the strategy of a career employee, the least – entrepreneurial, The procrastinated professional self-determination strategy and the escapism strategy are also common. The authors prove that social optimism greatly contributes to the preference of the employee's professional career strategy, as well as to some extent entrepreneurial strategy; Social pessimism and the expectation of future negative developments contribute most to the formation of an escapism strategy.

Keywords: professional strategies, student youth, image of the social future, social expectations.

REFERENCES

- Abulhanova-Slavskaya K.A. (1991) *Life strategy*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Bochko V.S., Zakharchuk E.A. (2019) *Methodology for Formation of "the Image of the Future" in Strategic Planning*. *Zhurnal ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory]. Vol. 16. No. 4: 688–704. (In Russ.)
- Bovenberg A.L. (2008) The life-course perspective and social policies: an overview of the issues. *Cesifo economic studies*. Vol. 54. No. 4: 593–641.
- Buhl H.M., Noack P., Kracke B. (2018) The role of parents and peers in the transition from university to work life. *Journal of career development*. Vol. 45. No. 6: 523–535.
- Caliskan H., Sapmaz F., Uzunkol E. (2015) Value preferences of university students as predictors of life goals. *Social indicators research*. Vol. 124. No. 1: 111–125.
- Clausen J.A. (1993) *American lives*. New York: Free Press.

- Didkovskaya Ya.V., Vishnevsky Yu.R., Trynov D.V. (2020) Students of industrial regions of Russia: social well-being and image of the future (the case of the Sverdlovsk region and the Perm krai). *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [PNRPU sociology and economics bulletin]. No. 1: 8–24.
- Elder G.H., Jr. (1985) Perspectives on the life course. In: Elder G.H., Jr. (eds) *Life course dynamics. trajectories and transitions, 1968–1980*. Ithaca: Cornell University Press: 23–49.
- Evans K., Furlong A. (1997) Metaphors of youth transitions: neches, pathways, trajectories or navigations. In: Bynner J., Chisholm L., Furlong A. (eds) *Youth, Citizenship and Social Change in a European Context*. Aldershot: Ashgate: 17–41.
- Frey C., Osborne M. (2017) The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation? *Technological forecasting and social change*. Vol. 114: 254–280.
- Inglehart R.F., Welzel K. (2011) *Modernization, cultural change and democracy*. Moscow: Novoe izdatelstvo. (In Russ.)
- Karacharovskiy V.V., Shkaratan O.I. (2019) Different goals of the same society. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 15–17. (In Russ.)
- Kasser T. (2016) Materialistic values and goals. *Annual review of psychology*. Vol. 67: 489–514.
- Kastels M. (2016) *The power of communication* Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Korkmaz O., Önder F.C. (2019) The relation between life goals and career adapt-abilities: an investigation of the mediating role of hope. *Education and science*. Vol. 44. No. 200: 59–76.
- Lendák-Kabók K.A. (2021) Gender perspective on language, ethnicity, and otherness in the Serbian higher education System. *Journal of language, identity & education*. No. 6: 1–15.
- Martos T., Kopp M.S. (2012) Life goals and well-Being: does financial status matter? Evidence from a representative Hungarian sample. *Social indicators research*. No. 105(3): 561–568.
- Mchedlova M.M. (2019) Russian polyconfessionality and a solidarity image of the future. *Vestnik VolGU. Ser. «Socialnye i gumanitarnye nauki»* [VolSU bulletin. Ser. “Social and Human Sciences”]. No. 4 (24): 66–74. (In Russ.)
- Piketti T. (2016) *Capital in the XXI century*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Polak F. (1973) *The Image of the future*. Amsterdam, London, New York: Elsevier Scientific Publishing Company.
- Reznik Y.M., Smirnov E.A. (2002) *Life strategies of a personality (experience of comprehensive analysis)*. Moscow: In-t cheloveka RAN. Nezavisimyy institut grazhdanskogo obshchestva. (In Russ.)
- Shapovalova I.S., Kisilenko A.B. (2018) Spiritual and moral choices in the life strategies of youth: experience of sociological research. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. No. 6: 15–28. (In Russ.)
- Standing G. (2014) *Precariat: a new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Vallerstajn I., Kollinz R., Mann M. et al. (2015) *Is there a future for capitalism*. Moscow: In-t Gajdara. (In Russ.)
- Vautero J., Silva A.D., do Céu Taveira M. (2021) Family influence on undergraduates' career choice implementation. *International journal for educational and vocational Guidance*. No. 8: 551–570.
- Zolotuhina-Abolina E.V., Ingerlejb M.B. (2020) The future is subjunctive. *Svobodnaya mysl* [Free thought]. No. 4 (1682): 166–177. (In Russ.)
- Zubok Yu.A., Chuprov V. (2020) Youth life strategies: implementation of expectations and social moods. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3: 13–41. (In Russ.)

Received: 15.05.23. Accepted: 10.08.23.

© 2023 г.

В.В. ЗЫРЯНОВ

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ В 2012–2022 гг. В РОССИИ: ТЕМАТИКА, ТРЕНДЫ, ПРОБЛЕМЫ

ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович – кандидат экономических наук, доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vvzyryanov@gmail.com).

Аннотация. Сведения об успешно защищённых за последние одиннадцать лет докторских диссертациях по социологии позволили провести статистический анализ: получить структурные характеристики и выявить тенденции, проявившиеся за этот период. Из 182 утверждённых диссертаций 117 подготовлены женщинами, число ежегодных защит сократилось с 30 в 2012 г. до восьми в 2022 г., наибольшее число защит (84) отмечено по специальности 22.00.04, меньше всего по специальности 22.00.05 – четыре. Защиты в этот период проходили в 40 диссертационных советах, больше всего в ННГУ им. Н.И. Лобачевского – 17, СПбГУ и БелГУ по 12. Впервые приведены данные о защитах докторских диссертаций в диссертационных советах, имеющих право самостоятельного присуждения учёных степеней. В шести из них защищено 14 диссертаций, среди которых шесть по специальности «Социология управления». Представлены сведения о кандидатских степенях соискателей докторской степени – в среднем ежегодно 75% из них имеют степень кандидата наук по социологическим или философским наукам. Выявлены временные промежутки между защитами кандидатской и докторской диссертаций. За исследуемые годы на одном полюсе диапазона состоялись четыре «сверххранние» защиты (4–5 лет) и 21 «сверхпоздняя» (21 год и более) – на другом. Среди тематических предпочтений диссертантов выделяются исследования различных социологических аспектов молодёжи – 17 диссертаций, экономической жизни общества – 15. В то время как проблематика социологии науки, социального неравенства и социологического образования оказались проигнорированы.

Ключевые слова: социология • докторская диссертация • диссертационный совет • научные специальности • защита диссертации • статистика защит

DOI: 10.31857/S013216250027779-9

Введение. Защиты докторских диссертаций в научном сообществе всегда воспринимались главным образом как подтверждение исследовательского уровня и научного статуса. Их темы рассматривались сквозь призму актуальности и масштабности поднимаемой проблемы. Кроме того, докторские диссертации обязательно пропускаются через фильтр теоретической основательности и практической направленности. Пристальное внимание к ним сопряжено также с ожиданиями будущей научной продуктивности авторов, более высокого уровня преподавательской квалификации, развитием или даже созданием научной школы, научного направления. В этой связи понятно, почему в российской научной социологической периодике практика обзоров защит докторских диссертаций поддерживается практически с момента перехода утверждения диссертаций ВАК СССР к ВАК РФ и др. бывших республик Советского Союза. Так, уже в 1994 г. Е.В. Рогальская [1994],

Таблица 1

Динамика защит докторских диссертаций по научным специальностям (2012–2022)

Год	Научные специальности							Всего
	22.00.01	22.00.03	22.00.04 /5.4.4*	22.00.05 /5.4.5*	22.00.06	22.00.08 /5.4.7*	14.02.05	
2012	–	2	17	–	3	8	–	30
2013	3	2	18	1	6	4	3	37
2014	1	1	12	–	–	3	1	18
2015	4	2	6	–	–	3	1	16
2016	2	1	6	–	2	7	–	18
2017	1	4	10	1	–	4	–	20
2018	4	–	2	1	1	1	–	9
2019	1	1	4	–	2	4	–	12
2020	–	1	2	–	1	3	–	7
2021	–	–	4	1	–	2	–	7
2022	2	–	3	–	–	3	–	8
Итого	18	14	84	4	15	42	5	182

Примечания. *22.00.01 – Теория, методология и история социологии; 22.00.03 – Экономическая социология и демография; 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 22.00.05 – Политическая социология; 22.00.06 – Социология культуры, духовной жизни и 22.00.08 – Социология управления. Новая номенклатура введена приказом Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118.

а в 1995 г. Ж.Т. Тощенко [1995] на страницах «Социологического журнала» опубликовали материалы о защитах докторских диссертаций в 1992–1994 гг. В дальнейшем такие ежегодные обзоры, авторами которых были Л.Н. Москвичев, А.Е. Крухмалев и В.Ф. Левичева, с 2000 г. регулярно выходили в «Социологических исследованиях». Там же С.Л. Прошановым [2011] были приведены количественные сведения о защитах и проведён анализ проблематики докторских диссертаций по социологии за 1990–2010 гг. В прошедшее десятилетие журнал лишь эпизодически публиковал материалы подобного характера. Кроме того, тематика докторских диссертаций этого периода фрагментарно освещалась на уровне работы отдельных диссертационных советов в других журналах [Верещагина, 2013; 2017; Осипова и др., 2016]. Кроме того, С.Л. Прошанов, уже с соавторами [Прошанов и др., 2020], продолжил обобщение информации о защитах докторских диссертаций по социологии, охватив теперь период с 1990 по 2019 г.

В предлагаемом материале на основе актуализированных списков защит докторских диссертаций за 2012–2022 гг. приводятся сводные данные¹, позволяющие выявить некоторые тенденции, сделать определённые обобщения и обнаружить проблемы. Следует оговорить, что источником информации служил прежде всего сайт ВАК². Кроме того, информация дополнялась и перепроверялась на сайтах организаций, в которых работают доктора социологических наук после получения ученой степени, а также на страницах авторов в eLIBRARY.RU.

Общие показатели защит. Итак, с 2012 по 2022 г. были успешно защищены 182 докторские диссертации. Женщин среди защищавшихся за весь анализируемый период было почти в два раза больше, чем мужчин: 117 и 65 соответственно. Причём это соотношение сформировалось по большей части за четыре года – 2012, 2014–2016, когда защитилось

¹ Мы сознательно оставили за пределами рассмотрения ситуации, связанные с отклонением диссертаций и снятием их с защиты, т.к. это заслуживает, на наш взгляд, специального предметного анализа.

² <https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>

60 женщин и 22 мужчины. Только в 2019 г. число защитившихся мужчин и женщин было одинаковым – по шесть, в остальные годы наблюдался чуть больший или меньший перевес женщин.

Динамика защит по годам и научным специальностям представлена в табл. 1. На рассматриваемом временном отрезке отчётливо выделяются три периода: 2012–2013 гг., когда число защит было 30 и более; 2014–2018 гг., где оно сократилось в среднем в два раза; и, наконец, последние пять лет, во время которых только в 2019 г. число защит было немногим больше 10.

Что касается распределения по научным специальностям, то здесь, как и в предыдущем десятилетии, наибольшее число соискателей (84) защищали диссертации по специальности 22.00.04, которая в новой рубрикации получила код 5.4.4. В отдельные годы их доля от защищённых по всем специальностям достигала половины (2017) и даже больше – 67% в 2014 г. Значительное число диссертаций (42) было подготовлено по специальности 22.00.08 (5.4.7). Меньше всего защит было отмечено по специальностям 14.02.05 – пять и 22.00.05 (5.4.5) – четыре.

Защиты проходили в 40 диссертационных советах. В том числе в 13 московских, трёх петербургских, восьми в волжских городах – Саратове (четыре совета), Волгограде (два совета), Нижнем Новгороде и Казани, а также в шести советах на юге европейской части России – в Ставрополе (два совета), Ростове-на-Дону, Краснодаре, Майкопе и Сочи. Среди других городов европейской части страны защиты проходили в пяти диссертационных советах – в Белгороде, Саранске, Пензе, Уфе и Орле. В Сибири докторские защищались в этот период в Новосибирске, Тюмени и Улан-Удэ. На Урале и на Дальнем Востоке работали два диссертационных совета – в Екатеринбурге и Хабаровске.

Обращает на себя внимание, что ровно половина всех диссертационных советов в этот период была сосредоточена всего в трёх городах России – Москве, Санкт-Петербурге и Саратове. Кроме того, в системе РАН докторские диссертации защищались в трех советах: ИСПИ РАН (9), ИС РАН (7), ИЗОПП СО РАН (3), т.е. всего 19 защит (чуть более 10% от всех защит). В европейской части России защищена 161 диссертация, тогда как на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке – 21. Отдельно выделим топ-7 городов с наибольшим числом защит (табл. 2).

Топ-11 диссертационных советов по числу защит в этот период выглядит так: Нижегородский ГУ – 17, СПбГУ – 12, БелГУ – 12, ИСПИ РАН – 9, МГИМО – 9, РАНХиГС – 8, ИС РАН – 7, Краснодарский университет МВД РФ – 7, ВолГУ – 7, РГГУ – 6, УрФУ – 6. То есть в 11-ти советах защитили докторские диссертации 100 соискателей, что составило

Таблица 2

Защиты докторских диссертаций в городах России с диссертационными советами по социологическим наукам (2012–2022)

Город	Число диссертационных советов	Количество защит
Москва	13	56
Нижний Новгород	1	17
Санкт-Петербург	3	16
Саратов	4	12
Ростов-на-Дону	1	12
Белгород	1	12
Волгоград	2	12
Итого	25	137

55% всех защит, в других же 29 советах состоялись соответственно 45% защит. При этом в 13 диссертационных советах прошло только по одной защите докторской диссертации. Фактом, вызывающим, на наш взгляд, отдельный интерес, является то, что диссертационный совет при НИУ ВШЭ не провёл ни одной защиты докторской диссертации, а в советах при МГУ имени М.В. Ломоносова за 11 лет состоялось лишь пять защит.

«Самостоятельные» диссертационные советы. Примечательным событием последних лет стала практика самостоятельного присуждения учёных степеней в диссертационных советах, получивших такое право («самостоятельные»). В 2018 г. это право первым реализовал диссертационный совет на социологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. В последующие четыре года диссертационные советы, имеющие такое право, стали пользоваться им шире – докторские диссертации также успешно защищались в БелГУ, СПбГУ, МГИМО, РАНХиГС и УрФУ (табл. 3). Доля защит докторских диссертаций в «самостоятельных» диссертационных советах за пять лет неуклонно росла и к 2022 г. достигла половины от всех (4 из 8). Из 45 защит почти треть (14) состоялось в «самостоятельных» диссетах.

Представляет интерес также сравнение структуры защит диссертаций по научным специальностям в советах, состоящих в юрисдикции ВАК и в «самостоятельных» диссертационных советах. Из таблицы 4 следует, что шесть из 14 защит в «самостоятельных» диссертационных советах пришлось на диссертации, выполненные по специальности «Социология управления» – три из них состоялись в БелГУ, а также в МГИМО, РАНХиГС и УрФУ.

Отметим отсутствие в этих советах в рассматриваемый период защит по специальностям 22.00.03, 22.00.06 и 14.02.05. Таким образом, сложившаяся к настоящему моменту структура защит по научным специальностям в «самостоятельных» советах кардинально отличается как от структуры защит в советах ВАК, так и от показателей по всем защитами в целом (табл. 5). Конечно, массив данных пока не столь значим, чтобы делать серьёзные

Таблица 3

Динамика защит докторских диссертаций в диссертационных советах, имеющих право самостоятельного присуждения учёных степеней (2018–2022)

Год	МГУ	БелГУ	МГИМО	РАНХиГС	СПбГУ	УрФУ	Всего
2018	1	–	–	–	–	–	1
2019	1	2	1	–	–	–	4
2020	–	1	–	1	–	–	2
2021	–	1	–	–	2	–	3
2022	1	1	1	–	–	1	4
Итого	3	5	2	1	2	1	14

Таблица 4

Структура успешных защит докторских диссертаций в диссертационных советах университетов, имеющих право самостоятельного присуждения учёных степеней по научным специальностям (2018–2022)

Научные специальности	Диссертационные советы в университетах						Всего
	МГУ	БелГУ	МГИМО	РАНХиГС	СПбГУ	УрФУ	
22.00.01	1	–	2	–	–	–	3
22.00.04 (5.4.4)	2	1	–	–	1	–	4
22.00.05 (5.4.5)	–	–	–	–	1	–	1
22.00.08 (5.4.7)	–	3	1	1	–	1	6
Итого	3	4	3	1	2	1	14

Таблица 5

**Структура успешных защит докторских диссертаций в диссертационных советах ВАК
и в имеющих право самостоятельного присуждения учёных степеней
по научным специальностям (2018–2022)**

Группы диссертационных советов	Научные специальности							Всего
	22.00.01	22.00.03	22.00.04 /5.4.4	22.00.05 /5.4.5	22.00.06	22.00.08 /5.4.7	14.02.05	
ВАК	15	14	80	3	15	36	5	168
«Самостоятельные»	3	–	4	1	–	6	–	14
Все, в %	18 9,8	14 7,7	84 46,1	4 2,2	15 8,3	42 23,1	5 2,8	182 100

выводы, картина защит по научным специальностям в «самостоятельных» советах будет меняться. В этой связи можно только предположить, что в этой группе советов будет несколько большая доля защит по специальности 22.00.01, т.к. за 2012–2022 гг. из 18 защит по этой специальности 10 пришлось на долю диссертационных советов МГИМО (6), СПбГУ (3) и МГУ (1), работающих теперь как «самостоятельные».

От кандидатской диссертации к докторской. Путь к докторской диссертации и её успешной защите во многом сопряжён с тем, в какой области науки начинали свою научную историю будущие соискатели. Именно это обстоятельство во многом определяет сложившийся стиль научного мышления, владение теоретической базой, исследовательские возможности и практики, специфику интерпретаций результатов. В этой связи приходится констатировать, что доля учёных, имевших степень кандидата социологических наук и защищавших докторские диссертации по социологии на протяжении рассматриваемых лет, радикально не изменилась (табл. 6).

О тенденции повышения доли кандидатов социологических наук (к.социол.н.) среди защитивших докторские диссертации по социологии можно было говорить только в период с 2015 по 2018 г., когда их доля среди успешно защитившихся соискателей докторской

Таблица 6

**Отрасли наук кандидатских степеней соискателей докторской степени
по социологическим наукам (2012–2022)**

Отрасли наук	Годы											Итого
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
Социологические	14	25	12	9	12	15	8	7	4	5	5	116
Философские	5	5	2	1	2	2	–	1	1	–	2	21
Экономические	3	2	–	2	1	1	–	–	1	1	–	11
Исторические	3	2	1	1	1	1	–	–	–	1	–	10
Юридические	–	1	1	1	1	1	–	1	1	–	–	7
Педагогические	2	1	1	–	–	–	1	–	–	–	–	5
Другие*	3	1	1	2	1	–	–	3	–	–	1	12
Итого	30	37	18	16	18	20	9	12	7	7	8	182
Доля соц. наук, %	47	68	67	56	67	75	89	58	57	71	63	64
Доля соц. и фило- софских, %	63	81	78	62	78	85	89	67	71	71	88	75

Примечание. *В числе других отмечены политические и психологические науки по три, медицинские и биологические науки по два, филологические и физико-математические науки по одному.

степени выросла с 56 до 89%, но в 2019 и 2020 гг. произошёл откат на позиции 2015 г., а показатели 2021 и 2022 гг. не отличались от 2013 и 2014 гг. Объективности ради, к к. социол.н. стоит приплюсовать и их коллег, защитивших диссертации по философским наукам, т.к. по большей части это учёные, работавшие в лоне социальной философии, являющейся наиболее родственной сферой теоретической социологии, а также тех, кто защитил диссертацию в советское время по прикладной социологии или научному коммунизму. В этом случае показатели становятся выше, но средняя доля социологов и философов всё равно не превышает 75%, т.е. четверть докторов наук по социологическим наукам – это учёные с несоциологическим прошлым по кандидатской степени. Поэтому выводы прежних лет о трудностях «адаптации в проблемном поле социологии и в овладении исследовательским дискурсом» [Левичева, 2008: 146–147] остаются актуальными. Казалось бы, степень кандидата социологических наук присуждается уже больше 30 лет, но до сих пор подготовка и защита докторских диссертаций не монополизирована теми, кто её получил. С одной стороны, этот факт можно расценить как положительный, так как он говорит о привлекательности социологической проблематики для историков, экономистов, юристов и др. обществоведов, а также гуманитариев и представителей других отраслей наук. С другой – как негативный, т.к. это свидетельствует о том, что заданную социологическим сообществом научную планку диссертационных исследований по социологии можно преодолеть за 5–10 лет, иногда с нуля.

Для получения более полной картины обратимся к данным о временном промежутке между защитами кандидатской и докторской диссертаций (табл. 7).

Сначала, на наш взгляд, стоит условно разделить защиты докторских на «сверххранние», если они произошли через 4–5 лет после кандидатских, «ранние» – через 6–7 лет, «своевременные» – 8–15 лет, «поздние» – 16–20 лет и «сверхпоздние» – 21 год и более. При такой группировке практически 70% это «своевременные» защиты, в то же время на «сверххранние» и «ранние» защиты, как и на «сверхпоздние», приходится примерно по 12%. Если обратить внимание на динамику, то все «сверххранние» защиты произошли до 2018 г. С этого же года начинается рост медианного промежутка между защитами: если на дистанции 2012–2018 гг. он колебался от 10 до 13 лет, то затем начал подниматься и в последние два года достиг 18–19 лет.

Теперь стоит более подробно присмотреться к обстоятельствам «сверххранних» защит – важно понять, что лежит в основе столь стремительного прогресса соискателей, учитывая, что период между защитами заполнен не только проведением исследований, написанием текста диссертации и автореферата, но и его публикацией и подготовкой непосредственно к защите. Первое предположение в этих случаях – мы имеем дело с талантливыми молодыми учёными, стремительно воплотившими свои творческие замыслы в докторские диссертации. Однако объективные показатели РИНЦ свидетельствуют совсем не об этом (табл. 8).

Таблица 7

Время между защитами кандидатской и докторской диссертаций (2012–2022), лет

Период между защитами диссертаций	Годы											
	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Итого
4–5	2	2	–	–	1	1	–	–	–	–	–	4
6–7	4	5	4	–	1	1	1	–	–	2	–	18
8–10	6	12	5	4	4	4	2	2	–	–	–	39
11–15	13	11	7	6	9	8	3	6	3	–	3	69
16–20	2	5	1	2	2	3	2	2	2	4	4	29
21 и более	3	2	1	4	1	3	1	2	2	1	1	21
Медиана (лет)	12	10	10	13	12	13	12	14	16	19	18	–
Итого защит	30	37	18	16	18	20	9	12	7	7	8	182

Таблица 8

**Показатели РИНЦ авторов «сверххранних» защищённых докторских диссертаций
(2012–2017)**

ФИО / уч. степень кандидата наук	Год защиты, уч. степень		Показатели РИНЦ на 01.07.2023 г.				
			число публикаций в ядре	индекс Хирша по публикациям		процентиль по ядру	рубрика ГРНТИ
	канд.	докт.		все	ядро		
Савельева Ж.В., к.мед.н.	2007	2012	14	8	3	12	социолог.
Зверева Т.А., к.соц.н.	2007	2012	4	8	1	16	эконом.
Жапуев З.А., к.соц.н.	2009	2013	профиля в РИНЦ нет				
Страдзе А.Э., к.соц.н.	2008	2013	11	10	2	5	физкультура и спорт
Волков Ю.Ю., к.экон.н.	2012	2016	4	6	1	35	эконом.
Савчук Д.А., к.соц.н.	2012	2017	0	3	0	46	эконом.

Из таблицы следует, что в социологической научно-образовательной среде сегодня занята только Ж.В. Савельева, хотя она и пришла в социологию из медицинских наук. Также в образовании трудятся Т.А. Зверева и А.Э. Страдзе, первая реализуется на ниве экономических наук, а второй в сфере физической культуры и спорта. Ещё трое «сверххранних» выпали не только из социологического пространства образования и науки, но и из научно-образовательной среды вообще. У З.А. Жапуева последняя статья в РИНЦ опубликована в 2019 г. в соавторстве (притом что собственного профиля в РИНЦ у него нет), у Ю.Ю. Волкова в 2018 г., а у Д.А. Савчук и вовсе в 2015 г. (т.е. за два года до успешной защиты!). Причём двое последних подвизались в экономических науках. Возможно в другие периоды «сверххранение» защиты приводили к успешному развитию карьеры в социологическом образовании и науке, но опыт 2012–2022 гг. оказался отрицательным.

С другой стороны, нельзя не выделить учёных, чей путь от кандидатской до докторской занял больше 25 лет. Так, из группы «сверхпоздних» защит мы выделили девять самых поздних (табл. 9). Вряд ли есть смысл комментировать данные таблицы – верность социологической науке заслуживает только уважения и служит примером следования по

Таблица 9

**Показатели РИНЦ авторов «сверхпоздних» защищённых докторских диссертаций
(2012–2020)**

ФИО / уч. степень кандидата наук	Год защиты, уч. степень		Показатели РИНЦ на 01.07.2023 г.				
			число публикаций в ядре	индекс Хирша по публикациям		процентиль по ядру	рубрика ГРНТИ
	канд.	докт.		все	ядро		
Филатова М.Н., к.филос.н.	1988	2012	9	16	1	15	социолог
Малинина Т.Б., к.ф.-м.н.	1984	2012	13	9	2	14	социолог
Рождественская Е.Ю., к.филос.н.	1987	2013	33	18	5	9	социолог
Урбан О.А., к.филос.н.	1989	2014	10	7	2	24	социолог
Синельников А.Б., к.эк.н.	1980	2015	32	18	5	4	социолог
Чередниченко Г.А., к.филос.н.	1980	2015	48	32	7	3	социолог
Орланов Г.Б., к.филос.н.	1979	2016	4	3	0	70	социолог
Гарипов Я.З., к.филос.н.	1978	2017	19	7	2	31	социолог
Мозговая А.В., к.филос.н.	1983	2020	19	15	4	11	социолог

выбранному в ней пути. Добавить же можно только то, что у всех ученых последние публикации датированы 2022–2023 гг., а семеро из девяти имеют учёную степень кандидата философских наук.

Тематические предпочтения диссертантов. Далее, на наш взгляд, стоит обратиться к «тематическому репертуару диссертаций», как обозначила эту сторону анализа защит докторских диссертаций В.Ф. Левичева [2010: 135]. Отталкиваясь от предметных областей, которым посвящались докторские исследования, выделим прежде всего наиболее популярные направления: исследования молодёжи в различных аспектах (17); социологические аспекты экономической жизни общества, включая социологию труда и занятости (15); вопросы демографии, социологии семьи и миграции (13); управленческие проблемы в разных сферах общества (12); этносоциологическая проблематика (12); различные аспекты и феномены жизни общества в целом (11); социология профессий и занятий (10). Получается, что эти топ-7 направлений охватывают половину всех докторских диссертаций рассматриваемого периода.

Достаточно заметными предметными областями также стали: государственное управление и государственная служба (8); социология медицины, здравоохранения, здоровья (7); социология социальной сферы (7); политическая сфера общества (7); социология образования (7); социология туризма, рекреации (6). На них приходится, как следует из списка, ещё 23%.

Не остались без внимания и такие направления, как проблемы благосостояния, качества жизни (5); социологические аспекты детства и старости (4); вопросы состояния и развития гражданского общества (4). Это ещё 7%. Суммарно получилось 80% от общего числа защищённых докторских диссертаций.

Представленная структура выявила, как нам представляется, несколько трендов выбора тематики докторских диссертаций.

Прежде всего обратим внимание на то, что по специальности 22.00.01 – «Теория, методология и история социологии», защищено 18 диссертаций, т.е. каждая десятая. Отметим, что треть их (шесть диссертаций) защищены в МГИМО, по три в СПбГУ и Саратовском ГУ, по две в ИС РАН и РУДН, по одной в МГУ и РГГУ. Если посмотреть на содержательную структуру, то по истории социологии выполнено две работы, по методологии – шесть, остальные 10 (меньше 6% от общего числа защищённых докторских диссертаций) имеют теоретическое содержание. При этом все они находятся в пределах теорий среднего уровня. В этой связи хотелось бы взглянуть на эту ситуацию со стороны наблюдаемого в современной российской социологии «кризиса теоретизирования» [Черныш, 2022: 4]. С одной стороны, диссертаций, развивающих теорию социологии, не может быть много в силу глубины задач, решение которых посильно далеко не каждому учёному. Но, с другой стороны, сдержанное обращение докторантов к теории социологии сопряжено, на наш взгляд, с двумя серьёзными препятствиями. Во-первых, с тем, что современное российское общество уже более 30 лет дрейфует в «рыночных водах», а не развивается в каком-то намеченном и объявленном направлении. Поэтому теоретическому осмыслению и обоснованию может подвергаться только этот «дрейф», т.е. аморфное пребывание в тех экономических и внешнеполитических обстоятельствах, которые были и продолжают быть актуальными на данный момент. Однако серьёзная теория может складываться как отражение устойчивых практик, а не «момента в дрейфе». Во-вторых, слишком сильна и глубока зависимость российских исследователей от западных идей: «Комплекс “ученичества” – когда все то, что генерируется зарубежной социологией, считается важным, достойным, основательным, не преодолен до настоящего времени» [там же: 11]. Конечно, речь не идёт об игнорировании западной социологии. Как справедливо отмечает М.Ф. Черныш: «Современная социология имеет прочный методологический и методический фундамент, в строительство которого внесли вклад не только европейские, но и российские социологи и социальные философы. Однако здание, которое возводится на этом фундаменте, строится из материала, добываемого внутри конкретного

общества по планам, релевантным по отношению к его прошлым и текущему состоянию» [там же]. В-третьих – пресловутая научная мода. «Приверженность моде, как правило, освобождает её адептов от необходимости проблематизировать состояние, в котором находится общество. Во главу угла, в предметную область исследований ставятся ... проблемы, которые либо маргинальны, либо вовсе не значимы для изучаемой сферы. Возможно, в каких-то случаях такое “отклонение” помогает избежать тяжелых вопросов и нередко сложной дискуссии» [там же]. Тем самым диссертанты убивают двух зайцев: их тема оказывается как в научном, так и в политическом «тренде», а у диссертационного совета нет причин не принимать её к защите по этому основанию. Однако чаще всего следование моде в социологии малопродуктивно, т.к. мода возникает в одном месте, там, где она актуальна и естественна, а накладывается на другое, где почвы для неё либо нет вовсе, либо недостаточно, поэтому результат чаще всего превращается в пустышку, а то и в фарс.

Приведённые соображения призваны объяснить невысокую долю диссертаций, посвящённых теории социологии, а отнюдь не бросить тень на защищённые работы. Напротив, соискатели докторской степени, выбравшие в таких непростых условиях для диссертации теоретическую стезю, достойны уважения и поддержки. Косвенным подтверждением того, что теоретические диссертации – это работы, требующие не только соответствующих способностей и квалификации, но и времени, может служить тот факт, что пять из них были защищены через 8–15 лет, четыре – после 16–20 лет, а одна – через 21 год после защиты кандидатской диссертации.

Отдельно стоит отметить неоправданно небольшое внимание соискателей докторских степеней к таким сферам, как социальная политика, социология города, социология личности, медиасоциология – по три работы. Лишь по одной-две работы посвящены проблемам социальной структуры, социологии культуры, социологии религии, массовым коммуникациям, девиациям, коррупции, гендерной социологии. Исследованию проблем социологии села посвящена только одна работа, и это, к сожалению, не нарушает сложившуюся ранее тенденцию игнорирования проблем, которыми переполнена сельская жизнь. Отдельно хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на значительное внимание в последние годы к цифровизации общества, докторская диссертация в этой проблематике была защищена только одна. Ещё четыре года назад мы отмечали оживление внимания к этой теме в социологическом образовании [Зырянов и др., 2020], но продолжение это практически не получило. Как оказалось, и в докторских диссертационных исследованиях ситуация та же. Думается, что это связанные тенденции. Хотя активность социологов на площадках научных конференций и в сфере журнальных публикаций в области цифровой трансформации общества не нуждается в иллюстрациях, с 2018 г. даже стал выходить специализированный журнал³.

Наконец, мы с удивлением обнаружили, что соискатели докторской степени полностью проигнорировали социологию науки, социальное неравенство, социальную диагностику, социологическое образование. Прошло 15 лет, а обеспокоенность В.Ф. Левичевой остаётся актуальной: «...симптоматична “глухота” молодых соискателей к тому, что беспокоит уже все российское общество: диссертационные исследования в области социологии науки практически не ведутся» [Левичева, 2010: 134].

Однако изменения произошли и в выборе тем, которые наиболее предпочитаемы диссертантами. Так, можно отметить, что необычайно популярная проблематика социологии образования, доминировавшая в 1990-е и нулевые годы [Левичева, 2004; Горбачева, 2010], утратила этот статус, хотя интерес к ней при выборе темы докторской диссертации сохранился. На её место переместилась социология молодёжи: практически каждая десятая работа с 2012 по 2022 г. выполнена в русле этой проблематики. Причём восемь работ были защищены в 2012–2013 гг., а в 2013 г. и вовсе каждая шестая работа

³ См.: <https://digitalsociology.guu.ru/jour/index>

была посвящена проблемам в сфере социологии молодёжи. Но и в последующий период, вплоть до 2020 г., по этой тематике успешно защищались по одной-две работы в год. Отметим, что диссертационные исследования в рассматриваемый период действительно плодотворно развивали эту научную отрасль, так была предложена тезаурусная концепция молодёжи (Луков В.А., 2019⁴), исследованы механизмы адаптации, самоопределения, манипулирования, проблемы безопасности, формирования ценностей и реализации интересов, экономической активности, экстремизма и др.

Мы не ставили целью дать в предложенном материале основательный анализ всех аспектов, так или иначе актуализирующихся в связи с процессом защит докторских диссертаций по социологии. Однако надеемся, что представленная выше аналитика будет полезна для обстоятельного изучения как собственно института защит, так и различных сторон и отраслей социологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анцупов А.Я., Кандыбович С.Л., Прошанов С.Л. Актуальные проблемы социологии. Указатель 1088 докторских диссертаций (1990–2019 гг.). Москва: Проспект, 2020.
- Верещагина А.В. Диссертационный совет Д 212.208.01 в 2012 году: научные инновации и практика применения // Гуманитарий Юга России. 2013. № 3. С. 155–166.
- Верещагина А.В. Традиционное и инновационное в проблемном поле социологии: аналитический обзор диссертационных исследований, защищенных в 2015–2016 годах на юге России // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 23. № 1. С. 265–282.
- Горбачева О.В. Проблемы российского образования в докторских диссертациях по социологии // Вестник КГТУ им. А.Н. Туполева. 2010. № 4. С. 192–194.
- Зырянов В.В., Ладыжец Н.С., Темнова Л.В. Социологическое образование в России: итоги 30 лет // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 152–154. DOI: 10.31857/S013216250008335-1.
- Левичева В.Ф. Комментарий эксперта // Социологические исследования. 2004. № 9(245). С. 133–134.
- Левичева В.Ф. Комментарий эксперта // Социологические исследования. 2010. № 9(317). С. 133–135.
- Левичева В.Ф. Комментарий эксперта // Социологические исследования. 2008. № 9(293). С. 146–148.
- Осипова Н.Г., Кухтевич Т.Н., Соломатина Е.Н. Обзор тематики и содержания диссертаций по социологии, рассмотренных диссертационным советом Д 501.001.01 на базе МГУ имени М.В. Ломоносова с 2005 по 2015 г. // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 4. С. 217–240.
- Прошанов С.Л. Докторские диссертации по социологии (1990–2010 гг.) // Социологические исследования. 2011. № 1(321). С. 30–39.
- Рогальская Е.В. Докторские диссертации по социологическим наукам, утвержденные в 1992 году // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 195–198.
- Рогальская Е.В. Докторские диссертации по социологическим наукам, утвержденные в 1993 году (январь–июль) // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 27.
- Тощенко Ж.Т. Анализ докторских диссертаций по социологии, утвержденных ВАК России в 1994 году // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 225–226.
- Черныш М.Ф. Культурный поворот и кризис проблематизации в современной социологии // Социологические исследования. 2022. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250023707-0.

Статья поступила: 31.07.23. Финальная версия: 05.08.23. Принята к публикации: 11.08.23.

⁴ Конечно, здесь стоит вспомнить, что Вал.А. Луков кандидатскую диссертацию по философским наукам защитил ещё в 1977 г. и на момент защиты докторской диссертации по социологии уже был доктором философских наук (1988).

DOCTORAL DISSERTATIONS IN SOCIOLOGY IN 2012–2022 IN RUSSIA: TOPICS, TRENDS, ISSUES

ZYRYANOV V.V.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Vladimir V. ZYRYANOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. of Social technology Subdepartment, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vzyryanov@gmail.com).

Abstract. Information about successfully defended doctoral dissertations in sociology over the last eleven years allowed us to conduct a statistical analysis: to obtain structural characteristics and identify trends that emerged over this period. Out of 182 approved dissertations, almost half were prepared by women, the number of annual defenses decreased from 30 in 2012 to eight in 2022, the largest number of defenses (84) took place in the specialty 22.00.04, the least number in the specialty 22.00.05 – four. The defenses during this period were held in 40 dissertation councils, most of all in NNGU named after N.I. Lobachevsky – 17, St. Petersburg State University and Belgorod State University – 12 each. For the first time the data on the defense of doctoral dissertations in dissertation councils having the right to independently award academic degrees are given. Six of them defended 14 dissertations, among them six in the specialty of Sociology of Management. The data on the candidate degrees of doctoral candidates are presented – on average, 75% of them defended candidate dissertations in sociological and philosophical sciences every year. The time intervals between the defenses of candidate and doctoral dissertations were revealed. During the years under study there were four “ultra-early” defenses (4–5 years) at one pole of the range and 21 “ultra-late” defenses (21 years and more) at the other pole. Among the thematic preferences of the dissertants the studies of various sociological aspects of youth – 17 dissertations, economic life of society – 15 – stand out. While the problems of sociology of science, social inequality, and sociological education were ignored.

Keywords: sociology, dissertation council, scientific specialties, doctoral dissertation, dissertation defense, statistics of defenses.

REFERENCES

- Antsupov A.Ya., Kandybovich S.L., Proshanov S.L. (2020) *Actual Problems of Sociology. Index of 1088 doctoral dissertations (1990–2019)*. Moscow: Prospect. DOI: 10.31085/9785392314720-2020-296. (In Russ.)
- Chernysh M.F. (2022). The cultural turn and the crisis of problematization in modern sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 3–14. DOI: 10.31857/S013216250023707-0. (In Russ.)
- Gorbachyova O.V. (2010) Problems of Russian education in societal doctoral dissertations. *Vestnik KGTU im. A.N. Tupoleva* [Bulletin of Kazan state technical university named after A.N. Tupolev]. No. 4: 192–194. (In Russ.)
- Levicheva V.F. (2004) Expert's comment. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9 (245): 133–134. (In Russ.)
- Levicheva V.F. (2008) Expert's comment. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9 (293): 146–148. (In Russ.)
- Levicheva V.F. (2010) Expert's comment. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9 (317): 133–135. (In Russ.)
- Osipova N.G., Kuhtevich T.N., Solomatina E.N. (2016) Overview of subjects and the contents on sociology dissertations, analyzed by the council D 501.001.01 based on the Lomonosov Moscow state university from 2005 to 2015. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 22(4): 217–240. (In Russ.)
- Proshanov S.L. (2011) Doctor's Dissertations in Sociology (1990–2010). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 30–39. (In Russ.)
- Rogalskaya E.V. (1994) Doctoral dissertations in sociological sciences, approved in 1992. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 2: 195–198. (In Russ.)
- Rogalskaya E.V. (1994) Doctoral dissertations in sociological sciences, approved in 1993 (January–July). *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 3: 27. (In Russ.)
- Toshchenko J.T. (1995) Analysis of doctoral dissertations in sociology approved by the Higher Attestation Commission of Russia in 1994. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. No. 3: 225–226. (In Russ.)

- Vereschagina A.V. (2013) Dissertation council D 212.208.01 in 2012: scientific innovation and the practice. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. No. 3: 155–166. (In Russ.)
- Vereschagina A.V. (2017) Traditional and innovative in the problematic field of sociology: analytical revive of dissertation research defended in the south of Russia in 2015–2016 years. *Gumanitarij Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. T. 23. No. 1: 265–282. (In Russ.)
- Zyryanov V.V., Ladyzhets N.S., Temnova L.V. (2020) 30 Years of Sociological Education in Russia: Results, Problems, Trends. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 152–154. DOI: 10.31857/S013216250008335-1. (In Russ.)

Received: 31.07.23. Final version: 05.08.23. Accepted: 11.08.23.

© 2023 г.

ДОКТОРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ ПО СОЦИОЛОГИИ, УТВЕРЖДЕННЫЕ ВАК МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ В 2012–2022 гг.

DOI: 10.31857/S013216250027780-1

2012 год

В 2012 г. прошли процедуры защиты 30 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук¹, в том числе по специальностям: 22.00.03 – две, 22.00.04 – 17, 22.00.06 – три, 22.00.08 – восемь. Защиты докторских диссертаций проходили в 18 диссертационных советах. Из них в шести московских – шесть защит. Наибольшее число защит состоялось в ЮФУ – пять и УрФУ – четыре, в КрУ МВД России – три. В СПбГУ и ННГУ по две, в остальных по одной. География защит оказалась сконцентрирована в столицах – восемь защит и в южных регионах страны – 10. По четыре защиты состоялись на Урале и в волжских городах. Только две защиты прошли в Сибири. Не было защит на Дальнем Востоке.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

ЛЕБЕДИНЦЕВА Любовь Александровна «Интеллектуальный труд: экономико-социологические аспекты». Выполнена и защищена в СПбГУ

МАЛИНИНА Татьяна Борисовна «Мера труда и мера потребления в социальном развитии общества». Выполнена и защищена в СПбГУ

¹ Следует пояснить, что в различных списках докторских диссертаций встречаются разночтения, многие из которых вызваны неодинаковым подходом к определению времени, к которому относится защита диссертации. В одних списках год защиты определяется по дате публикации автореферата, в других – по дате защиты, в третьих – по дате получения диплома доктора наук. Мы считаем, что список следует формировать исходя из даты процедуры защиты, при условии, что она в последующем завершается выдачей диплома. Именно этот принцип применён при формировании приведённых списков докторских диссертаций по годам.

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

АНТОНОВА Наталья Леонидовна «Становление, функционирование и развитие социальной практики обязательного медицинского страхования в России». Выполнена и защищена в УрФУ
БАРБАШИН Максим Юрьевич «Воспроизводство этногенеза в локальных сообществах: теоретическая модель и российские институциональные практики». Выполнена и защищена в ЮФУ
ГАБДРАХМАНОВА Гульнара Фаатовна «Адаптация этнических групп к социально-экономическим преобразованиям как фактор интеграции российского общества: на материалах Республики Татарстан». Выполнена в ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, защищена в ИС РАН

ДОБРЫНИНА Марина Ивановна «Социальный статус русской интеллигенции в республиках Сибири в процессе трансформации российского общества». Выполнена и защищена в БГУ им. Доржи Банзарова

КУБЯКИН Евгений Олегович «Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни». Выполнена и защищена в КрУ МВД России

КУРБАНОВА Лида Увайсовна «Гендерные аспекты самоидентификации личности чеченцев в трансформирующемся обществе». Выполнена в КубГУ, защищена в КрУ МВД России

МАКАРОВА Гузель Ильясовна «Этническая и российская идентичность в Республике Татарстан в контексте изменений этнокультурной политики». Выполнена в ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, защищена в МГУ им. Н.П. Огарёва

МАЛОФЕЕВ Иван Вячеславович «Услуги в системе социального обслуживания населения в условиях модернизации социальной сферы». Выполнена и защищена в РГСУ

МУСТАЕВА Флюра Альтафовна «Самоопределение семьи в условиях трансформации российского общества». Выполнена и защищена в УрФУ

НОВИКОВ Владимир Геннадьевич «Воспроизводство социально-профессионального потенциала аграрных кадров России». Выполнена в РГАЗУ, защищена в РГГУ

ПЕСЕГОВА Екатерина Витальевна «Флексибилизация модернизация института высшего образования в современной России». Выполнена в МГПУ, защищена в СевКавГТУ

ПРЯМИКОВА Елена Викторовна «Компетентностный подход в современном образовательном пространстве: функциональное и структурное содержание». Выполнена в УрГПУ, защищена в УрФУ

РОМАНОВА Илона Валерьевна «Образ жизни одиноких женщин посттрудового периода жизнедеятельности в современных условиях: на материалах Забайкальского края и Республики Бурятия». Выполнена и защищена в БГУ им. Доржи Банзарова

САВЕЛЬЕВА Жанна Владимировна «Конструирование социальной проблемы здоровья и болезни средствами массовой коммуникации: институциональные и дискурсивные контексты». Выполнена в КНИТУ, защищена в КФУ

САННИКОВА Ольга Владимировна «Трансформация содержания профессионального социально-гуманитарного образования: социологический анализ». Выполнена в УдГУ, защищена в УрФУ

ТУЖБА Эмир Нодариевич «Трансформация социальных процессов в постсоветской Абхазии». Выполнена и защищена в КрУ МВД России

ШАХБАНОВА Мадина Магомедкамиловна «Этническая идентичность и стратегии межэтнического поведения андо-цезских народов Дагестана». Выполнена и защищена в ЮФУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.06 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ЛЫСИКОВА Ольга Валерьевна «Социальные изменения культурных практик отечественного туризма в условиях глобализации». Выполнена и защищена в СГТУ имени Гагарина Ю.А.

МАРАР Ольга Ивановна «Экологическая культура в современном российском обществе». Выполнена и защищена в РАНХиГС

САВЧЕНКО Ирина Александровна «Социокультурная интеграция и дезинтеграция современных многоэтнических сообществ». Выполнена и защищена в ННГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ГЛУХОВА Марина Федоровна «Инфраструктура молодежной политики: управление организационно-функциональным обеспечением». Выполнена и защищена в ННГУ

ДЮЖЕВА Елена Львовна «Институционализация управления для сферы рекреации и туризма: на примере Южного Федерального округа Российской Федерации». Выполнена и защищена в СочГУ

ЗВЕРЕВА Татьяна Владимировна «Корпоративное взаимодействие российских граждан в налоговой сфере: инновационный способ управления налоговыми отношениями». Выполнена и защищена в ЮФУ

КУНГУРЦЕВА Гузэль Фанузовна «Интеллектуальный потенциал как базовый ресурс развития системы управления современным обществом». Выполнена и защищена в УГАТУ

ОВЧАРЕНКО Роман Константинович «Становление системы управления государственной гражданской службой субъектов Российской Федерации». Выполнена в ЮРИУ РАНХиГС, защищена в ЮФУ

САЛОГУБ Анжела Михайловна «Креативное управление в системе социального развития российского общества». Выполнена и защищена в ЮФУ

ФИЛАТОВА Марина Николаевна «Конструирование социокультурной среды вуза в условиях компетентностного подхода к образованию». Выполнена и защищена в РУДН

ФИЛИМОНОВ Олег Викторович «Управление социальной сферой внутренних войск МВД России». Выполнена и защищена в Военном ун-те

2013 год

В 2013 г. прошли процедуры защиты 37 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – три, 22.00.03 – две, 22.00.04 – 18, 22.00.05 – одна, 22.00.06 – шесть, 22.00.08 – четыре, 14.02.05 – три. Защиты докторских диссертаций проходили в 21 диссертационном совете. Из них в шести московских – 10 защит. Наибольшее число защит состоялось в ЮФУ и СГТУ имени Гагарина Ю.А. – по четыре, в РАНХиГС, ВолгГМУ и ННГУ по три. В ИСПИ РАН, РГГУ, БелГУ, АдГУ по две, в остальных по одной. География защит показала, что в столицах и трех волжских городах было защищено по 13 докторских диссертаций, в южных регионах прошло шесть защит. В Сибири и на Дальнем Востоке по одной.

Кроме того, стоит отметить, что результаты четырех защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

НИКИФОРОВ Ярослав Александрович «Модернизационная концепция социальных изменений в социологическом дискурсе Н.Г. Чернышевского». Выполнена и защищена в СГУ имени Н.Г. Чернышевского

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна «Биография как социальный феномен и объект социологического анализа». Выполнена и защищена в ИС РАН

ФЕДОТОВА Надежда Николаевна «Теоретическая рефлексия динамики идентичности: формирование процессуальной теории». Выполнена и защищена в МГИМО

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

ГАРАФИЕВ Ильшат Зуфарович «Инновационный человеческий капитал в регионе (социологический анализ)». Выполнена в КГТУ, защищена в ПГУ

ШКЛЯРУК Василий Яковлевич «Формирование самосохранительного поведения в условиях перехода России к расширенному воспроизводству населения». Выполнена и защищена в СГСЭУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ЖАПУЕВ Заур Аскербиевич «Социальный иммунитет российского общества в условиях институциональной трансформации: факторы риска и стратегии повышения». Выполнена и защищена в ЮФУ

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович «Социальное освоение пространства повседневности в условиях трансформации общества». Выполнена в СамГЭУ, защищена в ВолГУ

ИВАНОВА Елена Игоревна «Социально-демографические поколения современной России: воспроизводство и взаимодействие». Выполнена и защищена в РГГУ

ИМГРУНТ Иван Иванович «Политическая элита как актор модернизации российского общества: субъектные характеристики и эффективность социальных практик». Выполнена и защищена в ЮФУ

КРИВОПУСКОВ Виктор Владимирович «Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация». Выполнена и защищена в ЮФУ

ЛАВРУХИНА Елена Анатольевна «Социальные ресурсы развития сельских территорий Российской Федерации (социологический анализ)». Выполнена и защищена в РАНХиГС

МАХИЯНОВА Алина Владимировна «Социализация личности в современных условиях: интернализационный дисбаланс и пути его преодоления (на материалах Республики Татарстан)». Выполнена в Центре семьи и демографии им. Ш. Марджани АН РТ, защищена в МГУ имени Н.П. Огарёва

НАБЕРУШКИНА Эльмира Кямаловна «Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города». Выполнена и защищена в СГТУ имени Гагарина Ю.А.

ОСИПОВ Егор Михайлович «Институционализация социального партнерства как условие развития малого бизнеса в России». Выполнена и защищена в МГУ имени М.В. Ломоносова

СТРАДЗЕ Александр Эдуардович «Социальная активность в российском обществе: структурно-деятельностное измерение». Выполнена и защищена в ЮФУ

СУРКОВА Ирина Юрьевна «Концептуализация социальной политики в системе гражданско-военных отношений». Выполнена и защищена в СГТУ имени Гагарина Ю.А.

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна «Социальная защита детства в современной России: институциональный анализ». Выполнена в РГПУ имени А.И. Герцена, защищена в ТОГУ

ФОМЧЕНКОВА Галина Алексеевна «Институционализация безопасности молодежи в условиях трансформации российского общества». Выполнена и защищена в СПбГУ

ХУШКАДАМОВА Халимахон Отамбековна «Социальный статус женщины в современном таджикском обществе». Выполнена и защищена в РАНХиГС

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна «Гендерный анализ семейной политики в современной России: особенности и тенденции». Выполнена и защищена в СГТУ имени Гагарина Ю.А.

ШЕЛОНАЕВ Сергей Игоревич «Институционализация медиапространства в российском обществе». Выполнена и защищена в РГПУ имени А.И. Герцена

ШПИЛЕВ Дмитрий Анатольевич «Социальные трансформации современного немецкого общества: многофакторный социологический анализ». Выполнена и защищена в ННГУ

ЯВОН Снежана Владимировна «Жизненное самоопределение молодежи в современном российском обществе». Выполнена в МосГУ, защищена в РГГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.05 – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ПЕРШУТКИН Сергей Николаевич «Государство как субъект социализации российской молодежи: механизмы и технологии участия». Выполнена и защищена в РАНХиГС

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.06 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

БАРМИН Николай Юрьевич «Трансформация института образования взрослых в условиях глобализации экономики». Выполнена в НГТУ имени П.Е. Алексеева, защищена в ННГУ

БОГДАНОВА Марина Владимировна «Социологическая концепция этоса современного отечественного университета». Выполнена и защищена в ТюмГНГУ

КРАСАВИНА Екатерина Валерьевна «Молодежь в социокультурном пространстве современной России: имитационный механизм адаптации». Выполнена и защищена в АдГУ

МАКСИМОВА Лариса Николаевна «Профессиональная культура в российском контексте социальных трансформаций». Выполнена и защищена в СГТУ имени Гагарина Ю.А.

НЕХАЙ Вячеслав Нурбиевич «Глобализационные процессы в социокультурном пространстве этноса». Выполнена и защищена в АдГУ

РОЖКОВА Лилия Валерьевна «Ценностные компоненты модернизационного потенциала российской студенческой молодёжи». Выполнена и защищена в ИСПИ РАН

VI. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МОРОЗОВА Татьяна Ивановна «Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона». Выполнена и защищена в БелГУ

ПЛОТНИКОВ Михаил Вячеславович «Разработка и реализация социальных технологий менеджмента». Выполнена и защищена в ННГУ

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна «Развитие социологической культуры государственных гражданских служащих региона». Выполнена в РАНХиГС (Орловский филиал), защищена в БелГУ

ФЕДОРЕНКО Наталия Владимировна «Взаимодействие управленческих элит в современном российском обществе». Выполнена и защищена в ИСПИ РАН

VII. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 14.02.05 – СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

ЩЕКИН Геннадий Юрьевич «Концептуализация феномена медицинского туризма в социологии медицины». Выполнена и защищена в ВолгГМУ

БУДАРИН Глеб Юрьевич «Социальные принципы нормативного регулирования медицинской деятельности». Выполнена и защищена в ВолгГМУ

ЧЕРНЫШКОВА Елена Вячеславовна «Медико-социальные механизмы пролонгирования активного образа жизни в пожилом возрасте». Выполнена и защищена в ВолгГМУ

2014 год

В 2014 г. прошли процедуры защиты 18 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – одна, 22.00.03 – одна, 22.00.04 – 12, 22.00.08 – три, 14.02.05 – одна. Защищены докторских диссертаций проходили в 15 диссертационных советах. Из них в четырех московских – четыре защиты. Наибольшее число защит состоялось в ТОГУ – три, в ВолгГУ – две, в остальных по одной. География защит показала, что в столицах защищено шесть докторских диссертаций, в волжских городах – пять, на Дальнем Востоке – три, в Сибири – две.

Кроме того, отметим, что результаты двух защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ВЕРМИНЕНКО Юлия Владимировна «Социальные проблемы на публичных аренах современного российского общества: теоретико-методологический анализ». Выполнена и защищена в СПбГУ

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

УРБАН Ольга Андреевна «Социальный механизм институциональной трансформации хозяйства в монопродуктовом регионе». Выполнена в НГУ, защищена в ИЭОПП СО РАН

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

БАРЫШНАЯ Наталия Александровна «Формирование консенсусного потенциала межэтнического взаимодействия на региональном уровне». Выполнена и защищена в РАНХиГС (Поволжский ИУ имени П.А. Столыпина)

БЮРАЕВА Юлия Григорьевна «Формирование слоя менеджеров в социальной структуре модернизирующегося российского общества (на материалах Республики Бурятия)». Работа выполнена и защищена в БГУ им. Доржи Банзарова

ГАРЕЕВА Ирина Анатольевна «Социальная трансформация системы здравоохранения в современных условиях (социологический анализ на примере Хабаровского края)». Работа выполнена и защищена в ТОГУ

ГРИГОРИЧЕВ Константин Вадимович «Пригородные сообщества как социальный феномен: формирование социального пространства пригорода». Работа выполнена в ИГУ, защищена в ТОГУ

ДУСЕНКО Светлана Викторовна «Структура и функция социального пространства туризма (социологический анализ)». Работа выполнена в РГУТиС, защищена в ТОГУ

ИСАКОВА Юлия Игоревна «Гражданский контроль в российском обществе: институциональные возможности становления в условиях модернизации». Выполнена и защищена в ЮФУ

КАРГАПолова Екатерина Владимировна «Развитие социокультурного потенциала современного российского региона в условиях институциональных изменений». Выполнена в АИСИ, защищена в ВолГУ

КУЛИКОВ Евгений Михайлович «Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России». Выполнена в СевКавФУ, защищена в КрУ МВД России

ЛЕДЕНЕВА Виктория Юрьевна «Социальная адаптация и интеграция мигрантов в современном российском обществе». Выполнена и защищена в РАНХиГС

ЛОСКУТОВА Ирина Мироновна «Образовательное пространство в обществе риска: на примере средней общей школы современной России». Работа выполнена и защищена в МПГУ

МИТЯГИНА Екатерина Владимировна «Ресурсность российских рабочих в условиях "двойной" модернизации». Выполнена и защищена в ННГУ

СКОБЕЛИНА Наталья Анатольевна «Институционализация общественных движений в российском обществе конца XX – начала XXI века: социологический анализ». Работа выполнена в СПбГУ, защищена в ВолГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

АГЗАМОВ Рафик Закариевич «Социальные компетенции в предметном поле социологии управления». Выполнена и защищена в СГА

ПОЛОВИНКИН Валерий Анатольевич «Социальный механизм взаимодействия полиции и институтов гражданского общества». Выполнена и защищена в СПбГЭУ

ФРОЛОВА Елена Викторовна «Модернизация социальной инфраструктуры муниципальных образований в Российской Федерации». Работа выполнена в РГУ, защищена в ИСПИ РАН

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 14.02.05 – СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

ЛЕБЕДЕВА-НЕСЕВРЯ Наталья Александровна «Теория, методология и практика анализа социально-детерминированных рисков здоровью населения». Выполнена в ФНЦ МПТ УРЗН г. Пермь, защищена в ВолГМУ

2015 год

В 2015 г. прошли процедуры защиты 16 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – четыре, 22.00.03 – две, 22.00.04 – шесть, 22.00.08 – три, 14.02.05 – одна. Защиты докторских диссертаций проходили в 12 диссертационных советах. Из них в шести московских – восемь защит, т.е. половина от всех защитившихся в этом году. Наибольшее число защит состоялось в РУДН – три и в СПбГУ – две, в остальных по одной. География защит показала, что в столицах было защищено 11 докторских диссертаций, одна защита прошла в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке докторские диссертации не защищались.

Кроме того, результаты двух защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

КАЛМЫКОВ Сергей Борисович «Социальная реклама в современном российском обществе: методология социологического анализа и принципы эффективного воздействия». Выполнена в ВЦУЖ, защищена в РУДН

МЕЩЕРЯКОВА Наталия Николаевна «Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход». Выполнена и защищена в МГИМО

НОВОЖИЛОВА Елена Олеговна «Социально-исторический процесс: экологическое измерение (социально-историческая экология)». Выполнена и защищена в СПбГУ

ТРОЦУК Ирина Владимировна «Анализ текстовых данных в социологии: основания систематизации концептуальных моделей, методологических принципов и методических решений». Выполнена и защищена в РУДН

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 –
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

МИХЕЕВА Анна Рэмовна «Векторы современных трансформаций российской семьи: анализ в дискурсе структурно-генетической теории П. Бурдьё». Выполнена и защищена в ИЭОПП СО РАН

СИНЕЛЬНИКОВ Александр Борисович «Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России». Выполнена и защищена в МГУ имени М.В. Ломоносова

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна «Социальная адаптация людей с ограниченными возможностями здоровья в современной России». Выполнена в ТулГУ, защищена в БелГУ

ЕФЛОВА Мария Юрьевна «Социальная эксклюзия депривированных групп (наркозависимых и людей, живущих с ВИЧ) в российском обществе: стратегии институционализации и опыт интеграции». Работа выполнена в КФУ, защищена в МГУ имени Н.П. Огарёва

РАЗОВ Павел Викторович «Риски социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, к условиям гражданской жизни в России и стратегии их преодоления». Выполнена в МАБИУ, защищена в ЮФУ

ШИЛКИНА Наталья Егоровна «Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности и риска: особенности и тенденции (по материалам социологических исследований начала XXI в.)». Выполнена в АлГУ, защищена в СПбГУ

ШЕДИЙ Мария Владимировна «Коррупция как социальное явление: социологический анализ». Выполнена и защищена в РАНХиГС

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Галина Анатольевна «Формирование образовательных и профессиональных траекторий молодежи: внешние регуляторы и действия субъектов». Выполнена и защищена в ИС РАН

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МАРКОВ Александр Анатольевич «Управление процессами формирования информационной безопасности общества». Выполнена и защищена в СПбГЭУ

СУХАНОВ Вячеслав Геннадьевич «Социологическая модель инновационного управления социальной реабилитацией стигмизированных инвалидов». Выполнена в РГСУ, защищена в ИСПИ РАН

ШИЛИНА Светлана Александровна «Управленческий дискурс как технология коммуникации в системе отношений государства и общества». Выполнена в БГУ имени академика И.Г. Петровского, защищена в РУДН

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 14.02.05 – СОЦИОЛОГИЯ МЕДИЦИНЫ

СОЛОДУХИНА Дина Павловна «Социологическая концепция медицинской помощи пациентам с хроническими терапевтическими заболеваниями». Выполнена в КурГМУ, защищена в ВолгГМУ
2016 год

В 2016 г. прошли процедуры защиты 18 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – две, 22.00.03 – одна, 22.00.04 – шесть, 22.00.06 – две, 22.00.08 – семь. Защиты проходили в 11 диссертационных советах. Из них в четырех московских – шесть защит. Наибольшее число защит состоялось в СПбГУ и ННГУ – по три, в МГИМО и ИСПИ РАН по две, в остальных по одной. География защит показала, что в столицах было защищено девять докторских диссертаций, т.е. половина всех защит, в волжских городах – четыре, в южных регионах – три. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке защит докторских диссертаций не было.

Кроме того, стоит отметить, что результаты трех защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

КАРГИНА Ирина Георгиевна «Современный религиозный плюрализм: теоретико-социологический анализ». Выполнена и защищена в МГИМО

ОРЛАНОВ Георгий Борисович «Рефлексивный детерминизм: методология анализа нелинейного социального развития». Выполнена и защищена в МГИМО

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

СУНАРЧИНА Мунира Мунировна «Современные профсоюзы в системе социальной защиты работников (на примере Республики Башкортостан)». Выполнена и защищена в СПбГУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

АНИСИМОВА Татьяна Германовна «Социальная адаптация студенческой молодежи в условиях современного российского общества». Выполнена в МГУПС имени Императора Николая II, защищена в КрУ МВД России

ВОЛКОВ Юрий Юрьевич «Социальная субъектность финансистов в российском обществе». Выполнена в ЮФУ, защищена в КрУ МВД России

ИЛЬДАРХАНОВА Чулпан Ильдусовна «Ресурсный потенциал модернизации села (региональное измерение)». Выполнена в Центре семьи и демографии им. Ш. Марджани АН РТ, защищена в МГУ имени Н.П. Огарёва

ЧЕРЕПАНОВА Мария Ивановна «Модели воспроизводства суицидального риска в приграничных регионах России (по результатам социологических исследований 2009–2015 гг.)». Выполнена в АлГУ, защищена в СПбГУ

ЧИЛИПЕНОК Юлия Юрьевна «Взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе в современной России». Выполнена и защищена в ННГУ

ЕФИМОВ Евгений Геннадиевич «Формирование социальных интернет-сетей как группового феномена виртуального пространства». Выполнена в ВолгГТУ, защищена в ВолгГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.06 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

АБРАМОВ Александр Петрович «Модернизация среднего специализированного военного образования в условиях реформирования российской армии». Выполнена и защищена в ИСПИ РАН

КЛИМЕНКО Людмила Владиславовна «Динамика социетальной сферы Юга России: социокультурное измерение». Выполнена и защищена в АдГУ

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

АМБАРОВА Полина Анатольевна «Темпоральные стратегии поведения социальных общностей в условиях перехода к нелинейному социальному времени: управленческий подход». Выполнена в УрФУ, защищена в ННГУ

АРТАМОНОВ Геннадий Николаевич «Системное управление развитием интеллектуального потенциала учащейся молодежи». Выполнена и защищена в ГУУ

ВАСИЛЬЕВА Елена Александровна «Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ». Выполнена и защищена в СПбГУ

ВЛАСЮК Галина Викторовна «Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью современной организации». Работа выполнена и защищена в МПГУ

ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна «Социальная технология подготовки персонала как фактор инновационной активности промышленных предприятий». Выполнена в ТГУ, защищена в ИСПИ РАН

ЗАХАРОВ Виктор Михайлович «Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала государственного и муниципального управления в регионе». Выполнена в БелГУ, защищена в Орловском ф-ле РАНХиГС

ПЕВНАЯ Мария Владимировна «Волонтерство как социальный феномен: управленческий подход». Выполнена в УрФУ, защищена в ННГУ

2017 год

В 2017 г. прошли процедуры защиты 20 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – одна, 22.00.03 – четыре, 22.00.04 – 10, 22.00.05 – одна, 22.00.08 – четыре. Защиты докторских диссертаций проходили в 13 диссертационных советах. Из них в трех московских – три защиты. Наибольшее число защит состоялось в БелГУ – четыре, СГУ имени Н.Г. Чернышевского – три, в ВолГУ – две, в остальных по одной. География защит показала, что в трех волжских городах было защищено шесть докторских диссертаций, тогда как в столицах только четыре. В Сибири – две, на Урале – одна, на Дальнем Востоке защит не было.

Кроме того, отметим, что результаты четырех защит не были утверждены ВАК.

**I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ**

КАТАЕВ Дмитрий Валентинович «Социологическая рефлексия синтетической методологии веберизма». Выполнена в ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, защищена в СГУ имени Н.Г. Чернышевского

**II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ**

ВАСИЛЬЕВА Екатерина Николаевна «Формирование экономической активности молодежи в современной России: региональный аспект». Работа выполнена и защищена в ВолГУ

ТЕМАЕВ Тимур Вадудович «Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала». Выполнена и защищена в СГУ имени Н.Г. Чернышевского

ТКАЧЕНКО Ольга Викторовна «Социальные риски в потребительском поведении населения современной России: региональный аспект». Выполнена и защищена в ВолГУ

ШАБАНОВ Виктор Леннарович «Динамика уровня жизни сельского населения России в условиях социально-экономической трансформации села». Выполнена в ИАП РАН, защищена в СГУ имени Н.Г. Чернышевского

**III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ**

АЛЕКСЕЕНОК Анна Алексеевна «Средний класс в современном российском обществе: специфика, идентификации, социальная структура, перспективы воспроизводства». Выполнена в ТулГУ, защищена в БелГУ

БЕССЧЕТНОВА Оксана Владимировна «Трансформация института сиротства в современном российском обществе». Работа выполнена и защищена в БелГУ

БЕСЧАСНАЯ Альбина Ахметовна «Особенности жизни детей в условиях современных российских городов: социологический анализ». Выполнена в СПбГИПСР, защищена в МГУ имени Н.П. Огарёва

ГАРИПОВ Ягфар Закирович «Этноязыковые процессы в многонациональном российском регионе: тенденции развития и особенности социального проектирования (на примере Республики Татарстан)». Работа выполнена в ИСЭИ Уфимского НЦ РАН, защищена в ВолГУ

ДИДКОВСКАЯ Яна Викторовна «Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе». Выполнена и защищена в УрФУ

КАМЕНЕВА Татьяна Николаевна «Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска». Выполнена в КурГУ, защищена в БелГУ

ПЛОТНИКОВ Владимир Валериевич «Экстремизм как феномен современной социальной реальности: институциональные, системные и социоструктурные факторы». Выполнена и защищена в КрУ МВД России

САПРЫКА Виктор Александрович «Трансформация форм приграничного взаимодействия России и Украины в постсоветском хронотопе». Выполнена и защищена в БелГУ

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна «Общественное участие как социальный проект». Выполнена в НГТУ, защищена в ИЭОП СО РАН

СУДЬИН Сергей Александрович «Социологический анализ роли институтов гражданского общества в работе с психически больными и их семьями». Выполнена и защищена в ННГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.05 – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

КАРПОВА Анна Юрьевна «Информационная аномия в политической коммуникации». Выполнена и защищена в МГИМО

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

АКСЕНОВА Ольга Владимировна «Роль профессионала-актора в российской системе управления». Выполнена и защищена в ИС ФНИСЦ РАН

БОРМОТОВА Татьяна Михайловна «Информационно-аналитическое обеспечение управления миграционными процессами в России: социологический аспект». Выполнена и защищена в ИСПИ РАН

ГЕРАСИМОВА Галина Ивановна «Институционализация связей с общественностью в системе социального управления: социологическая концепция». Выполнена и защищена в ТюмИУ

САВЧУК Дмитрий Александрович «Социальные технологии в становлении кадрового потенциала системы государственного управления». Выполнена и защищена в СПбГЭУ

2018 год

В 2018 г. прошли процедуры защиты девяти докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – четыре, 22.00.04 – две, 22.00.05 – одна, 22.00.06 – одна, 22.00.08 – одна. Защиты докторских диссертаций проходили в девяти диссертационных советах. Из них в шести московских – шесть защит. В каждом из советов прошло по одной защите. География защит показала, что в столицах было защищено семь докторских диссертаций, еще по одной в Саратове и Улан-Удэ. Особенностью этого года стала первая защита докторской диссертации в совете, имеющем право самостоятельного присуждения ученых степеней, его реализовал МГУ имени М.В. Ломоносова.

Кроме того, стоит отметить, что результаты двух защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

АБРАМОВ Роман Николаевич «Социология профессий и занятий: история становления и основные идеи». Выполнена и защищена в ИС ФНИСЦ РАН

БАРАНОВА Галина Васильевна «Концептуальные основы исследования социально-политической активности в современном российском обществе». Выполнена в Акад. ФСО РФ (г. Орёл), защищена в РГГУ

ДУДИНА Виктория Ивановна «Эпистемические матрицы исследовательской деятельности в современной социологии». Работа выполнена и защищена в СПбГУ

СИТНИКОВА Светлана Викторовна «Социально-ценностный потенциал повседневных практик: теоретико-методологические основания социологического исследования». Выполнена и защищена в СГУ имени Н.Г. Чернышевского

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

БАДМАЦЫРЕНОВ Тимур Баторович «Социальная структура буддийских сообществ современной Бурятии». Работа выполнена и защищена в БГУ им. Доржи Банзарова

ЕЛИШЕВ Сергей Олегович «Социальное манипулирование современной молодежью». Выполнена и защищена в МГУ имени М.В. Ломоносова

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.05 – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ЛИТВАК Николай Витальевич «Становление дипломатической службы как рефлексивного института: обоснование концепции». Выполнена и защищена в МГИМО

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.06 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ЧАНКОВА Елена Вадимовна «Коммуникативная компетентность личности в условиях изменяющейся социальной реальности». Выполнена и защищена в ИСПИ РАН

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МАКАРОВ Сергей Николаевич «Социально-управленческие экспертные системы в государственном управлении». Выполнена и защищена в РАНХиГС

2019 год

В 2019 г. прошли процедуры защиты 12 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – одна, 22.00.03 – одна, 22.00.04 – четыре, 22.00.06 – две, 22.00.08 – четыре. Защиты докторских диссертаций проходили в 10 диссертационных советах. Из них в четырёх московских – пять защит. В МГИМО и БелГУ состоялись по две защиты, в остальных советах по одной. География защит показала, что в городах европейской части страны было защищено шесть докторских диссертаций. На Дальнем Востоке прошла одна защита. Не было защит в советах Санкт-Петербурга и Сибири. В этом году состоялось четыре защиты докторских диссертаций в советах, имеющих право самостоятельного присуждения ученых степеней, – МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, БелГУ.

Кроме того, отметим, что результаты двух защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна «Методология межстрановых социальных исследований: подходы к достижению эквивалентности сравнений». Выполнена и защищена в МГИМО

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

ПОДГОРНЫЙ Борис Борисович «Формирование и перспективы развития социального поля российского фондового рынка». Выполнена и защищена в ННГУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

АЛИЕВ Шапи Изиевич «Жизненное проектирование российской молодежи в условиях информационной реальности». Выполнена в ДагГУ, защищена в ЮФУ

БОБКОВА Елена Михайловна «Социально-конвенциональный механизм устойчивости общества в условиях непризнанности: социологический подход (на примере Приднестровья)». Выполнена в ПГУ имени Т.Г. Шевченко, защищена в МГУ им. Н.П. Огарёва

СЕМИНА Татьяна Васильевна «Солидарность и конфликт в социальной системе “врач – пациент” в современном российском обществе». Выполнена и защищена в МГУ имени М.В. Ломоносова

ЩАНИНА Екатерина Владимировна «Социальная адаптация пожилых людей в современном российском обществе как форма конструирования социальной реальности: стратегии и повседневные практики». Выполнена и защищена в ПГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.06 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ГУЗЕНИНА Светлана Валерьевна «Этнокультурные основы образа Родины в теории и практике социального поведения». Выполнена и защищена в ИСПИ ФНИСЦ РАН

ЛУКОВ Валерий Андреевич «Социокультурные основания субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи)». Выполнена и защищена в МосГУ

V. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

МАКСИМЕНКО Александр Александрович «Ценностно-рациональное управление в российских бизнес-организациях в условиях сетизации деловой среды». Выполнена и защищена в БелГУ

БУЗИН Валерий Николаевич «Системно-деятельностная гуманистическая модель управления российским медиапространством». Выполнена и защищена в МГИМО

НУРИДЖАНОВ Арсен Эдвинович «Технологии скрытого воздействия в социальном управлении малыми и средними бизнес-предприятиями». Выполнена и защищена в БелГУ

МАКЛАШОВА Елена Гавриловна «Особенности управления полиэтническим сообществом в регионах Дальнего Востока России». Выполнена в ИГИПМНС СО РАН, защищена в ТОГУ

2020 год

В 2020 г. прошли процедуры защиты 7 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.03 – одна, 22.00.04 – две, 22.00.06 – одна, 22.00.08 – три. Защиты докторских диссертаций проходили в пяти диссертационных советах. Из них в двух московских – две защиты. В ННГУ состоялись три защиты, в остальных советах по одной. География защит показала, что в городах европейской части страны было защищено четыре докторские диссертации. В Сибири прошла одна защита. Не было защит в советах Санкт-Петербурга и Дальнего Востока. В этом году состоялось две защиты докторских диссертаций в советах, имеющих право самостоятельного присуждения ученых степеней – РАНХиГС и БелГУ.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.03 – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

ЗОЛИН Игорь Евгеньевич «Социальные факторы регулирования российского рынка труда». Выполнена и защищена в ННГУ

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна «Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе». Выполнена и защищена в ИС ФНИСЦ РАН

ЕГОРОВА Надежда Юрьевна «Супружество в современной России: особенности функционирования». Выполнена и защищена в ННГУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.06 – СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ПЕТРОВА Ирина Эдуардовна «Социокультурные факторы развития социальной работы религиозных организаций в современной России». Выполнена и защищена в ННГУ

IV. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ГАЙСИНА Люция Мугтабаровна «Социально-ориентированное управление на предприятиях нефтегазового комплекса в условиях трансформации: синергетический подход». Выполнена и защищена в ТюмИУ

УШАМИРСКИЙ Алексей Эдуардович «Социальный механизм регулирования процесса реализации интересов молодежи в условиях конфликта». Выполнена и защищена в БелГУ

КОРНИЛОВИЧ Владимир Адамович «Государственное стратегическое управление: социологический подход». Выполнена в ИС ФНИСЦ РАН, защищена в РАНХиГС.

2021 год

В 2021 г. прошли процедуры защиты семь докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.04 – четыре, 5.4.5 – одна, 22.00.08 – две. Защиты докторских диссертаций проходили в шести диссертационных советах. Из них в двух московских – две защиты. В СПбГУ состоялись две защиты, в остальных советах по одной. География защит показала, что в столицах было защищено четыре докторские диссертации, в городах европейской части страны три. В других регионах страны защит докторских диссертаций не было. В этом году состоялось три защиты докторских диссертаций в советах, имеющих право самостоятельного присуждения ученых степеней, – СПбГУ и БелГУ.

Кроме того, отметим, что результаты одной защиты не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

КАЗАКОВА Анна Юрьевна «Жилищная депривация и территориальная стигма как атрибуты маргинальности». Выполнена и защищена в СевКавФУ

ШЕВЧЕНКО Ирина Олеговна «Социальное конструирование отцовства: трансформация социальных практик в современной России». Выполнена и защищена в РГГУ

КИСЕЛЕВА Людмила Сергеевна «Благополучие российского населения: архитектура, субъективное восприятие и региональное своеобразие». Выполнена и защищена в СПбГУ

ВАНГОРОДСКАЯ Светлана Анатольевна «Трансформация самосохранительного поведения населения в обществе риска». Выполнена и защищена в БелГУ

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.5 – ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

ГОЛОВАЦКИЙ Евгений Васильевич «Политические нововведения: социальные ресурсы в условиях современных российских трансформаций». Выполнена и защищена в СПбГУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

БАРАНОВСКИЙ Максим Витальевич «Доверие в социальном управлении военной организацией». Выполнена и защищена в Военном ун-те

ЛЕОНОВА Ирина Сергеевна «Управление социально-психологическим старением персонала российских компаний в условиях требований рынка труда Индустрии 4.0.». Выполнена и защищена в ННГУ

2022 год

В 2022 г. прошли процедуры защиты 8 докторских диссертаций, авторам которых в последующем были выданы дипломы доктора социологических наук, в том числе по специальностям: 22.00.01 – две, 22.00.04 – одна, 5.4.4 – две, 22.00.08 – две, 5.4.7 – одна. Защиты докторских диссертаций проходили в семи диссертационных советах. Из них в четырёх московских – четыре защиты. В ННГУ состоялись две защиты, в остальных советах по одной. География защит показала, что в городах европейской части страны было защищено три докторские диссертации. Еще одна в УрФУ. В других регионах страны защит докторских диссертаций не было. В этом году состоялось четыре защиты докторских диссертаций в советах, имеющих право самостоятельного присуждения ученых степеней, – МГУ имени М.В. Ломоносова, МГИМО, УрФУ и БелГУ.

Кроме того, отметим, что результаты трех защит не были утверждены ВАК.

I. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.01 – ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

ВЕРШИННИНА Инна Альфредовна «Западные концепции города и урбанизации в социологии второй половины XX – начала XXI века». Выполнена и защищена в МГУ имени М.В. Ломоносова

КАТЕРНИЙ Илья Владимирович «Постгуманизм: критический анализ социальных и дискурсивных практик». Выполнена и защищена в МГИМО

II. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.4 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич «Структурные и этнокультурные особенности социальных изменений на российско-монгольском трансграничье». Выполнена и защищена в ИС ФНИСЦ РАН
КРАНЗЕЕВА Елена Анатольевна «Эволюция политического сознания и поведения женщин современной России». Выполнена и защищена в РГГУ

IIa. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.04 – СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ

КУРНИКОВА Мария Владимировна «Социальное самочувствие семьи с ребенком-инвалидом в пространстве физической культуры и спорта». Выполнена в ННГУ и НИУ ВШЭ, защищена в ННГУ

III. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 5.4.7 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

САФОНОВ Кирилл Борисович «Гуманизация отношений "человек-организация" в условиях общественной трансформации». Выполнена и защищена в БелГУ

IIIa. ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 22.00.08 – СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

НОТМАН Ольга Валерьевна «Управление развитием современного российского мегаполиса в условиях территориальной дифференциации качества городской среды». Работа выполнена и защищена в УрФУ

ПОЛЯНИНА Алла Керимовна «Управление информационной безопасностью детей». Выполнена и защищена в ННГУ

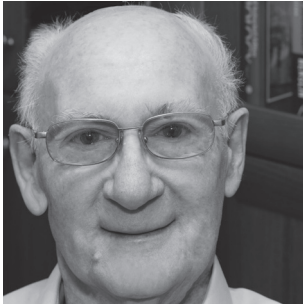
Подготовил В.В. ЗЫРЯНОВ

ЗЫРЯНОВ Владимир Викторович – кандидат экономических наук, доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vzyryanov@gmail.com).

**DOCTOR'S DISSERTATIONS IN SOCIOLOGY APPROVED BY THE HIGHER ATTESTATION
COMMISSION OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION 2012–2022**

Vladimir V. ZYRYANOV, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vzyryanov@gmail.com).

ГАРОЛЬДУ ЕФИМОВИЧУ ЗБОРОВСКОМУ – 85 ЛЕТ!

В нынешнем году отмечает свой 85-летний юбилей ученый, стоявший у истоков создания и развития Уральской школы социологии, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, первый вице-президент Российского общества социологов, почетный профессор УрФУ Гарольд Ефимович Зборовский.

Нет необходимости говорить о вкладе Гарольда Ефимовича в развитие не только уральской, но и российской социологии. Его работы в области исследований проблем образования, социального времени, образа жизни, стратегий жизнедеятельности социальных общностей внесли большой

вклад в развитие отечественной социологии. Многолетний труд Г.Е. Зборовского во благо развития российской науки и образования позволил ему обрести не только единомышленников, но и последователей далеко за пределами Урала. Зборовский заложил фундамент профессиональной подготовки и воспитания многих из них – личным примером, через свои учебники и научные работы.

Многочисленные ученики, коллеги, друзья из самых разных городов и регионов России гордятся и восхищаются профессиональной и гражданской позицией, научным энтузиазмом и жизненной стойкостью Гарольда Ефимовича. Именно они отличают его характер как ученого, педагога и человека и задают высокую планку для новых поколений социологов.

Широким диапазоном своего научного творчества Г.Е. Зборовский определил возможности профессионального развития современного российского социолога. От истории и теории социологии – к эмпирическим исследованиям, от образования – к науке и культуре, от учебников – до фундаментальных монографий... Примерно так (может быть и не охватывая все аспекты и области научных интересов) можно очертить масштаб и сложность работы Зборовского.

Коллеги и друзья сердечно поздравляют Гарольда Ефимовича. Хотелось бы пожелать юбиляру – организатору науки, инициатору и участнику многих международных и всероссийских конгрессов и конференций, создателю научной школы – творческих сил и успехов! Поблагодарить за многолетний неустанный труд во благо российской науки и образования, за вклад в развитие и продвижение идей и программы Российского общества социологов и его отделения на Урале, за ответственную работу в диссертационных советах. Особо отметим его работу в редколлегии нашего журнала. Емкие рецензии Зборовского помогают авторам в доработке статей, а редакции в принятии решений по рукописям.

Юбилей, в date которого есть знак бесконечности, символичен и позволяет прибавить слово «бесконечный» ко всем нашим пожеланиям здоровья, благополучия, творческих успехов! Продолжайте вдохновлять социологическими идеями учеников, последователей, единомышленников!

Коллеги, друзья, ученики

«ЧЕРЕЗ ВСЮ СВОЮ ЖИЗНЬ В СОЦИОЛОГИИ Я ПРОНЕС ИНТЕРЕС И ЛЮБОВЬ К НЕЙ» (интервью с Г.Е. Зборовским¹)

Аннотация. Накануне своего 85-летия Гарольд Ефимович Зборовский рассказывает о работе над книгой «Избранное», куда он включил наиболее яркие публикации за период с 1972 по 2022 год, и которая стала своего рода отчетом автора о его полувековом пути в социологии. Среди научных и, по собственному выражению юбиляра, «околонаучных» интересов – проблемы социологии времени (свободного и социального), социологии образования (в том числе высшего), истории социологии, разработка теории социальной общности, метапарадигмальной концепции теоретической социологии, концепции научно-образовательного знания. Эти и многие другие темы обсуждаются в беседе с Борисом Докторовым.

Ключевые слова: проблемы теоретической социологии • изучение бюджета времени • гражданское общество • социологическое образование • профессия социолога

DOI: 10.31857/S013216250027781-2

Б.З. Докторов. Гарольд, на пороге твоего 85-летия мы можем коснуться настоящего, поговорить о планах, но все же давай сконцентрируемся на прожитом. Очевидно, оно – многопластовое и разноцветное, ты многое видел и о многом задумывался. У нас есть немалый опыт бесед о твоей жизни и работе в социологии. В 2013 г., десять лет назад, ты многое рассказал в интервью, озаглавленном «Я ощущаю себя в первую очередь профессором», конечно же – речь идет не о статусе, а об учительстве, передаче знаний и исследовательского опыта. Прошло несколько лет, и по моей просьбе ты начал вспоминать жизнь в целом. Так, в 2018 г. увидела свет твоя книга «Роман с социологией длиной более полувека» с подзаголовком: «Беседы Бориса Докторова с Гарольдом Зборовским». Теперь хотелось бы предложить немного иную логику нашей беседы. Ты только что завершил создание солидного объема книги «Избранное», так вот по поводу этой работы мне и хотелось бы поговорить. Уверен, формируя избранное, ты многое вспоминал, о многом размышлял. Социология, а значит, и твои исследования – во многом производные от макросоциального фона. Вот мне и хотелось бы проиллюстрировать сказанное и ряд сопряженных обстоятельств примерами из твоей жизни и исследовательской практики. Как ты смотришь на такой характер беседы?

Г.Е. Зборовский. Во-первых, спасибо тебе, Борис, за инициативу, связанную с проведением очередного, уже третьего за последние 10 лет большого и развернутого разговора между нами. Во-вторых, в тех обстоятельствах, в которых мы оказались в последние несколько лет, макросоциальный фон стал наиболее влиятельным и требующим учета фактором. Чего стоят только пандемия коронавируса и специальная военная операция, которые составляют основу этого фона, не говоря уже об их последствиях и всем том, что окружает эти процессы. Понятно, что уйти от этого социолог не может, даже если бы очень этого захотел.

Б.Д. В моем понимании «Избранное», да еще с уточнением – 1972–2022 – это одновременно важнейший пласт автобиографии, ценные страницы истории советской / российской социологии, в частности уральской социологической школы, и отчет за сделанное в течение полувека. С какими чувствами ты перечитывал свои

¹ ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович – доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (garoldzborovsky@gmail.com).

публикации разных лет, особенно весьма удаленных? Удивление, согласие-несогласие, радость переоткрытия?

Г.З. Эти публикации – своеобразный отчет за сделанное в течение полувека. Причем отчет прежде всего перед собой. Никто ведь тебя за сделанную тобой работу не спрашивает. В то время как я писал свои книги и статьи, я даже не думал, что когда-то потом, если доживу до какого-то возраста, мне придется спросить самого себя: ну как, парень, ты доволен тем, что, во-первых, дожил до какого-то рубежа и чувствуешь себя еще на что-то способным, а во-вторых, сумел и успел что-то написать, особенно если тебе не очень стыдно за написанное?

А чувств, с которыми приходилось перечитывать публикации прошлых лет, было гораздо больше, чем удивления, радости переоткрытия или согласия/несогласия. И возникали они не столько в связи с перечитыванием, сколько с выбором: когда более чем из 700 опубликованных работ приходится отбирать для «Избранного» максимум 30, начинаешь понимать: зачем ты писал так много всякого? И еще: как хорошо, что вокруг тебя никого нет, и никто не видит твоих переживаний по поводу выбора.

Вместе с тем не все в сделанном выборе оказалось достойным критики. Так, оказалось, что в одной из статей², написанной 10 лет назад, был дан анализ и прогноз ситуации, полностью подтвержденной сейчас, в наше время и касавшейся проблемы «Социология, власть, гражданское общество». Тогда я писал, что место и роль социологии в обществе в значительной степени определяется типом отношений между политической властью и гражданским обществом. Господство тоталитарного режима означает практически полное поглощение политической властью гражданского общества, при таком типе отношений могут существовать лишь его отдельные, незначительные элементы, зачастую выполняющие бутафорские функции. Понятно, что тоталитарный тип отношений создает крайне сложные, почти невыносимые условия для функционирования социологической науки. Авторитарный режим означает некоторое смягчение ситуации, далекой, однако, от сколько-нибудь значительных гражданских свобод и возможностей людей, а также соблюдения их гражданских прав. В таком качестве этот тип отношений, существующий сейчас, создает для функционирования социологии весьма непростые условия.

Нельзя не отметить в этой связи принятие в июле 2012 г. Федерального закона № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Закон позволяет рассматривать научную деятельность в социологии как разновидность политической, а некоммерческие (неправительственные) организации, ее осуществляющие, признать в качестве иностранных агентов. На практике это может означать, что результаты социологических исследований, показывающие осуждение политического режима и даже враждебность по отношению к нему, могут спровоцировать ограничения по отношению к исследователям и центрам.

Б.Д. Гарольд, почему ты решил включить в «Избранное» лишь работы, опубликованные после 1972 г.? Во-первых, этим решением ты на десяток лет сократил период твоих социологических исследований, что весьма принципиально для понимания твоей деятельности. Во-вторых, в 1972 г. ты уже был сложившимся специалистом в области анализа структуры временных затрат, кандидатом наук, приближавшимся к защите докторского исследования, а это значит – автором ряда интересных публикаций, с которыми хотелось бы встретиться.

Г.З. Уточню твой вопрос: не после 1972 г., а в 1972 г. Эта работа была в полном виде (а не в сокращенном, как в «Избранном») важной частью докторской диссертации. Она составляла 4 п.л. и очень понравилась В.А. Ядову, что явилось для него одним из оснований согласиться выступить официальным оппонентом на защите диссертации. Главный же

² Зборовский Г.Е. Гражданское общество в зеркале социологии // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 4. С. 135–146.

аргумент состоял в том, что работы до 1972 г. мне не нравились. А «Избранное» – это же выбранное, но выбирать было не из чего. По крайней мере, так мне показалось в конце 2022 г., когда я начал готовить работу к изданию.

Б.Д. В твоих диссертациях рассматривались методологические и теоретические проблемы свободного времени, но, насколько помнится, ты также изучал эмпирическими методами и собственно структуру свободного времени. Замечу, исследование бюджета времени различных групп населения было одной из актуальнейших тем советской социологии в 1960–1970-х гг. Позже, как мне кажется, интерес к изучению временных аспектов жизни населения принципиально уменьшился. В какой мере я прав? А исследуются ли российскими социологами бюджеты времени в наше время? Ведь сравнение, сопоставление того, что было и что есть, – интереснейшая социальная, даже на цивилизационном уровне, задача. Видны ли тебе попытки ее анализа?

Г.З. Ты задал несколько достаточно болезненных вопросов. Постараюсь ответить по порядку. В 1960–1970-е гг., ты прав, это была очень актуальная проблема. Был ярко выраженный центр изучения бюджетов времени – Новосибирск. Директором Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (по-моему, он так назывался) в первой половине 1960-х гг. был активный сторонник бюджетного метода переехавший из Свердловска в Новосибирск Г.А. Пруденский, в Новосибирск же переехал (из Красноярска) и В.Д. Патрушев, который возглавил все исследования бюджета времени, в том числе и зарубежный их сегмент в СССР (вторая половина 1960-х гг.). После смерти Пруденского и переезда Патрушева в Москву, в Институт социологии АН СССР центр исследований стал сдвигаться в Москву, в Новосибирске их возглавил В.А. Артемов. В начале XXI в. все центры стали быстро хиреть, умер В.Д. Патрушев, серьезно и надолго заболел В.А. Артемов. Возглавлявший исследования бюджета времени в Ленинграде А.В. Неценко переехал во второй половине 1980-х гг. в Минск. Что касается моего участия в использовании метода бюджета времени, то я это делал во второй половине 1960-х гг. в рамках исследования старшеклассников, а в середине 1970-х – учителей Свердловской области. Были отдельные небольшие исследования свободного времени молодежи, в основном студентов.

Говоря о современном состоянии изучения бюджета времени в стране, не могу назвать сколько-нибудь значительных исследований, просто о них не знаю. Согласен с тобой в том, что изучать бюджеты времени различных групп населения важно. Изменения происходят значительные, сравнения необходимы – и во времени, и в пространстве.

Б.Д. Думаю, что главные препятствия на пути исследований временных затрат – не финансовые и организационные. Наши наставники и мы не были методологически и технологически более опытными, чем последующие поколения социологов, но мы верили в то, что результаты наших исследований будут нужными, полезными. Недавно обратил внимание на то, что суммарная продолжительность перестроечной, постперестроечной и современной российской социологии сопоставима с годами становления и развития собственно советской социологии. И похоже, что новая социальная явь не нуждается, а потому и не требует социологического изучения бюджетов времени.

Два раздела «Избранного» имеют прямое отношение к изучению времени: «Социология времени» и «Время и социальные общности в социологии». Представлены и давние публикации, и современные. В какой мере эти новые разработки – продолжение ранних исследований, в какой мере – отклик на современные вызовы?

Г.З. В ряде своих работ – в том числе среди последних в «Избранном», в разделе «Автобиографический очерк», – я отмечал, что среди моих научных интересов было несколько сквозных линий, которые проходили через все этапы моей деятельности, а это – 60 лет, начиная с 1963 г. Первой среди них была линия времени, а первым серьезным научным интересом – интерес к проблемам свободного времени. Моя кандидатская диссертация, защищенная в апреле 1965 г., была посвящена зарубежной социологии досуга, часть

докторской, защищенной в 1973 г., – анализу свободного времени как социологической категории. В монографии 1974 г. «Пространство и время как формы социального бытия» я рассматривал в качестве центральной проблему социального времени и пытался его социологически структурировать. Тогда анализ времени выступал для меня самоцелью. Следуя распространенной трактовке времени как формы и способа бытия (для меня – социального), я стремился – насколько получалось – отделять время от его содержательной «начинки», рассматривать его социологически сущностные признаки и характеристики и искать операциональные возможности исследования социального времени.

Вслед за этим появились иные научные и «околонаучные» интересы. Это были возникшие в 1980–1990-е гг. проблемы образования как социального института, затем социологического образования и как результат написанные первые учебники – сначала по общей социологии, затем по истории социологии. Социологические факультеты и отделения создавались, причем довольно быстро, а учебников явно не хватало, причем по базовым социологическим дисциплинам. Амбразуру нужно было закрывать, хотя бы в своем университете и своем городе. Думаю, что коллеги-социологи меня хорошо понимают: писать учебники по социологии с нуля, когда до тебя не было никаких (написанных в России), непросто. Что толку от привезенных из других стран? Нет, конечно, я не отрицаю их значения. Но писать для российских студентов, рассматривая проблемы развития своего общества, своей страны, ссылаясь на отечественные концепции, – задача не из легких. Я уже не говорю о языке, литературных достоинствах и пр.

Проблема времени, таким образом, временно (прошу извинить за тавтологию) ушла на задний план, развитие социологического образования ставило другие задачи. Хочу отметить, что в описываемый период (1988–2001), в разные промежутки, я был заведующим большой кафедрой социологии (порядка 30 человек), директором института в составе университета (с числом студентов 3000 человек) и проректором по международным связям. Эти должности мало способствовали удовлетворению научных интересов.

Переход в XXI век и другой университет многое поменял в научной деятельности. Появился новый серьезный научный интерес – исследование социальной общности. Строго говоря, совсем новым для себя я его не считаю. Еще на уровне учебника по общей социологии в качестве предмета социологической науки я (кстати, вслед за Ядовым) рассматривал социальную общность. Началась детальная разработка теории социальной общности. Монография «Теория социальной общности» (2009), ряд статей в СоцИсе и других журналах, несколько публикаций за рубежом и пр. позволили посмотреть на проблему социальной общности с новых позиций, а ее темпоральный аспект выделить в качестве особой характеристики. Этому была посвящена монография «Время социальной общности» (2017), написанная в соавторстве с П.А. Амбаровой, моей докторанткой.

Она разработала оригинальную концепцию динамики социального времени, проявляющейся в переходе от линейного к нелинейному темпоральному режиму. Ею было показано, что нелинейное социальное время представляет собой особую форму жизнедеятельности социальной общности, его основными качественными характеристиками являются напряженность, текучесть, мобильность, мгновенность, рекурсивность, нестабильность, разновекторность, многоструктурность.

В новой позиции показано, как различные социальные общности по-разному реагируют на влияние динамики социального времени. В социологический оборот было введено понятие темпоральной стратегии поведения, трактуемой как система жизнедеятельности, формы и способы которой ориентированы на определенные свойства и качества социального времени для достижения конкретных жизненных целей. В монографии подчеркивалось, что темпоральные стратегии поведения следует рассматривать как способ реагирования общностей на социальную турбулентность, вызванную динамикой социального времени.

Обозначенные концептуальные идеи и методики нашли также свое отражение и применение при реализации отдельных задач, посвященных изучению темпоральности

образовательных общностей и гражданского общества, в следующих исследовательских проектах: «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности»; «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе». Таким образом, интерес к проблеме времени – это и продолжение ранних исследований, и ответ на современные вызовы. Анализ различных социальных общностей в единстве с темпоральными стратегиями их поведения усилило понимание проблемы времени в жизни этих общностей как субъектов времени.

Б.Д. В 2021 г. многие тренды в динамике российского образования в целом и в регионах отклонились от линейного изменения, причем нарушение линейности весьма значительное. В какой мере современная темпоралистика готова к решению прогностических проблем, возникающих в образовательной индустрии?

Г.З. Я думаю, что ни в какой. Прогностическую функцию она просто не выполняет. Для того чтобы темпоралистика была минимально эффективной в реализации этой функции (в любой сфере, включая образование), необходим определенный уровень стабильности в двух измерениях: от чего отталкиваться и к чему приходить. Ни того, ни другого сегодня в образовании нет. В 2010-е гг. Вышка (НИУ ВШЭ) пыталась это сделать. В качестве примера могу привести разработанный в ней документ «Двенадцать решений для нового образования. Доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики (Москва, апрель 2018 г.)». И где сегодня этот проект? Могу ответить: все там же... То есть там, где и другие. Не успевают реализовать один проект модернизации образования, как тут же не успевают (и даже не собираются) реализовать другой... Сегодня мы отказываемся от идей и практик Болонского процесса. От чего откажемся завтра, мы еще не знаем. Поэтому в таких условиях применение темпорального подхода в социологических исследованиях может быть только весьма ограниченным. Общая причина одна и та же: мы не знаем, к чему идем, чего должны добиться, какие ресурсы можем использовать.

Б.Д. Наверное, еще более сквозной, чем проблематика времени, является для тебя вся совокупность вопросов развития в стране высшего образования. Ты вошел в эту тему на старте своей социологической деятельности, и она до сих пор продолжает интересовать тебя. Актуальных проблем масса, но чем привлекает тебя именно сфера образования? Чем руководствовался ты, включая в «Избранное» те или иные публикации?

Г.З. У меня порой складывается впечатление, что меня как автора связывают именно с разработкой проблематики социологии образования, а в последние годы – даже социологии высшего образования (особенно после публикации в соавторстве с П.А. Амбаровою монографии «Социология высшего образования» объемом более 32 п.л.). Определенные основания для этого есть. Но я стараюсь не заикливаться исключительно на исследованиях образования.

Действительно, одно из моих первых эмпирических исследований было посвящено проблематике свободного времени старшеклассников (статья в «Советской педагогике» в 1966 г.). Одна из первых книг – «Социология образования» в двух частях: ч. 1 – Социология допрофессионального образования (1993), ч. 2 – Социология профессионального образования (1994).

Интерес к исследованию образования шел еще от вуза. В дипломе об окончании исторического факультета Уральского госуниверситета написано: историк, учитель истории средней школы. Учителем я и проработал первые четыре года после окончания университета, и работа эта мне очень нравилась. Я уходил из школы только потому, что стремился заниматься научными исследованиями.

Другой веской причиной интереса к образованию стала среда, в которой я работал после ухода из школы, – вуз и социологические исследования, еще точнее, социологическое образование, которое стало приходить в вуз в конце 1980-х гг. Я им очень активно занимался, будучи сначала зав. кафедрой социологии, а потом и директором Института социологии и экономики в составе университета.

Написание учебников и учебных пособий (по общей социологии, истории социологии, социологии образования, социологии управления, социологии свободного времени и культуры и др.) лет на 25 стало моей непреложной деятельностью. Ну и, конечно, большая группа исследователей, аспирантов, докторантов, которыми я руководил и которые писали и успешно защищали диссертации на материалах проведенных исследований в области образования, самообразования, образования и профессии и т.д. Сюда, вероятно, следовало бы добавить много выигранных грантов «образовательной» направленности – и РГНФ, и РФФИ, а потом и РНФ. Некоторые из публикаций – как монографического характера, так и статей из отдельных наших ведущих журналов, оказались неплохими по качеству и были признаны таковыми научным сообществом (цитирования, оценки и т.д.). Это послужило основанием для включения таких работ в сборник «Избранное».

А сфера исследований образования по-прежнему остается приоритетной и одной из любимых, хотя бы потому, что является постоянно проблемной. Для социолога же именно проблемное и должно быть по определению любимым.

Б.Д. У нас нет возможности детально обсудить проблематику нелинейного развития высшего образования, в последние годы она активно разрабатывается тобою. И все же: в чем ее суть и каковы перспективы этого аналитического подхода?

Г.З. Концепция нелинейного высшего образования может быть рассмотрена как система научно обоснованных представлений об особом типе взаимосвязи количественных и качественных характеристик состояния, функционирования, динамики системы высшего образования, складывающейся под влиянием сложной, нелинейной социальной реальности. Особенности рассматриваемой системы высшего образования являются такие нелинейные характеристики, как неустойчивость, неопределенность, непредсказуемость, аритмичность, неочевидность, альтернативность, вероятностность состояний и процессов, происходящих в высшем образовании. К ним нужно добавить рефлексивность и латентность реакций, постоянный и напряженный поиск ресурсов для преодоления рисков и вызовов, особую чувствительность к слабым влияниям извне.

Предлагаемая концепция касается не только и даже не столько методик, технологий, организации процесса обучения (т.е. педагогической составляющей), на что чаще всего в литературе делаются акценты. Она охватывает всю сферу высшего образования во всем его многообразии и целостности, включая связи с внешней средой, различными социальными институтами и системами (производством, бизнесом, рынком, наукой, культурой и др.). По существу, речь идет о замене действующей модели высшего образования, системы управления им.

Б.Д. Интересная программа, но коснемся лишь вопроса о социологическом образовании, ведь в этой нише растится наша смена. Мне кажется, что еще во второй половине 2010-х гг. наблюдался интерес выпускников школы к тому, чтобы «пойти в социологи», и выпускники социологических факультетов – пусть не без труда – находили работу по профессии и шли в социологическую аспирантуру. Но уже в 2020 г. я с трудом нашел одного молодого социолога из складывающегося VIII поколения (1995–2006 г.р.), завершившего магистратуру. Настолько изменились потребности общества или падает престиж профессии (хотя последнее может быть следствием первого)? Кто будет работать в середине века?

Г.З. На последний вопрос ответить не берусь, но полагаю, что социологи в это время еще будут нужны. Другое дело, чем и как они будут заниматься, какими в них будут общественные потребности и насколько глубоко упадет престиж профессии. Впрочем, очень глубоко не упадет – не дадут. Скорее всего, просто исчезнет, если будет сильно падать. Но я бы поразмышлял в таком случае не о потребности общества, а о характере власти и ее потребности. Какой будет она и нужны ли будут ей социологи? Будем экстраполировать сегодняшнюю ситуацию на не столь отдаленное будущее или воздержимся от исторически обозримого прогноза?

А теперь – о падении интереса к профессии социолога. Реально он ведь начал падать давно, по мере снижения интереса (и оплаты труда как его следствия) к профессии и труду социолога. Отсюда и не очень высокие конкурсы, и уровень подготовки школьников, попадающих в число студентов-социологов. Единственное, что временами успокаивает, – работаем в регионах и при этом говорим, что в центре все намного лучше.

Б.Д. Наш разговор естественно продолжить, обратив внимание на первый раздел «Избранного» – работы по истории социологии, в частности по проблематике периодизации отечественной истории социологии. Когда и под влиянием каких обстоятельств ты обратил внимание на эту исследовательскую тематику? Какие периоды, этапы ты видишь в постперестроечной социологии? Как тебе кажется, изменилось ли за обозначенное время положение российской социологии в мировой социологической науке?

Г.З. Хочу напомнить, что по образованию я – историк, что так или иначе дает себя знать во многих ипостасях деятельности. Начало моего активного проникновения в социологию (1963), естественно, было связано со стремлением узнать и понять ее историю, что было очень трудно в силу отсутствия соответствующей литературы на русском языке. Старался не пропускать появления как отечественных, так и зарубежных публикаций, касавшихся историко-социологической проблематики. Свой историко-социологический ликбез я прошел до конца 1980-х гг. Именно в это время (рубеж 1980–1990-х) появилась возможность писать первые учебные пособия, а затем и учебники по социологии. В них и появились первые разделы под общим названием «Историко-социологическое введение». Первый же мой большой учебник по истории социологии был опубликован в 2003 г.³ У него есть гриф: рекомендован к изданию Советом отделения социологии и социальной антропологии УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебника для студентов социологических специальностей. Его объем – свыше 42 п.л. и хорошая, плотная бумага – одних студентов привлекал, других отпугивал. Но тогда большого выбора в учебниках по истории социологии не было. В нем был раздел, посвященный периодизации истории социологии, точнее говоря, даже два раздела: один в первой части учебника о периодизации истории социологии (как науки в целом), второй – во второй его части, перед главами по истории отечественной социологии, где излагалась ее периодизация. Кстати, в «Избранном» первые два текста как раз и посвящены периодизации истории социологии и истории отечественной социологии (в основу первого текста положена моя статья в «Журнале социологии и социальной антропологии», 2003, № 4, в основу второго – статья в «Социологическом журнале», 2015, № 1). В моей периодизации истории отечественной социологии этап постперестроечной социологии определен как третий и назван «современным этапом», а его хронологическая протяженность – с конца 1980-х гг. по настоящее время. Думаю, будет правильно, если я здесь же определяю и назову первые два этапа истории отечественной социологии (так, как я их вижу). Кроме того, я пишу и о предсоциологическом этапе (1830–1860-е гг.). Первый, дореволюционный, «классический этап» охватывает 1860-е гг. – 1917 г., второй, послереволюционный, «советский этап» – 1917 г. – рубеж 1980-х – 1990-х гг. Каждый из трех этапов включает в себя периоды. В постперестроечном этапе («современном этапе») я выделяю периоды: первый – конец 1980-х – начало 2000-х гг., второй – начало 2000-х гг. – настоящее время. Сразу хочу отметить, что моя периодизация отечественной социологии связана не только с временным, но и иными критериями, включая: персоналии, тип общества, государства и политического режима, а также основные характеристики социологии. В названных выше текстах и журнальных статьях, на которых они базируются, приводятся большие таблицы, в которых можно увидеть подробные характеристики каждого этапа и периода.

³ Зборовский Г.Е. История социологии. Классический и современный этапы. Екатеринбург, 2003. 870 с.

Наконец, вопрос на «засыпку» – об изменении положения российской социологии в мировой социологической науке за последнее время. На него можно отвечать весьма пространно, а можно и коротко. Я думаю, что у каждого работающего социолога – работающего в смысле постоянного чтения социологической литературы, в том числе зарубежной, – формируется свое особое, специфическое мнение на этот счет. Речь идет о субъективном восприятии ситуации, на которое накладывается личный опыт взаимодействия с зарубежной социологией и ее представителями. Я думаю, что положение российской социологии в мировой социологической науке менялось, и неоднократно, причем в обоих направлениях. Менялось как к ней, так и от нее, среди разных групп социологов – по-разному. В 1990–2000-е гг. уход от марксизма как единственной парадигмы, переход на полипарадигмальную методологию исследования не мог не приветствоваться нашими коллегами за рубежом. Появление в зарубежных журналах публикаций отечественных социологов – лучший аргумент в пользу меняющегося отношения к нашим исследованиям. Но на мировую социологическую науку в ее отношении к российским переманам могут влиять и иные обстоятельства (объявление Левада-Центра иностранным агентом, СВО на Украине, отъезд отдельных социологов за рубеж, изменение некоторых направлений социологических исследований и т.д.).

Б.Д. Непосредственно за «историческим» разделом следует «теоретический», и, что заметно сразу, он заполнен новыми, современными работами, опубликованными в последнее время – с 2008 по 2021 г. Как бы ты в целом очертил пространство исследуемых тобою теоретико-методологических проблем?

Г.З. Как мне кажется, это пространство было заполнено разнообразными проблемами, одни из которых являлись для меня сквозными и привлекали интерес на протяжении долгого (или даже всего) времени работы в сфере теоретической социологии, другие возникали на определенном этапе работы под влиянием тех или иных научных интересов, третьи становились следствием грантовых проектов, четвертые вырастали из теоретических дискуссий, ведущихся в зарубежной или отечественной социологии. Конкретизируя первые проблемы, мог бы назвать в качестве сквозной для меня на протяжении многих десятилетий социологических штудий (от 1960-х гг. до 2022 г.) проблему времени – сначала свободного (включая досуг), затем социального времени, сначала времени в отрыве от других проблем, затем в тесной связи с образом жизни, сначала времени и его структур, затем времени общества, социальных общностей и групп и др.

На определенном этапе работы под влиянием возникших научных интересов пришел глубокий теоретический интерес к проблеме социальных общностей. Триггером этого интереса явилось написание учебников по общей социологии и (не без влияния работ В.А. Ядова) трактовка в качестве предметного поля социологии социальных общностей и их взаимодействий. После серии учебников и учебных пособий сначала по общей социологии, затем по отраслевым социологиям (социология образования, социология управления, социология досуга и культуры, социология знания) появилась монография «Теория социальной общности». Третий случай (из названных выше) – грантовые проекты. Поскольку я в них участвую с конца 1990-х гг., но особенно плотно с 2012–2013 гг. (практически ежегодно я руководил не одним, а несколькими грантами – РГНФ, РФФИ, РНФ), понятно, что теоретические проблемы социологии не заставляли себя долго ждать.

Наконец, четвертый «теоретический кейс» – пример моего интереса к дискуссиям, касающимся теоретических моделей в зарубежной и отечественной социологии. Конкретно здесь я называю проблему парадигм в социологии. Поскольку много лет я стараюсь следить (и не сильно отставать) за тенденциями в истории социологии, то не мог «пройти мимо» проблематики парадигм в ней. А тут еще Дж. Ритцер все время добавлял «масла в огонь». Так появилась в 2007 г. «Теоретическая социология XX – начала XXI века». Она была посвящена метапарадигмальной концепции современной теоретической социологии и включала в себя анализ пяти метапарадигм – классической, неоклассической, постклассической, неклассической, постнеклассической. Суть этой концепции состояла в том,

что я старался создать нечто вроде систем различных теорий, каждая из которых соответствовала бы названным выше метапарадигмам.

Б.Д. Мне представляется, что раздел «Избранного», в котором ты анализируешь проблемы взаимосвязи отраслей социологии, был бы более естественным непосредственно после рассмотрения комплекса собственно теоретических проблем социологии. Ведь именно на стыке наук, научных направлений, отраслей социологии зачастую удается обнаружить и новые поля для теоретических выводов, и новые социально-управленческие решения. Что тебе удалось «подсмотреть» в соприкасающихся отраслях нашей науки?

Г.З. Прежде всего, их разобщенность. Еще в 1997 г., работая над проблемами социологии образования в зарубежных исследованиях, я обнаружил отсутствие связей и взаимодействий социологического анализа образования с другими отраслями социологии – социологии знания, социологии науки, социологии культуры. У нас в это время тоже выходили интересные работы по социологии образования – Ф.Р. Филиппова, Л.Н. Когана, В.Н. Турченко, Д.Л. Константиновского, В.Я. Нечаева, А.М. Осипова и др., и тоже вне отмеченных выше связей. Об этом я написал в своей статье в 1997 г.⁴ Между тем образование – это не только социальный институт, но и форма деятельности самых разных его субъектов, заполняемая определенным содержанием – знанием, культурой, глубоко влияющим на свою форму. Изучал эту проблему отраслевых связей, влияний, взаимодействий я и в дальнейшем, о чем был написан ряд монографий⁵ и статей (в том числе в СоцИсе).

Но дело не только в разобщенности. Во многих отраслевых социологиях давно уже разработаны собственные методологии эмпирических исследований, которые могли бы быть использованы в других отраслях нашей науки. Но такие связи почти не прослеживаются. В этом я вижу значительную слабость социологии и вместе с тем ее большой потенциал. Этим нужно специально заниматься. По моему мнению, здесь мы имеем серьезную теоретико-методологическую проблему. В «Избранном» я пытался ее показать.

Б.Д. Большое место в твоей исследовательской и практической деятельности занимает комплексная тема развития социологии в российских регионах. Не мог бы ты, на базе многолетних размышлений и наблюдений, ответить на свой собственный вопрос: «Существует ли региональная социология?» и поделиться соображениями относительно проблем и перспектив социологии в регионах?

Г.З. В ответе на этот вопрос я бы выделил два его аспекта – о региональной социологии и социологии в регионах. Полагаю, что первой как какой-то особой социологической науки и практики или особого направления в ней не существует. Для сравнения: мы же не говорим о региональной физике или биологии. Если мы рассматриваем социологию как науку (со времен Конта), то и будем придерживаться такого взгляда. Другое дело – существование социологии в регионах России. Об этом мы много говорим, поскольку проблем ее развития в них много. Снижение потенциала российской социологии идет в регионах гораздо активнее, чем в центре, начиная с социологического образования и социологической теории. В регионах социологи гораздо больше зависят от руководства вузов, от позиции власти и бизнеса, от их отношения к науке, от заказов на проведение исследований и т.д. Это сказывается и на общем снижении интереса населения и особенно молодежи к социологическим исследованиям. Немалую роль в этом процессе играют и политические и идеологические ограничения последних лет в стране в целом и ее регионах. Это вовсе не означает «ухода» социологии из жизни регионов. Профессиональное образование «не закрыто» (но наборы снижены, а «качество» студентов оставляет желать

⁴ Зборовский Г.Е. Социология образования и социология знания: поиск взаимодействия // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 3–17.

⁵ См., напр.: Зборовский Г.Е. Знание и образование в социологии: теория и реальность. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013.

много лучшего), исследования проводятся (но они сегментированы и фрагментированы), конференции и семинары проходят (но собрать их стоит немало труда)...

Б.Д. Книга завершается разделом «Социология, гражданское общество, власть», во многом связующим все направления твоих исследований, ибо предлагает рассматривать нашу науку как механизм гармонизации отношений власти со всеми структурами общества. Мой вопрос: «В какой мере российская социология реализует эту функцию в постперестроечный период?»

Г.З. Я бы разделил ответ на этот вопрос на три временных отрезка: 1990-е гг., «нулевое» десятилетие (2000–2012 гг.), последние 10 лет (после 2012 г. до наших дней). От прогноза сразу откажусь. В рамках первого отрезка социологии, с моей точки зрения, удавалось добиться позитивных результатов, хотя бы частично. Она очень к этому стремилась, и в ряде случаев ее усилия властью воспринимались с пониманием. Большую роль в этом процессе сыграли «отцы и матери – основатели» современного этапа российской социологии. Но уже в следующее десятилетие (второй отрезок) стало заметным значительное снижение интереса к попыткам активного сотрудничества социологического сообщества с властными структурами в исследовании и принятии решений по основным проблемам общественного развития. В основу позиции этих структур был положен принцип разделения деятельности: «пусть социологи занимаются своими исследованиями, а решать вопросы взаимодействия со структурами общества мы будем без них; главное – чтобы не мешали». Третий отрезок («после Болотной») означал значительное ухудшение рассматриваемых отношений, начавшееся с провозглашения Левада-Центра «иностранным агентом». На мой взгляд, это был громкий сигнал социологическому сообществу: занимайтесь только тем, что не мешает власти осуществлять ее деятельность в официально принятых направлениях, а еще лучше – поддерживайте эту деятельность. Именно такая ситуация существует сейчас.

Б.Д. Гарольд, «Избранное» – интереснейший рассказ не только о твоей жизни в науке, роман с которой продолжается у тебя свыше полувека. Это и книга по истории советской/российской социологии, которую (историю) ты изучал и вместе со многими формировал. Можешь ли ты подытожить сделанное тобой и прожитое?

Г.З. Скорее всего, я близок к оценке Л.Н. Когана, который на схожий вопрос (это было, когда отмечали его 70-летний юбилей) дал очень лаконичный, но вместе с тем емкий ответ: «Я жил». В нем – все богатство того феномена, который содержательно определяется как «жизнь человека». Конечно, речь идет о жизни творческого человека, ученого, в нашем случае – представителя социологической науки.

Применительно к себе могу сказать, что через всю свою жизнь в социологии (а это 60 лет с осени 1963 г. до сегодняшнего дня) пронес интерес, а в моем широком понимании и любовь к ней. Внутренне я очень горжусь тем, что никогда не изменял ей ни в мыслях, ни на деле. Даже в самые тяжелые моменты жизни, когда я был молод, активен, честолюбив, к 34 годам защитил обе диссертации... Именно в это время социологическая власть в лице директора ИС РАН (занимавшего одновременно посты председателя ССА, руководителя Экспертного совета ВАК, т.е. узурпировавшего эту власть) публично назвала меня (за книгу «Пространство и время как формы социального бытия») антимарксистом, субъективным идеалистом, метафизиком, потребовала публичного осуждения меня научной общественностью, ставила вопрос перед областным партийным руководством о снятии меня с работы. Но я не собирался уходить из своей науки, равно как не делал этого и позже, в трудные 1990-е гг., когда многие мои коллеги уходили в бизнес, меняли профессию.

Я никогда не изменял двум главным в своей профессиональной деятельности ее видам – преподаванию и исследованиям, считая и то и другое одинаково значимым для себя. Чтение лекций и написание учебников, руководство аспирантами и докторантами и проведение исследований, работа с научными коллективами, публикация монографий и статей, представление грантовых проектов и др. – все это в единстве и взаимосвязи.

Среди такого многообразия административная работа не выглядела значимой, хотя требовала много времени и энергии.

Так проходили лучшие годы. Но жаловаться грешно. О проблемах не думаешь, даже не вспоминаешь. Они – неотъемлемая часть жизни, точнее – сама жизнь. Но иногда вдруг приходит удовлетворение от сделанного, когда, к примеру, отмечается твой очередной юбилей и выясняется, что под твоим руководством защитилось почти 60 докторантов и аспирантов, среди которых – ректоры и проректоры, деканы и заведующие кафедрами, известные в социологическом мире профессора и доценты. Или когда ректор университета представляет тебя иностранным гостям и говорит, что по твоим учебникам учится вся Россия.

А потом ты опять остаешься один, и это естественно, но не безобразно. Последнее появляется тогда, когда твои коллеги-социологи говорят (как им кажется) «успокаивающие» слова, типа «Ничего, мы еще повоюем». А я им отвечаю: хватит воевать, пора жить и работать в мире. Именно этими словами хочу закончить ответ на вопрос, где мое место. Оно там, где социологи не воюют, где они могут свободно излагать свое понимание социальных процессов, видеть позитивные результаты своей деятельности и ощущать счастье и удовлетворенность от этого.

Беседовал Б.З. ДОКТОРОВ

ДОКТОРОВ Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; почетный доктор Института социологии РАН, Москва, Россия (bdoktorov@inbox.ru).

“THROUGHOUT MY LIFE IN SOCIOLOGY, I CARRIED AN INTEREST AND LOVE FOR IT” (interview with G.E. Zborovsky)

DOKTOROV B.Z.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Boris Z. DOKTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Associate Fellow of the Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Honorary Doctor of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (bdoktorov@inbox.ru).

Abstract. In the interview of B.Z. Doktorov with prof. G.E. Zborovsky, dedicated to his 85th birthday, the questions of the respondent's sociological creativity are considered. In theoretical terms, these are the problems of the sociology of time (free and social), the sociology of education (including higher education), the history of sociology, the development of the theory of social community, the meta-paradigm concept of theoretical sociology, the concept of scientific and educational knowledge. Within the framework of the educational process and educational activities, the respondent's involvement in the development of sociological education is shown: writing textbooks on general sociology, the history of sociology, the sociology of education, management, leisure, culture; training doctors and candidates of sciences; working as a vice-rector of the university, director of the institute, dean, head of the department.

Keywords: problems of theoretical sociology; sociology and power, civil society; sociologist as a profession.

АЛЕКСАНДРУ БОРИСОВИЧУ СИНЕЛЬНИКОВУ – 70 ЛЕТ!

А.Б. Синельников, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, отмечающий 14 сентября свой юбилей, знает все о браках и разводах, о процессах брачности и стабильности семьи в прошлом и в настоящем, о структурах и динамике населения нашей страны. Будучи исследователем высочайшего класса, он видит в происходящих изменениях семейности новые проблемы, требующие активизации усилий по проведению семейно-демографической политики. В качестве сторонника кризисной парадигмы развития брачно-семейных событий Александр Борисович постоянно участвует в научных дискуссиях, отстаивая правоту просемейного подхода и необходимость системной политики укрепления семьи с несколькими детьми на основе стабильного брака и расширения потенциала брачности среди населения.

С начала своей научной деятельности в области демографии, статистики и социологии населения Синельникову удавалось различать в потоках цифровой стихии те тренды, в которых обнаруживались взаимные связи и влияния естественной и современной семьи, поведенческих и структурных переменных феноменов брачного выбора и решений о разводе. Разработанная им модель потенциала брачности и особенностей его реализации населением в нынешних условиях раскрывает посредством цифровой эмпирики всю остроту и сложность бракоразводных процессов сегодня и в ближайшем будущем.

А.Б. Синельников – специалист высокой квалификации, его профессионализм и преподавательские качества позволили добиться хороших результатов в учебной, методической и научной работе, что неоднократно отмечалось ректоратом и деканатом. Научно-педагогический стаж работы в МГУ 27 лет (с 1996 г.). В 2010 г. получил ученое звание доцента, в 2017 г. избран, а в 2020 г. переизбран по конкурсу на должность профессора кафедры социологии семьи и демографии. В составе научно-исследовательского коллектива кафедры в 2017 г. стал лауреатом II Всероссийского конкурса на лучшую научную и учебную публикацию «Академус», а также принимал участие и продолжает работать над реализацией грантовых проектов РФФИ (2018, 2020) и РНФ (2023).

Им опубликовано более 200 научных и учебно-методических работ, в числе которых можно выделить: «Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования» (М., 2018, в соавт.), «Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов» (М., 2021, в соавт.), «И вместе, и врозь: социология взаимных представлений супругов (по результатам социологических исследований)» (М., 2022, в соавт.), «Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ» (М., 2022).

На факультете читает курсы: «Демография», «Социология семьи», «Социология брака и развода», «Миграция населения в условиях глобализации: социолого-демографический подход» и др. Студенты охотно записываются на его дисциплины по выбору, а также на разработанные им межфакультетские курсы и слушают их с большим интересом. Александр Борисович природный оратор, интеллигентный полемист, оказывающий убеждающее воздействие на слушателей. Регулярно выступает по радио, на телевидении и в других средствах массовой информации, анализируя семейно-демографическую ситуацию и пропагандируя настоятельность активной политики по оптимизации брачности и брачной рождаемости.

Мы, товарищи и коллеги Александра Борисовича, рады высказать свои чувства симпатии и уважения человеку, находящемуся в расцвете творческих сил и на взлете научного поиска, и хотим сердечно поздравить нашего дорогого «синелку» со славным юбилеем и пожелать ему творческого долголетия и новых успехов в научной и педагогической деятельности.

А.И. АНТОНОВ,
д. филос. н., проф.,
МГУ имени М.В. Ломоносова
(antonov_ai@mail.ru)

Редакция, Редколлегия и Редсовет журнала присоединяются к поздравлениям. Александр Борисович – член редколлегии нашего журнала, постоянный автор. Желаем реализации творческих и научных проектов, интересных статей и вдумчивых студентов.

ПОЗДРАВЛЯЕМ АЛЛУ ЕВГЕНЬЕВНУ ЧИРИКОВУ!

10 сентября отмечает юбилей Алла Евгеньевна Чирикова, доктор социологических наук, главный научный сотрудник сектора исследований личности Института социологии ФНИСЦ РАН, член редколлегии журнала «Социологические исследования».

Аллу Евгеньевну знают и уважают не только коллеги по Институту, где она работает с 1987 г., но и по всей стране и за рубежом. Она – признанный специалист в области изучения региональных элит, социальной политики, предпринимательства.

А.Е. Чирикова окончила психологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, под руководством А.Н. Леонтьева подготовила и защитила кандидатскую диссертацию «Диагностика конфликтов в межличностных отношениях». Первым местом работы стал Институт экономических проблем комплексного развития хозяйства города Москвы при Моссовете, исследовательская деятельность привела к знакомству с социологией. Интерес к возможностям социологии развился после перехода в Институт социологии РАН в сектор по инновациям. Не случайно основной метод работы Чириковой – глубинные интервью, которых она провела более 800. Это непростая задача – выходить на представителей политической и экономической элиты, исследовать их реакции, получать богатый эмпирический материал, анализировать его. Все это сформировало особый стиль автора. Выступления Аллы Евгеньевны, ее тексты выдают в ней исследователя жизни, увлеченного своей работой и готового делиться своими открытиями.

Ее научные интересы связаны с изучением акторов и практик региональных элит России, властных практик бизнес-элит в малых городах России, гендерных аспектов менеджмента. В 2003 г. А.Е. Чирикова успешно защитила докторскую диссертацию «Политическая элита в российских регионах: власть и политические институты». Результаты ее исследований опубликованы в многочисленных работах, в том числе двух десятках монографий. Среди наиболее известных можно назвать: «Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности» (1998), «Женщина во главе фирмы» (1998), «Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор» (в соавт. с Н.И. Лапиной, 2000), «Региональные элиты России» (2010), «Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики: региональная проекция» (2007), «Власть в малом российском городе» (в соавт. с В.Г. Ледяевым, 2017) и др.

Алла Евгеньевна – активный, энергичный человек и щедро вносит свой вклад в развитие и поддержание сотрудничества и коммуникаций в научном сообществе. Она член нескольких научных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций, ведет авторские курсы лекций в университетах страны. Коллеги знают ее как постоянную участницу российских и международных научных конференций, семинаров, таких как, например, многолетний Всероссийский научный семинар «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» в Санкт-Петербурге. Многие хорошо помнят ее яркие выступления по полевым исследованиям в региональных органах представительной власти и местных деловых кругов.

Личности Аллы Евгеньевны свойственна решительность. Она свободно и легко включает в обсуждение, диалог, беседу или спор. Отстаивает свое мнение, позицию по вопросу. В ней прочитываются быстрый ум и проницательность, умение мгновенно схватывать и оценивать ситуацию, человека, качество текста или исследования. Коллеги и друзья всегда особенно тепло говорят о присущих ей столь важных для человеческих отношений качествах сочувствия, умения помочь и словом, и делом. В самых сложных ситуациях она находит силы для поддержки и ободрения тех, кто в этом нуждается.

Юбилей – это повод проанализировать итоги, чтобы по-новому увидеть перспективы, ведь впереди новые масштабные проекты и исследовательские замыслы. Мы благодарны Алле Евгеньевне за многие годы дружбы и сотрудничества, желаем ей хорошего настроения, радостей общения и творчества, долгих лет жизни!

Коллеги, друзья, ученики

© 2023 г.

Д.А. ДАВЫДОВ

ТЕХНО(КРАТО)СОЦИАЛИЗМ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИДЕИ Б. КИНГА И Р. ПЭТТИ

ДАВЫДОВ Дмитрий Александрович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия (davydovdmitriy90@gmail.com).

Аннотация. В статье рассматривается концепция техносоциализма Б. Кинга и Р. Пэтти. Автор показывает, что данная концепция – результат синтеза многих интеллектуальных веяний последних лет: вера в технический прогресс и технологически обусловленное изобилие, дискурсы автоматизации и идеи наступления эры господства искусственного интеллекта, а также различные концепции посткапитализма, опирающиеся, в свою очередь, на идеи посттрудового общества, «капиталистического пути к коммунизму», безусловного базового дохода и т.п. Согласно Кингу и Пэтти, достичь социализма можно не путем политических революций или радикальных социально-политических трансформаций, а с помощью новейших технологий, роботов и искусственного интеллекта. Для этого нужно лишь перенаправить поток «даров автоматизации» от исключительно богатых ко всем остальным путем ряда косметических изменений вроде введения налогов на роботов и выплат безусловного базового дохода. В статье раскрываются уязвимые стороны позиции Кинга и Пэтти. Автор показывает, что их концепция репрезентирует технократическую классовую позицию, их взгляды на грядущее технологически обусловленное изобилие являются наивными и основываются на зыбких эмпирических основаниях. Техносоциализм Кинга и Пэтти оказывается при близком рассмотрении техно(крато)социализмом, так как их версия посткапиталистического общества характеризуется не столько подлинной реализацией личностного потенциала каждого, сколько радикальным социальным расслоением, деградировавшим и деквалифицированным трудом, «оптимизацией» таких важнейших сфер деятельности, как образование и медицина, а также перенаправлением материальных средств из области социальной политики в область потребления (базовый доход).

Ключевые слова: техносоциализм • посткапитализм • социализм • коммунизм • технократия • базовый доход • марксизм • постмарксизм • автоматизация • роботизация

DOI: 10.31857/S013216250027782-3

Введение. Недавно на русском языке вышла книга футуролога, предпринимателя, автора международных бестселлеров Б. Кинга и предпринимателя и ученого-экономиста Р. Пэтти «Техносоциализм: как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый мировой порядок» [Кинг, Пэтти, 2022]. Не будет преувеличением сказать, что книга знаковая. И не только потому что в ней поднимаются актуальные вопросы, даются оригинальные ответы и представлена яркая концепция. Появление книги, суммирующей все технооптимистические ожидания от грядущей эры посткапитализма, давно ожидалось. Отдельные ее концептуальные компоненты уже давно мелькали в трудах различных ученых и общественных деятелей, и теперь мы, наконец, имеем определенный, более или менее оформленный и последовательный теоретический

сюжет, уже одним своим названием приковывающий к себе внимание. Действительно, что может быть более актуальным в социальных науках, чем решение наиболее насущных проблем современности (а по сути – капитализма): социального неравенства, экологического кризиса, стремительных технологических изменений, влияющих на жизнь каждого. Причем впервые технооптимизм оформлен не просто в виде совокупностей разрозненных прогнозов или пространных концептов вроде «посткапитализма», но теперь прямо говорится о *техносоциализме*. В этом плане, правда, Кинг и Пэтти немного опоздали, т.к. еще в 2019 г. А. Бастани опубликовал книгу «Полностью автоматизированный роскошный коммунизм» [Bastani, 2019]. Эти книги очень похожи, поэтому можно было бы рассматривать их как часть одного идейного или даже идеологического феномена. Тем не менее здесь мы подробно остановимся именно на книге Кинга и Пэтти, так как она является, на наш взгляд, более проработанной и, что более важно, *симптоматичной*.

Говоря о «симптоматичности» книг вроде тех, что написали Б. Кинг, Р. Пэтти или А. Бастани, мы хотим подчеркнуть выраженный в них специфический взгляд на мир, свойственный многим современным технократам. Наша цель в данной статье раскрыть эту специфику. То, что преподносится как некий прорывной способ осмысления кризиса капитализма, как оригинальный путь к светлому будущему помимо умирающего капитализма и провалившегося бюрократического социализма, является по факту идеологической мистификацией, способствующей движению вовсе не к *техносоциализму* или «роскошному полностью автоматизированному коммунизму», а, скорее, к техно(крато)социализму, когда такие слова, как «социализм», служат лишь углублению социального неравенства.

Что такое техносоциализм? Как мы уже отметили, Кинг и Пэтти синтезировали ряд идей, сравнительно давно «напрашивавшихся» на слияние в цельную картину. Во-первых, они объединили ряд технооптимистических дискурсов, авторы которых стремятся показать, что «все не так уж плохо, как может казаться», то есть все гораздо лучше, чем представляют себе постмодернисты и прочие пессимисты, отрицающие прогресс и веру в рациональность. Это можно называть «рациональным оптимизмом» [Ридли, 2015] или убежденностью в продолжающемся прогрессе [Пинкер, 2021]. Согласно данной позиции, мы живем во время экспоненциального технологического развития, а поэтому вскоре наступит всеобщее изобилие, причем даже самые бедные смогут пользоваться всевозможными социальными благами (от дистанционного образования до телемедицины и «карманных» медицинских лабораторий) [Котлер, Диамандис, 2018]. Во-вторых, Кинг и Пэтти учли многочисленные работы об автоматизации и роботизации, вновь ставшие особенно популярными после Великой рецессии (2008–2013). В обширной литературе (см., напр.: [Форд, 2016; Бриньолфсон, Макафи, 2017; Сасскинд, 2020]) на эту тему говорится, что сегодня автоматизация уже точно достигла темпов, достаточных для обесценивания труда подавляющего большинства людей. Роботы и искусственный интеллект даруют материальное изобилие, но ценой размывания среднего класса. В-третьих, Кинг и Пэтти уловили соответствующий левый «ветер перемен», осознавая растущую популярность идеи социализма, а также многочисленных концепций посткапитализма [Мейсон, 2016; Срничек, Уильямс, 2019] или технологического «коммунизма» (как в сериале «Звездный путь» [Fraser, 2016]). Здесь речь идет о том, что технологически обусловленное изобилие может быть средством решения проблемы растущей технологической безработицы. Если сократить рабочее время, распределить его поровну между всеми и выплачивать всем безусловный доход (ежемесячные безвозмездные пособия), то это будет что-то вроде «капиталистического пути к коммунизму» [Ван Парайс, Вандерборхт, 2020], так как для этого не нужны такие вещи, как обобществление средств производства или построение плановой экономики. Люди получают материальные средства «по потребностям», обретут свободу от труда, а государство можно будет даже минимизировать, поскольку безусловные выплаты позволят людям самим распоряжаться своей жизнью.

Все это, собственно, и есть основные слагаемые книги Кинга и Пэтти. Начинают они с констатации фундаментальных вызовов, стоящих перед человечеством: неравенство,

пандемия, искусственный интеллект и климатические изменения. В неспособности адекватно ответить на эти вызовы Кинг и Пэтти резонно обвиняют капитализм, хотя каких-то точных дефиниций капитализма в книге мы не находим, что является одной из ее уязвимостей. Под капитализмом Кинг и Пэтти понимают не столько систему общественного производства, сколько некий «экономический фокус» на индивидуальных правах/собственности. Оттого их «техносоциализм» оказывается не столько результатом смены общественной формации (читай – самой общественно-экономической системы), сколько сдвигом экономического фокуса – некоей переориентацией на «более широкие» социальные цели (с. 20)¹. Кинг и Пэтти уходят и от точного определения техносоциализма: «это не политическое движение, это социальное следствие. Во-первых, он перезапускает долгосрочный экономический рост в рамках, не наносящих вреда экономике в целом, обеспечивая при этом максимальное участие всех граждан в экономической жизни. Во-вторых, он предлагает правительству большие возможности для инвестирования в технологическую инфраструктуру, что радикально повышает эффективность управления и тем самым устраняет большую часть споров по поводу финансирования и бюджетов, которые обычно ведутся вокруг государственных программ» (с. 21). И далее: «общество становится высокоавтоматизированным, большая часть человеческого труда заменяется машинным. Технологические достижения позволяют сделать жилье, здравоохранение, образование и прочие основные услуги повсеместными и дешевыми. Капитализм перестраивается ради долгосрочной устойчивости, равенства и прогресса человечества в целом. Усилия по смягчению последствий изменения климата порождают многовековое глобальное экономическое сотрудничество» (с. 22–23). Иными словами, мы не находим здесь ничего из того, что привычно ассоциировали со словом «социализм» (вроде обобществления средств производства), кроме «повсеместности» социальных услуг. Авторы и не отрицают своего «эпистемологического разрыва» со старыми представлениями о социализме, откровенно идя от опыта таких стран, как Венесуэла (с. XVI). Правда, тогда речь, по существу, идет вовсе не о социализме, а о переориентации капитализма на общее благо с помощью серии косметических реформ, но главное – при задействованных «даров автоматизации». Поэтому читателя не должно удивлять, что они несколько раз в книге гадают без какого-либо критического посыла, кто же будет первым триллионером (!): реального решения проблемы социально-экономического неравенства авторы так и не предлагают, в тексте нет ничего о перераспределении богатства, кроме ряда очень косвенных предложений (см. ниже).

В принципе, основная часть книги Кинга и Пэтти – это агрегация технооптимистической мифологии на основе смелых прогнозов футурологов, пресс-релизах технологических стартапов, новостях о тех или иных прототипах, об очередных успехах искусственного интеллекта (ИИ) и т.п. Согласно этой мифологии, изобилие и равенство будут обеспечены не государством, не масштабной политикой по созданию рабочих мест, не упорной политической борьбой обездоленных и социально уязвимых, а технологиями. Здесь Кинг и Пэтти повторяют многое из того, за что критики буквально высмеивали А. Бастани и его «полностью автоматизированный роскошный коммунизм». К примеру, Кинг и Пэтти все-раз без умолку говорят о добыче полезных ископаемых на астероидах, которая «полностью изменит рынки» (с. 85). Буквально все источники «даров автоматизации», описанные в книге Кинга и Пэтти, существуют либо в виде прототипов или «зачаточных» проектов (например, автономный углеродно-нейтральный транспорт, генная терапия), либо еще чаще в виде привлекающих внимание СМИ бизнес-моделей, рентабельность которых крайне сомнительна (технологии улавливания углерода из атмосферы, выращенные в лаборатории мясо и рыба). «Вскоре, – пишут они, – у нас появится технология, позволяющая продлить жизнь, сделать человечество мультипланетарным видом и удовлетворить основные потребности любых мужчины, женщины и ребенка на планете» (с. XVI). Наивный

¹ Здесь и далее постраничные ссылки на рецензируемую книгу даны в круглых скобках.

оптимизм Кинга и Пэтти заметен, скажем, по «легкости» способа решения проблемы глобального потепления, предлагаемого ими. По их мнению, нужно просто перестать инвестировать в ископаемое топливо и строить больше ветряных и солнечных электростанций, поскольку вырабатываемая ими энергия уже самая дешевая. Разумеется, если бы Кинг и Пэтти копали глубже, чем пресс-релизы и публикации политических активистов, то усомнились бы в столь оптимистичном взгляде на «легкий» и «быстрый» энергетический переход (это попросту невозможно сегодня и/или неимоверно дорого [Smil, 2022]).

Техносоциализм Кинга и Пэтти в какой-то степени является антисоциализмом, так как в их суждениях часто встречаются имеющие явно неолиберальный оттенок пассажи об *оптимизации* с помощью технологий областей деятельности, имеющих ключевое значение для воспроизводства социума и *развития личности*. Нужно ли вкладывать огромные суммы в качественное и доступное образование? Не обязательно, ведь «доступ к контенту мирового уровня все чаще будет бесплатным или недорогим» (с. 211). Обучение в классе отойдет на второй план. Личные контакты станут необязательными. Напрашивается вывод, что вместо учителей можно разместить роботов, а то и вовсе закрыть все школы и университеты и дать людям возможность обучаться самостоятельно с помощью онлайн-курсов или видеозаписей (или «под крылом» определенной корпорации). По мнению авторов, «реальное будущее образования заключается в значительном снижении затрат и повышении эффективности учителей» (с. 216). То же самое они пишут про медицину. Искусственный интеллект де уже позволяет диагностировать болезни. В будущем датчики будут осуществлять круглосуточный мониторинг состояния организма. Секвенирование генов улучшит диагностику. Достаточно будет одного смартфона, чтобы решать большую часть медицинских проблем. Далее Кинг и Пэтти вновь пишут о «резкой оптимизации» сферы здравоохранения, ориентированной на данные и ИИ (с. 238–240). Такой имеющий отчетливый неолиберальный оттенок «дискурс экономии» пронизывает книгу насквозь. Еще один пример. Когда они говорят о доступном жилье, то делают это вовсе не из-за сострадания к бездомным, а потому что нужно более экономически целесообразное решение: «средние расходы правительства на бездомных фактически можно было бы сократить на 49,5%, если размещать их в ночлежках» (с. 218). Как они сами выражаются, «это не социализм, а бизнес-кейс» (с. 343).

Такая несоциалистичность техносоциализма Кинга и Пэтти проявляет себя повсеместно в их книге. Они развивают свою мысль: переход к техносоциализму будет осуществлен не в результате чего-то вроде народной борьбы против угнетателей, а по большей части «сверху» и превентивно, чтобы не допустить взрыва протестной активности (с. 249–259). Инициаторами перемен выступают не народные массы, а бренды и компании XXI века: они «должны будут развивать культуру, основной задачей которой станет переподготовка персонала, а не простая замена людей автоматами» (с. 447). Но самые яркие субъекты в их концептуальных построениях – это технологические корпорации и инвестиционные гиганты вроде BlackRock. Инвесторы якобы постепенно меняют свои ценности на более социально ориентированные и будут менять мир к лучшему: «действия акционеров, направленные против корпораций и их советов директоров, тормозящих развитие общественного сознания, будут продолжаться и дальше, а в течение следующего десятилетия приобретут еще более громкий и преобразующий характер».

Этим акционерам, по всей видимости, и адресуют Кинг и Пэтти свои предложения: они должны направить порожденное технологиями изобилие в нужное (техносоциалистическое, а не, скажем, неофеодальное) русло. Практических предложений у авторов немного: автоматизация управления как на национальном, так и на общемировом уровне; сокращение военных расходов; ликвидация субсидий на ископаемое топливо; введение глобальной минимальной ставки корпоративного налога для многонациональных компаний в размере не менее 15%; создание фонда по борьбе с изменением климата со взносами, исчисляемыми в размере 2% от ВВП для развитых стран, 1% ВВП для развивающихся; введение налога на роботов и ИИ; выплаты безусловного базового дохода

(правда, без конкретизации размера выплат) (с. 405–438). По их мнению, доходы от корпоративного налога можно направить на социальные цели, а налог на роботов и ИИ позволит выплачивать базовый доход. Правда, Кинг и Пэтти даже примерно не прикинули, насколько реалистичны их предложения с финансовой точки зрения. На все возможные вопросы они подготовили один универсальный ответ: ИИ и роботы обеспечат человечество таким неимоверным богатством, что даже небольших налогов хватит на то, чтобы технологический прилив поднял все лодки. Но это странно. По некоторым подсчетам, для выплат в США базового дохода в размере \$1000 в месяц каждому взрослому гражданину (ниже черты бедности) потребовалось бы \$2,544 трлн – при том, что все расходы федерального бюджета США в 2019 г. составляли примерно \$4,5 трлн [Капелюшников, 2020: 32]. Если же говорить о каких-то более или менее приличных суммах, обеспечивающих достойную жизнь, то потребуются расходы, эквивалентные всему государственному бюджету. Иными словами, либо это популизм, вытекающий из веры в технологии, либо Кинг и Пэтти намеренно обходят данный вопрос стороной, принося настоящее (с его вполне реальными обитателями, страдающими от вполне осязаемых проблем) в жертву неопределенному будущему.

Таким образом, мы имеем дело с весьма странным концептуальным построением. Это набор преобразующих идей, имеющий левый оттенок и даже претендующий на предложение альтернативы капитализму, но он не сильно отличается от капитализма в его неолиберальной форме. Все социальные и политические инструменты движения к посткапиталистическому обществу заменяются технологическим суррогатом. В таком случае, стоит признать, человечество действительно может достичь посткапиталистического состояния. В конце концов, полностью или почти полностью автоматизированное производство теоретически достижимо, как и ситуация, когда большая часть «лишнего» населения содержится на небольшую ренту (и, стало быть, большинство людей не являются субъектами капиталистических общественных отношений) [Мартьянов и др., 2019]. Причем существеннее может оказаться даже не технологическая реальность «полной автоматизации», а последствия политических дебатов о ней. Минимизация труда и жизнь на пособия огромных масс людей возможна уже сегодня. Но социально конструируемое здесь трудно отличить от объективно возможного. Посткапитализм таких авторов, как Кинг и Пэтти, трудно называть даже *техносоциализмом*. Скорее, это идейный срез классового сознания технократов.

Классовая подоплека техно(крато)социализма. Не вызывает сомнений, что позиция Кинга и Пэтти является классово обусловленной, она выражает определенное мировидение и мироощущение, свойственное технократическим элитам. Конечно, в большинстве случаев это представители буржуазии, но не обязательно. Можно говорить о специфической социальной прослойке, состоящей из тех, кто занят в высокотехнологических секторах экономики и разделяет меритократические и индивидуалистические ценности. Это могут быть не только капиталисты или инвесторы, но и молодые программисты и прочие искатели успеха на просторах Кремниевой долины. Р. Барбрук и Э. Кэмерон еще в 1996 г. предложили называть веру в спасительную роль информационных технологий, способных самим фактом своего появления и воплощения в жизнь обеспечить кардинальную перестройку всей системы отношений в любой социальной сфере и любом социальном институте, «калифорнийской идеологией» [Barbrook, Cameron, 1996]. С тех пор мало что изменилось. Знаменитый журналист У. Сторр посетил Кремниевую долину и опросил IT-специалистов (опросил он и Д. Фабера, руководителя Deep Space Industries, – того самого предпринимателя, предложившего добывать полезные ископаемые на астероидах) на предмет их убеждений и ценностей. Согласно его выводу, местные «технари» и стартаперы в большинстве своем индивидуалисты, превозносят книгу Э. Рэнда «Атлант расправил плечи» и верят в то, что их прорывные технологические идеи изменят мир к лучшему (и заодно обогатят их самих). Почти все они убежденные либертарианцы, верящие, что именно технологии обеспечат изобилие и лучшее будущее для всех, а не государство. Как сказала

Сторпу одна сотрудница стартапа, занимающегося разработкой вегетарианского мяса, обитатели Кремниевой долины «не задумываются о негативных последствиях, если они не касаются их самих. Они искренне хотят изменить мир, но не думают о системах и о том, как то или иное новшество может навредить старому миру» [Сторп, 2019: 333]. Есть и более количественные оценки. Исследователи из Стэнфордского университета опросили более 600 представителей технологических компаний (группа в основном миллионеров) в 2017 г., выявив их политические предпочтения. Их результаты показывают, что Кремниевая долина находится на стороне Демократической партии: большинство предпринимателей выступают за высокие налоги для богатых, щедрые социальные услуги для бедных, они либеральны в своих взглядах на свободную торговлю и иммиграцию. Защита окружающей среды и неравенство в доходах были оценены ими как «чрезвычайно важные». Но были две ключевые области, где взгляды предпринимателей Кремниевой долины расходились со взглядами демократов, что сближало их с избирателями-республиканцами: сильная оппозиция профсоюзам и государственному регулированию [Broockman et al., 2019]. Это отчасти согласуется с позицией Кинга и Пэтти: своеобразный универсальный гуманизм, антирасизм и толерантность вперемешку с косметической политикой технократической благотворительности (выплата безусловного дохода всем потерявшим «трудовую субъектность» за счет роботов), но только не какие-то принципиальные изменения, не антирыночные решения и минимум государственного вмешательства.

То, что Кинг и Пэтти выражают именно технократическую позицию, также несомненно. Предисловие к их книге написал Г. Клур, генеральный директор и основатель Beyond Imagination – компании, занимающейся интерфейсами мозг-компьютер. Когда речь заходит о безусловном доходе, то Кинг и Пэтти, не скрывая своего восхищения, перечисляют всех топ-менеджеров и владельцев глобальных корпораций, поддержавших данную идею. Среди них И. Маск (Tesla/SpaceX), Дж. Безос (Amazon), Дж. Ма (Alibaba / Ant Financial), М. Цукерберг (Facebook²), Дж. Дорси (Twitter) и др. (с. 265–266). Сразу же возникает вопрос: если идея базового дохода столь популярна у самых главных эксплуататоров этого мира, то нет ли здесь какой-то ловушки? Она, на наш взгляд, есть.

Ловушка технократии. Ключевая проблема, связанная с такими концепциями, как техносоциализм Кинга и Пэтти, в том, что даже если их взгляды на скорую всеобщую автоматизацию и роботизацию являются социально сконструированными и «фантомными», то их идея технологической «оптимизации» таких сфер деятельности, как медицина и образование, вполне реальна и уже вполне реализуема сегодня. То есть дискурсы автоматизации и роботизации могут служить для легитимации выбора наиболее минималистических стратегий социальной политики: зачем вкладываться в развитие человека, если все усилия тщетны, а труд людей будет заменен ИИ и роботами? Проще выплатить всем базовый доход, а средства на это найти путем сокращения или полной ликвидации институтов государства всеобщего благосостояния. В конце концов, люди, получая ежемесячные \$1000, вполне могут скачать на свои смартфоны медицинские приложения или просматривать обучающие видеоролики, вообще не тратясь на образование. Иными словами, «техносоциализм» оказывается, по сути, радикальным неолиберализмом³.

Какая судьба уготована человечеству, согласно современным технократам? Старший преподаватель права в Национальном университете Ирландии (NUI) в Голуэе Дж. Данахер представил свое видение, являющееся типично технократическим. По его мнению, есть только два варианта будущего, когда у людей еще остается смысл существования в эпоху

² Принадлежит Meta, запрещенной на территории России.

³ Возможно, это следствие ситуации, когда «капитализм заканчивается, а предыстория – нет» [Фишман, 2022], то есть все равно остаются элиты разного толка от капиталистов до креативщиков, стратаперов, обитателей университетских кампусов и знаменитостей, с которыми непонятно что делать, так как «эксплуатировать» их все менее выгодно. Элитам такого мира продолжающейся предыстории хорошо подходят технократически-оптимизирующие дискурсы, которые можно представить как квазилевые.

«разумных машин». Первый вариант – это киборгизация и «гонка вооружений» с роботами с целью сохранения трудовой субъектности. Однако такой вариант не нравится Данахеру. Он считает труд бременем и не уверен, что люди долго смогут составлять конкуренцию роботам и ИИ. Соответственно, он отдает предпочтение второму пути: «утилизации» людей в виртуальных мирах. Данахер, разумеется, не выражается столь грубо. Он позитивно смотрит на то, чтобы люди будущего искали смысл жизни в компьютерных играх. «Переход к миру, в котором мы проводим большую часть нашего времени, играя в игры, станет значительным общественным достижением» [Danaher, 2019: 251]. Правда, не стоит удивляться тому, что и Данахер выстраивает свои суждения преимущественно на футурологических экстраполяциях и пресс-релизах технологических компаний. Позиция Данахера также звучит как призыв расслабиться и ничего не делать: все и так хорошо. Современная индустрия развлечений снабжает потребителей дешевыми развлечениями, а значит, утопия мира «после работы» близка (и вовсе не утопия, а ближайшая реальность).

Возможно, если бы перспектива грядущего восхождения роботов и ИИ действительно была близкой и актуальной, мы могли бы рассматривать «утопию игр» или «техносоциализм» всерьез. Тем не менее в своих попытках представить грядущую всеобщую роботизацию и торжество ИИ как нечто неизбежное такие авторы, как Данахер, а вместе с ним Кинг и Пэтти, терпят неудачу. Мы не будем здесь разбирать известные прогнозы о том, что через несколько десятков лет 50% и более профессий исчезнут, и подобные им. Р. Капелюшников представил исчерпывающий обзор, показывающий, что такие прогнозы неоднократно оказывались провальными [Капелюшников, 2017]. Для нас важны идейная и социальная стороны вопроса.

В книге «Конец труда: как обещанная автоматизация ухудшила работу» преподаватель истории Колумбийского университета Дж. Резникофф убедительно показывает, что дискурс автоматизации, берущий начало в 1950-х гг., всегда был идеологией. Этот дискурс убедил рядовых представителей общества в том, что трудовая деятельность несовместима со свободой. Лидеры профсоюзов, представители новых левых, архитекторы войны с бедностью, феминистки, законодатели и теоретики освобождения чернокожих приняли не только веру в скорое удаление всего труда из промышленности, но также и деградировавшее определение работы, которое подразумевал «дискурс автоматизации». Вместо того, чтобы обвинять начальство в гнетущих условиях наемного труда, рабочие все чаще обвиняли во всех грехах саму «работу». Однако автоматизация не всегда означала меньше труда или меньше занятых рабочих. Напротив, наиболее «автоматизированные» производства характеризовались ускорением темпов труда и необходимостью двигаться в одном темпе с машинами. «Да, внедрение машин могло уменьшить количество человеческого труда, необходимого для производства товаров, но оно также затуманило отношения между людьми. В этих условиях социальное господство может показаться продуктом действий машин, а не решений менеджеров, финансистов и законодателей, которые, конечно, слишком человечны» [Resnikoff, 2022: 198–199]. Вся суть дискурса автоматизации заключается в том, что «работодатели внедряют технические новшества для ускорения, деградации и интенсификации человеческого труда, позволяя им нанимать меньше рабочих и заставлять потеть тех, кто остался. Работодатели называют это трудосберегающими технологиями; они называют это “автоматизацией”» [ibid.: 189].

Сегодня подобное наблюдается повсеместно. Л. Манн, исследователь из Аотеароа (Новая Зеландия), в книге «Автоматизация – это миф» показывает, что автоматизация является социальным конструктом, сотканным из материалов СМИ и популярных бестселлеров. Миф об автоматизации является набором абстрактных суждений и прогнозов, оторванных от социального контекста. Когда социологи сталкиваются с реальными рабочими, с реальными производствами, то они начинают с большим скепсисом смотреть на перспективу внедрения роботов и ИИ. Несмотря на риторику, уверяющую нас в неизбежности скорой тотальной автоматизации, когда машины будут работать полностью независимо, заменив производство и сделав человека устаревшим, Манн показывает, что

работа состоит из ряда нетривиальных проблем, полных несоответствий и крайних случаев. Даже самый «примитивный» труд, оказывается, очень сложен и сильно дифференцирован. Задачи могут требовать огромного разнообразия жестов рук, глубоких знаний предметной области для принятия решений или способности импровизировать и справляться с кризисами. Свои наблюдения Манн подкрепляет собственными исследованиями высокотехнологичных складов, где все еще работает очень много работников-людей. Но эти работники-люди испытывают возросший стресс, так как вынуждены в «автоматизированных» местах подстраиваться под безумный ритм складских роботов. Но важнее даже другое: «автоматизация вводит спектр работ, значительная часть которых является низкооплачиваемой, монотонной, ненадежной – или всем вышеперечисленным» [Munn, 2022: 30]. Такие разновидности работы часто скрыты, «невидимы». М.Л. Грей и С. Сури, к примеру, говорят о «призрачной работе» [Gray, Suri, 2019]. Как они показывают, услуги, предоставляемые такими компаниями, как Amazon, Google, Microsoft и Uber, могут функционировать без сбоев только благодаря суждениям и опыту огромной, невидимой человеческой рабочей силы. Эти люди, выполняющие «фантомную работу», заставляют ИИ казаться «умным». Они выполняют высокотехнологичную сдельную работу: помечают контент с рейтингом X, корректируют тексты и многое другое. Они зарабатывают меньше установленного законом минимума для традиционной работы, у них нет медицинских пособий, их могут уволить в любое время по любой причине. Все это, разумеется, внешне выглядит в высшей степени «автоматизированным». Ф. Джонс также замечает в книге «Работа без рабочего: труд в эпоху платформенного капитализма», что магия машинного обучения – это рутинная маркировка данных. Он говорит о возросшей популярности т.н. «микроработы», когда на таких платформах, как Mechanical Turk, люди занимаются часто изматывающей эмоционально рутинной, модерирова соцсети (на предмет подчас шокирующих материалов) или «обучая» ИИ за сущие гроши. По его оценкам, в настоящее время число «микрорабочих» составляет не менее 20 млн человек, большая часть которых проживает на Глобальном Юге, в Южной Америке, Восточной Азии и на Индийском субконтиненте. Как пишет Джонс, «теоретики автоматизации, скептики или противники, обычно сосредотачивают дискуссию на массовой безработице. Но армагеддон безработных – отвлекающий маневр. Вместо этого мы видим, как все больше рабочих мест в сфере услуг трансформируется в гиг-, микро- и краудворк, где работа над алгоритмом и вместе с ним – это форма, которую обычно принимает автоматизация. В случае микроработы эти “работы” слишком часто напоминают безработицу» [Jones, 2021: 52].

Одно исследование как нельзя лучше продемонстрировало мифологичность дискурса автоматизации. Дж. Райт, научный сотрудник Института Алана Тьюринга, провел длительное исследование (2016–2020) с помощью методов этнографии и интервью в японских домах престарелых и в технологических корпорациях, занимающихся производством роботов, которые, как предполагается, помогут решить проблему ухода за стареющим населением. Это, как известно, очень серьезная проблема для страны, проводящей политику недопущения массовой иммиграции. Данное исследование позволило проверить сразу несколько распространенных представлений о будущем роботизации и ИИ: люди-работники будут не нужны, роботы и ИИ обеспечат людей всем необходимым и т.д. Подобные технократические взгляды оказались близки японскому правительству. Однако исследование Райта показало, что в реальности все намного сложнее. Сложности начались уже на стадии разработки. Райт указывает на бюрократические издержки процесса разработки роботов для *care work*, на отчужденность групп разработчиков друг от друга и, главное, на отчужденность разработчиков от конечных потребителей – престарелых. Для разработчиков был характерен настрой на рационализированную, тейлоризированную и дегуманизированную версию заботы. Как отмечает Райт, «внизу этой иерархии находится взаимодействие человека и робота (HRI), которое многие инженеры считают тривиальной гуманитарной наукой» [Wright, 2023: 56]. Далее Райт перемещается в один из домов престарелых, где наблюдает за самим процессом ухода. Он замечает, что труд

сотрудников очень индивидуален, наполнен эмоциями, общением, шутками и постоянным решением нетривиальных задач, так как каждый пациент также обладал индивидуальными особенностями или болезнями. Знание особенностей жильцов позволило обслуживающему персоналу замечать болезни до того, как они ярко себя проявят. При этом очень важную роль играли тактильные ощущения: прикосновения, поглаживания, объятия способствовали эмоциональному сближению работников и жителей. Наконец, Райт наблюдал за попытками внедрения роботов в повседневную жизнь дома престарелых. Всего было три робота: Hug (робот-подъемник), Pargo (робот-игрушка в виде разговаривающего детеныша тюленя) и Perpper (универсальный робот, осуществляющий функцию присмотра, проводящий физкультурные занятия и т.п.). Как в итоге оказалось, ни один из роботов не имел значимого успеха ни среди сотрудников, ни среди жителей. Hug был грубый, от него у многих жителей болели руки, а работники, несмотря на постоянные боли в спине, все равно предпочитали переносить стариков вручную, поскольку это позволяло сохранить тактильную близость и учитывать их индивидуальные особенности. Pargo пользовался успехом лишь у некоторых жителей, однако из-за него возникали новые проблемы: к примеру, страдающая деменцией старушка подумала, что это ее ребенок и начала заботиться о нем, перестав принимать пищу и разговаривать с другими людьми. Perpper создавал больше работы, а не экономил ее. На физкультурных занятиях он вызывал интерес лишь в тех случаях, когда все его движения повторял сотрудник-человек. Как резюмирует Райт, «технократы в правительстве и МЕТИ предполагали, что роботы будут средством сокращения затрат и экономии труда, помогут обуздать растущие государственные расходы на уход. Но, наоборот, роботы для ухода стоят дополнительных денег и требуют дополнительного труда» [ibid.: 141]. По наблюдениям Райта, поднявшего статистику внедрения подобных роботов в других домах престарелых, ни одна из моделей роботов так и не возымела массового спроса. Райт делает еще одно важное наблюдение. Роботы вроде Perpper как бы потенциально *деквалифицировали труд*: уход за роботом был в большинстве случаев проще, чем уход за человеком, не требовал коммуникативных навыков и даже владения японским языком. В этом наблюдения Райта пересекаются с замечаниями авторов, упомянутых выше: автоматизация в современных условиях служит не столько вытеснению людей, сколько деквалификации труда, его обесценению, *экономии средств за счет качества*. В доме престарелых реально никакой экономии, разумеется, не было, но гипотетически она возможна, если, скажем, вместо сотрудников-японцев нанять больше не знающих японского языка мигрантов, основная роль которых могла бы заключаться в передвижении и обслуживании роботов типа Perpper. Однако был в доме престарелых и другой путь улучшения жизни постояльцев: не роботизация, а *гуманизация труда* путем уменьшения трудовой нагрузки (заметим, это подразумевает *больше сотрудников-людей*), замены рутины творческими компонентами (шутки, небольшие стендап-шоу, непосредственное общение с жильцами и прочее).

То, что выявил Райт, можно экстраполировать на многие другие сферы труда, включая медицину и образование. Профессор Бруклинской школы права, специалист в области правовых исследований искусственного интеллекта Ф. Паскуале также замечает, что внедрение искусственного интеллекта и роботов – удобный повод для технократов сэкономить на медицине и образовании за счет «человечности» труда. «В обычной медицинской практике, – пишет он, – слишком много неопределенности, чтобы целиком сводить ее к алгоритмам, которые обычно в шутку называют «поваренной медициной». Пациенты хотят также, чтобы осмотр вел человек, готовый посочувствовать их страданиям и их подбодрить, дабы они быстрее выздоравливали. Точно так же многие родители, вероятно, не захотят, чтобы их детей учил общенациональный учитель, транслируемый по телевидению или радио, и неважно, какого сокращения налогов, выплачиваемых на систему образования, удалось бы при таком подходе достичь» [Паскуале, 2022: 56]. Здесь мы лишь могли бы добавить следующее: если уж и говорить о возможном технологически обусловленном изобилии, то подлинное такое изобилие должно позволять *расширять*

человеческий труд и делать его более важным и значимым, а не сокращать его, так как бороться за полноценное развитие личности и здоровье каждого можно, по сути, с применением бесконечно возможных человеческих усилий (люди стареют и можно бесконечно долго бороться за жизнь каждого, применяя все новые и новые медицинские технологии, а сделать из каждого яркую личность и дать этой личности полноценно развиваться – задача сверхсложная). Основные же тезисы Кинга и Пэтти – это рецепт деквалификации соответствующего труда. Это, несомненно, позволит сэкономить, создав иллюзию технологически обусловленного изобилия, но только ценой снижения качества из-за утраты индивидуального подхода и аффективных компонентов взаимодействия. Миф об автоматизации трансформируется в миф о техносоциализме.

Заключение. Какой можно сделать вывод из сказанного выше? Прежде всего мы можем уверенно сказать, что в техносоциализме Б. Кинга и Р. Пэтти, собственно, нет ничего социалистического. Они выстраивают свои прогнозы о грядущем технологически обусловленном изобилии на весьма спорных данных, дабы обосновать не реальные социально-политические изменения, а их преимущественно технологический суррогат. Логика технократических дискурсов ведет не к коммунизму/социализму, а к обществу радикального социального неравенства. В таком обществе утрата трудовой субъектности для большинства людей наступает гораздо раньше, чем реальные роботы становятся по-настоящему умными и трудоспособными. Большинству «лишних людей» находится место в виртуальных мирах, о чем сегодня пишут уже напрямую, ничего не скрывая. На базовый доход можно будет содержать поколение «минималистов», довольствующихся миром дешевых развлечений и доступных гаджетов. Вместо мира, в котором происходит гуманизация труда и его качественное улучшение путем минимизации рутины и потогонной нагрузки, а также переориентации всех важнейших социальных институтов на человека и его развитие (прежде всего – в сферах образования и медицины), мы встречаем мир, где труд человека благодаря «автоматизации» деквалифицируется и унижается. Примечательно, насколько близко то, о чем пишут Кинг и Пэтти, тому, о чем пишут теоретики неофеодального общества. Как замечает Дж. Коткин, «точно так же неофеодальный порядок заменит акцент на восходящей мобильности и семье стремлением к комфортной, субсидируемой жизни, потворствуя цифровым помойкам, которые удерживают массы в их метафорических подвалах. Уже сейчас примерно половина всех американцев поддерживает идею гарантированного базового дохода в размере около \$2000 в месяц, если роботы оставят их без работы» [Kotkin, 2020: 224]. То есть, пытаясь избежать сценария неофеодального будущего, Кинг и Пэтти все равно из-за классовой обусловленности своего мышления конструируют мир, который по своему существу является неофеодальным или порождающим радикальное социальное неравенство (ведь на вершине социальной пирамиды останутся те, кто будет внедрять технологические инновации). Заметим, все это вполне себе посткапитализм. В конце концов, небольшая горстка следующих своей мечте об изменении мира технократов и все остальные, довольствующиеся жизнью на базовый доход и развлекающиеся в виртуальных мирах, – это уже не совсем буржуазная социальная структура. Может ли быть так, что в рассуждениях технократов о техносоциализме просматривается наше неизбежное антагонистическое будущее?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин. Работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий. М.: АСТ, 2017.
- Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? // Вопросы экономики. 2017. № 11. С. 111–140.
- Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? М.: ВШЭ, 2020.
- Кинг Б., Пэтти Р. Техносоциализм. Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок. М.: Олимп-Пресс, 2022.
- Котлер С., Диамандис П. Изобилие. Будущее будет лучше, чем вы думаете. М.: АСТ, 2018.

- Мартьянов В.С., Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М.: ВШЭ, 2019.
- Мейсон П. Посткапитализм. Путеводитель по нашему будущему. М.: Ад Маргинем, 2016.
- ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: ВШЭ, 2020.
- Паскуале Ф. Новые законы робототехники. Апология человеческих знаний в эпоху искусственного интеллекта. М.: Дело, 2022.
- Пинкер С. Просвещение продолжается: В защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.
- Риддли М. Рациональный оптимист. М.: Эксмо, 2015.
- Сасскинд Д. Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Individuum, 2020.
- Срничек Н., Уильямс А. Изобретая будущее. Посткапитализм и мир без труда. М.: Strelka Press, 2019.
- Сторр У. Селфи. Почему мы заиклены на себе и как это на нас влияет. М.: Индивидуум, 2019.
- Фишман Л.Г. Капитализм заканчивается, а «предыстория» – нет? // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 112–122.
- Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.
- Barbrook R., Cameron A. The Californian Ideology // Science as Culture. 1996. Vol. 6 (1). P. 44–72.
- Bastani A. Fully Automated Luxury Communism. New York: Verso, 2019.
- Broockman D.E., Ferenstein G., Malhotra N. Predispositions and the Political Behavior of American Economic Elites: Evidence from Technology Entrepreneurs // American Journal of Political Science. 2019. Vol. 63(1). P. 212–233.
- Danaher J. Automation and Utopia: Human Flourishing in a World without Work. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.
- Frase P. Four Futures: Life After Capitalism. New York: Verso, 2016.
- Gray M.L., Suri S. Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass. New York: Mariner Books, 2019.
- Jones P. Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism. New York: Verso, 2021.
- Kotkin J. The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class. New York, Encounter Books, 2020.
- Munn L. Automation Is a Myth. Stanford: Stanford University Press, 2022.
- Resnikoff J. Labor's End: How the Promise of Automation Degraded Work. Champaign: University of Illinois Press, 2022.
- Smil V. How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going. New York: Viking, 2022.
- Wright J.A. Robots Won't Save Japan: An Ethnography of Eldercare Automation. Ithaca: Cornell University Press (ILR Press), 2023.

Статья поступила: 23.06.23. Принята к публикации: 27.07.23.

TECHNO(CRATO)SOCIALISM: A CRITICAL LOOK AT THE IDEAS OF B. KING AND R. PETTY

DAVYDOV D.A.

Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Russia

Dmitry A. DAVYDOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law of UB RAS, Yekaterinburg, Russia (davydovdmity90@gmail.com).

Abstract. The article deals with the concept of technosocialism by B. King and R. Petty. The author shows that this concept was a result of a synthesis of many intellectual trends of recent years: belief in technological progress and technologically driven abundance, discourses of automation and ideas of the advent of the era of artificial intelligence dominance, as well as various concepts of post-capitalism, based on the ideas of post-labor society, the "capitalist road to communism", unconditional basic income, etc. According to King and Petty, socialism can be achieved not through political revolutions or radical socio-political transformations, but with the help of the latest technologies, robots and artificial intelligence. All that needs to be done is to redirect the flow of "gifts of automation" from the exceptionally wealthy to everyone else through a series of cosmetic changes, such as taxation of robots and unconditional basic income. The article reveals the vulnerable sides of King and Petty position. The author shows that their concept represents a technocratic class position, their views on the coming technologically driven abundance are naive and based on shaky empirical grounds. The technosocialism of King and Petty turns out to be techno(crato)socialism when viewed closely, since their version of post-capitalist society is characterized not so much by the true realization of the personal potential of everyone, but by radical social stratification. It is also characterized by degraded and unskilled labor, "optimization" of such important areas of activity as education and medicine, as well as the redirection of material resources from the field of social policy to the field of consumption (basic income).

Keywords: technosocialism, post-capitalism, socialism, communism, technocracy, basic income, Marxism, post-Marxism, automation, robotization.

REFERENCES

- Barbrook R., Cameron A. (1996) The Californian Ideology. *Science as Culture*. No. 1: 44–72.
- Bastani A. (2019) *Fully Automated Luxury Communism*. New York: Verso.
- Broockman D.E., Ferenstein G., Malhotra N. (2019) Predispositions and the Political Behavior of American Economic Elites: Evidence from Technology Entrepreneurs. *American Journal of Political Science*. No. 1: 212–233.
- Brynjolfsson E., McAfee A. (2017) *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Danaher J. (2019) *Automation and Utopia: Human Flourishing in a World without Work*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fishman L.G. (2022) Capitalism is Ending, but "Prehistory" is Not? *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations]. No. 10: 112–122. (In Russ.)
- Ford M. (2016) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Frase P. (2016) *Four Futures: Life After Capitalism*. New York: Verso.
- Gray M.L., Suri S. (2019) *Ghost Work: How to Stop Silicon Valley from Building a New Global Underclass*. New York: Mariner Books.
- Jones P. (2021) *Work Without the Worker: Labour in the Age of Platform Capitalism*. New York: Verso.
- Kapeliushnikov R.I. (2017) Is Technological Change a Devourer of Jobs? *Voprosy Ekonomiki* [Questions of Economic]. No. 11: 111–140. (In Russ.)
- Kapeliushnikov R.I. (2020) *Universal Basic Income: Does It Have a Future?* Moscow: VSHE. (In Russ.)
- King B., Petty R. (2022) *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate will Usher in a New World*. Moscow: Olimp-Press. (In Russ.)
- Kotkin J. (2020) *The Coming of Neo-Feudalism: A Warning to the Global Middle Class*. New York, Encounter Books.
- Kotler S., Diamandis P. (2018) *Abundance: The Future Is Better Than You Think*. Moscow: AST Publ. (In Russ.)
- Mart'ianov V.S., Fishman L.G., Davydov D.A. (2019) *Rental society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy*. Moscow: VSHE. (In Russ.)

- Mason P. (2016) *Postcapitalism: A Guide to Our Future*. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)
- Munn L. (2022) *Automation Is a Myth*. Stanford: Stanford University Press.
- van Parijs P., Vanderborght Y. (2020) *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*. Moscow: VSHE. (In Russ.)
- Pasquale F. (2022) *New Laws of Robotics: Defending Human Expertise in the Age of AI*. Moscow: DELO. (In Russ.)
- Pinker S. (2021) *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
- Resnikoff J. (2022) *Labor's End: How the Promise of Automation Degraded Work*. Champaign: University of Illinois Press.
- Ridley M. (2015) *The Rational Optimist. How Prosperity Evolves*. Moscow: Eksmo. (In Russ.)
- Smil V. (2022) *How the World Really Works: The Science Behind How We Got Here and Where We're Going*. New York: Viking.
- Srnicek N., Williams A. (2019) *Inventing the Future: Postcapitalism and a World Without Work*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
- Storr W. (2019) *Selfie. How we Became So Self-Obsessed and What It's Doing to Us*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Susskind D. (2020) *A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond*. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Wright J.A. (2023) *Robots Won't Save Japan: An Ethnography of Eldercare Automation*. Ithaca: Cornell University Press (ILR Press).

Received: 23.06.2023. Accepted: 27.07.2023.

Г.А. КЛЮЧАРЕВ

НАВСТРЕЧУ БУДУЩЕМУ: НЕПРЕРЫВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО ЛЕГИТИМАЦИЯ В МАШИННОМ ИСПОЛНЕНИИ

КЛЮЧАРЕВ Григорий Артурович – доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН; профессор кафедры философии, социологии, политологии имени Г.С. Арефьевой Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», Москва, Россия (Kliucharev@mail.ru).

Аннотация. Развитие наукоемких технологий и их повсеместное вхождение в жизнь радикально преобразуют социальную реальность. Образование (учеба, просветительство и даже любознательность, любопытство) становится одной из важнейших социальных технологий, основанных на искусственном интеллекте и цифровизации. В этом контексте – посредством машинного обучения (онлайн, офлайн, дистанционно) и цифровых технологий – Б. Кинг и Р. Пэтти, авторы обсуждаемой книги «The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate will Usher in a New World» (2021), декларируют неизбежность реформирования капитализма (во всех его нынешних проявлениях) и перехода к «техносоциализму», при котором большая часть человеческого труда будет автоматизирована, а технологические достижения позволят приблизиться к социалистическим идеалам всеобщего равенства и справедливости. Образование и, что особенно важно, непрерывное и всеобщее машинное образование (обучение) становится неизбежным путем и условием перехода к такому обществу. Конечно, это идеализация и в какой-то мере – социотехнократический манифест. Но он опирается на реальные процессы, которые происходят сегодня в жизни.

Ключевые слова: социум • технологии • наука • искусственный интеллект • непрерывное образование • машинное обучение • техносоциализм

DOI: 10.31857/S013216250027783-4

Обсуждаемая книга Б. Кинга и Р. Пэтти¹ имеет все признаки международного бестселлера – мощная рекламная кампания, синхронный перевод за счет издательства на ведущие языки мира, внушительный объем бумажной версии. Это попытка разобраться, каким станет мир к 2030–2050-х гг. благодаря беспрецедентному развитию наукоемких технологий и в первую очередь искусственному интеллекту (ИИ, или в англоязычном написании Artificial Intellect – AI).

Очевидная заслуга авторов – это введение в широкий оборот концепта «техносоциализм», который обозначает иной миропорядок, основанный на новых ценностях и технологиях. То, о чем пишут авторы, можно было бы назвать «техномарксизмом» в смысле теории и «технокоммунизмом» в смысле практики, поскольку речь идет о выравнивании прав и возможностей подавляющего большинства населения с помощью цифровых технологий и «умных» устройств. Перефразируя Маркса, можно сказать, что новые технологии выполняют функции «могильщика» современного капитализма и рыночной экономики. Техника вместе с человеком становится субъектом не только общественной, но и личной жизни. Она берет на себя все рутинные и повторяющиеся

Автор выражает благодарность С.Ю. Демиденко и И.П. Поповой за идею данной статьи и стимулирующую критику в процессе её написания. В работе частично использовалась технология Data-mining искусственного интеллекта при анализе массива источников по заданной теме.

¹ Кинг Б., Пэтти Р. Техносоциализм. Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок. М.: Олимп-Бизнес, 2022.

процессы, *высвобождает* (опять термин классика) человека для творческого труда, саморазвития, спорта, занятий любительскими видами деятельности, включая социальное предпринимательство, волонтерство, помощь другим людям и животным.

Техносоциализм создает такую искусственную социальность, которая *существует и воспроизводится через обучение*. Именно в процессе реформирования нынешней системы в сторону непрерывного образования – повышение квалификации, переподготовка на новые специальности и виды деятельности (не только профессиональной, но и любительской, досуговой) – авторы видят единственный путь смягчения неизбежного последствия «роботизации» – всеобщего сокращения рабочих мест.

К концепту реформирования образования. Собственно «бросить вызов» массовому образованию, которое, как правило, непосредственно отвечает государственным интересам и провластным общественным структурам, удастся немногим. Тем не менее критика массового образования периодически вызывает горячие дискуссии. Назовем лишь несколько известных авторов, работы которых стали возмутителями спокойствия в разных странах: Н. Грюнтивиг [Korsgaard, 1997], П. Гудман [Goodman, 1966], Дж. Дьюи [1924; 2000], И. Иллич [2006], Э. Линдемман [Lindemann, 1925], Б. Ридингс [Readings, 1997], П. Фрейре [Freire, 1970]. В той или иной степени, эти и многие другие авторы активно развивали *агентный (субъектный)* подход, трансформирующий изнутри системы образования [Сорокин, Фруммин, 2022]. Указанные реформаторы не были апологетами элитного и эксклюзивного образования, напротив, они обращались именно к массовому, доступному широким слоям населения образованию и учебным практикам. И в этом смысле их всех можно считать социалистами, в общепринятом смысле этого термина.

Характерна еще одна важная особенность реформ в образовании: их направленность либо на институты (школа, церковь, университет, академия), либо на внеинституциональные учебные практики (самообразование, социальное предпринимательство, волонтерство, сетевая активность, митинги, протесты, референдумы). Впрочем, такая *дихотомия по признаку институциональности* относительна. Со временем практики могут институционализироваться (например, призывы парламентариев ряда стран законодательно регулировать частную учебную деятельность через Интернет) либо напротив (например, отказ от лицензирования многих форм дополнительного образования, которое существует в виде групп здоровья, фитнесов, турклубов, сообществ по интересам и сетевых групп).

Не стоит забывать и о национальной (этнической) составляющей любой образовательной реформы. Хрестоматийным примером в этой связи стал опыт скандинавских стран, который специально изучали многие теоретики непрерывного образования из самых разных стран от США до Японии. Так, например, в Дании после военного поражения от Германии (конфликт Шлезвиг-Гольштейн, 1864 г.) реформа образования использовалась для возрождения национального самосознания, путем организации национальной сети небольших резидентных (с проживанием) школ, которая получила трудно переводимое на другие языки название *folkeoplysning* [Korsgaard, 1997]. Да и сами немцы в разные исторические периоды культивировали в образовании национально-идеологическую компоненту – *Bildung*, идущую от Гегеля и также плохо переводимую на другие языки [Черникина, 2016].

Похожим по замыслу и общенациональной значимости был советский идеологический образовательный проект *партийного просвещения (партпрос)* и университетов *марксизма-ленинизма* (1938–1992), через которые прошли несколько десятков миллионов советских граждан [Бабко, 1978].

Сегодняшний день также дает примеры институциональных преобразований в учебном процессе. Так, с 1 сентября 2023 г. вступает в силу Приказ Минобрнауки № 662 от 19.07.2022 об углубленном изучении курса «История Россия». Курс должен «противодействовать фальсификации истории в любых ее проявлениях, формировать

у студентов чувство патриотизма, гражданственности, уважения к памяти поколений, ответственности за судьбу страны»². За счет каких учебных дисциплин планируется вдвое увеличить число часов по данному курсу в учебных планах – не уточняется.

Разумеется, количество подобных примеров, когда с помощью образования происходят социальные трансформации, множество. Стремление осмыслить этот феноменологический ландшафт многообразия практик и концепции реформирования образования удалось на теоретическом уровне путем введения методологического принципа непрерывного образования (*lifelong-lifewide learning*) [Непрерывное образование..., 2008; Вершловский, 2008; Ключарев, 2017].

Постараемся показать далее, что будущее образования и учебных практик в парадигме техносциализма вполне соответствует этому принципу. При этом следует различать два ключевых понятия: «образование» как формализованная и институционализованная практика (социальный процесс) и «учеба, учебная практика», которая не обязательно формализована, не всегда институционализована и обусловлена возрастающей субъектной агентностью тех, кто получает новые знания, навыки, компетенции [Константиновский и др., 2013]. В этом отчетливо просматривается теоретическая преемственность с мэтрами зарубежных образовательных реформ, чьи имена названы выше.

Из современных отечественных теоретиков реформирования российской системы образования стоит назвать в первую очередь Э.Д. Днепров, Я.И. Кузьмина, М.М. Юдкевич, В.В. Радаева. Их работы связаны преимущественно с высшей школой, реформирование которой более двух десятилетий проходило в рамках Болонского процесса³. Это и понятно, если учитывать исключительно важную роль именно вузов и университетов в подготовке интеллигенции и так называемого *креативного класса*. Не стоит забывать и то обстоятельство, что в России все реформы институционализируются «сверху». Имплементация болонских принципов коснулась в первую очередь высшей школы, хотя Единый государственный экзамен, подготовка к нему и скрытые расходы на репетиторов, коррупционные практики и пр. имеют отношение именно к средней общеобразовательной школе [Ключарев, Тюрина, 2023].

Непрерывное образование в технологической парадигме. Радикальные изменения в сфере общего, профессионального и дополнительного образования очевидно ожидают нас в ближайшее десятилетие. Иницируют эти изменения сама техносциальная среда и ее акторы – люди и ИИ⁴ (нейросети). Легитимировать эти изменения или нет, а если да, то в какой степени, – реальный вызов властям и обществу. Не ответить на этот вопрос нельзя. В современной реальности неизбежные радикальные реформы имеют онтологический статус. Подобно эйнштейновской теории относительности их задает само пространство–время. В нашем случае, социальное, конечно.

С появлением искусственной социальности приходится отказываться от распространённого не одно столетие антропоцентричного подхода – «человек – мера всех вещей», «мир есть таков, каким его наблюдает человек». На смену механистической картине мира, где техника и человек противопоставлены друг другу, где все жестко детерминировано, а истина – абсолютна, приходит более сложное, гибридное понимание реальности с присущим ему вероятностным знанием. В искусственной социальной

² См.: URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/59646/> (дата обращения: 30.07.2023).

³ Савицкая М., Филиппов В. Чем обернется выход России из Болонского процесса // Независимая газета. 30.03.2022.

⁴ Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2023 года в Российской Федерации под ИИ понимается «комплекс технологических решений, который позволяет имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с интеллектуальными достижениями людей». См.: URL: <https://base.garant.ru/72838946/#block-1000> (дата обращения: 22.05.2023).

реальности актором становится «постчеловек», в котором невозможно отличить естественное от искусственного [Брайдогги, 2022; Мортон, 2022; Резаев, Трегубова, 2020]. Причем речь идет не столько о человеке-киборге, изначально биологическом субъекте, а о трансформации всей социальной среды (прежде всего, институтов) под особенности и вызовы со стороны ИИ и нейросетей (право, мораль, безопасность и т.д.). Вспомним в этой связи российских академиков И.Т. Фролова и Н.Н. Моисеева [Моисеев, Фролов, 1984: 24–41] и их концепт «высокое соприкосновение человека и машины» или «Пять правил для Робота» известного писателя фантаста середины XX в. Айзека Азимова. Это были одни из первых, но тогда еще во многом умозрительные попытки описать предстоящие глобальные социотехнологические трансформации.

Сегодня же цифровые технологии привели к качественно новым состояниям и проявлениям искусственной социальности, которая существует и воспроизводится посредством непрерывного и всеобщего образования. При этом именно *машинное обучение* (*machine learning*) гарантирует предельную персонификацию учебного процесса – принцип *агентности* (*субъектности*) получает своё максимальное воплощение – человек изучает то, что интересно, лично значимо и с той скоростью, которая наиболее оптимальная для каждого. Вокруг нас постепенно – за счет распространения «умных» устройств и технологий – создается всеобщая обучающая среда и вне нашего желания и возможностей отказаться от нее.

Как все это отразится на системе образования? Илон Маск рассказал авторам рецензируемой книги, как он организовал для своих сыновей и других детей сотрудников компании SpaceX частную школу нового типа. Здесь нет уроков физкультуры, музыки, занятий свободными искусствами. В изучении иностранных языков также нет необходимости, поскольку ближайшие годы нейросети сделают переводы мгновенными без участия человека. Поэтому более перспективно изучать *машинные языки*, на которых пишутся алгоритмы для программного обеспечения умных устройств. Дети занимаются такими проектами (*проектная* форма обучения, а не *классно-урочная*, принятая сейчас в массовой школе), как создание огнеметов и роботов, запуск спутников и метеозондов, изучают политику и право, связанные с ядерными и генными технологиями, освоением космического пространства, стратегиями борьбы со злонамеренными нейросетями, знакомятся с основами морали и этики в сфере создания и применения современных цифровых технологий.

Стоит отметить, что такая элитная и, возможно, *меритократическая* (каждому – по способностям и по труду) система организации занятий и их содержание вряд ли совпадают с задачами государственного образования и так называемыми в нашей стране *государственными образовательными стандартами* (ФГОСы), которые созданы под массовое (эгалитарное) обучение. Но необходимость использования меритократического принципа при дальнейшем развитии системы общего, да и специального образования неизбежно придется учитывать. Именно потому, что он отвечает интересам государства в части подготовки определенного числа высококвалифицированных и особо востребованных на рынке труда работников – профессиональной элиты. Массовое образование такую задачу не ставит и не решает в необходимом масштабе.

Еще бóльшие изменения произойдут в области профессионального образования. Благодаря развитию онлайн, офлайн и дистанционного обучения резко повысится доступность контента мирового уровня, который станет повсеместным и очень недорогим (в десятки, а может быть и сотни раз ниже, чем нынешняя плата во многих университетах). Такие площадки, как Coursera, Udacity, Khan Academy, Яндекс-университет, массовые открытые онлайн-курсы (МООК) НИУ ВШЭ, уже демонстрируют, что лучший и востребованный контент можно преподавать удаленно. При этом практические знания отрабатываются и закрепляются при помощи программ-симуляторов, максимально имитирующих реальность.

Нынешняя модель обучения, предполагающая лекции, вместительные поточные аудитории, структурированное расписание, строго определяемое время и продолжительность занятий, учебники на бумажном носителе, подвергнется существенному пересмотру и постепенно сойдет на нет. Личный опыт и непосредственное общение там,

где они необходимы, переместятся в сферу корпоративного и дополнительного образования (производственные и учебные практики, наставничество, стажировки и т.д.). Помимо нескольких десятков авторитетных университетов (преимущественно из числа национальных исследовательских и федеральных), которые располагают серьезным кадровым потенциалом и имеют высокую репутацию у работодателей и абитуриентов, оставшиеся несколько сотен (это только в России) останутся не у дел. Некоторые из них смогут выживать в рамках государственного и социального заказа поддержки территорий и регионов⁵, а также продолжающейся конкурентной борьбы университетов за пул платежеспособных студентов.

Можно согласиться с авторами рецензируемой книги, что подавляющее большинство университетов даже в таких странах – крупнейших мировых поставщиках образовательных услуг, как США, Франция, Великобритания, Россия, Германия, Китай, превратятся в «фабрики дипломов», а сам университетский диплом станет не более, чем «квитанцией за обучение».

Ожидается, что выпускники университетов XXI в. будут готовы сменить от трех до десяти различных профессий в течение первых десяти лет после окончания Alma Mater. Как будет происходить такая смена профессий? Кто станет «провайдером» переучивания? И нужны ли будут университеты в этом новом мире? Вопросы отнюдь не риторические. Такие крупные и успешные компании, как Google, Apple, Visa, IBM, SpaceX, Tesla, Hilton и многие другие, уже давно не требуют диплома об образовании при трудоустройстве. Достаточно грамотно составленного CV (которое, кстати, составляют специалисты в этом деле) и обстоятельного собеседования. Большое значение имеют предыдущий опыт работы и рекомендации. Многие предлагают для начала поработать испытательный срок. В этой связи в книге приводятся слова И. Маска: «Если кто-то окончил отличный университет, это может означать, что он способен на великие дела, но необязательно. Если вы посмотрите на таких людей, как, скажем, Билл Гейтс, Ларри Элисон⁶, Стив Джобс, – эти ребята не окончили даже колледжа, но будь у вас возможность принять их к себе, это, конечно, была бы отличная идея».

При распространении такого подхода на смену университетскому диплому может прийти документ о профессиональной сертификации от обучающей платформы, располагающей необходимым контентом и репутацией. Для сведения: шестимесячное обучение на одной из таких платформ (Coursera) по высококостребованным программам, таким как, например, анализ данных, компьютерный дизайн, ИТ-поддержка, стоит около 300 долл. США и дает выпускникам доступ к работе с зарплатой до 100 тыс. долл. в год.

«Конец эры Профессора». Задолго до широких дискуссий о природе искусственной социальности и ее особой роли в обучении Ж.-Ф. Лиотар в своей классической работе «Состояние постмодерна» задавался вопросом о том, кто решает чему учить и как? Что верно, а что нет? Каким образом происходит легитимация научного и иного (считаемого установленным) знания? Дело в том, что если нет ответов на эти вопросы, то наука нелегитимна – она не настоящая наука, пребывая в более низком статусе идеологии или средства власти [Лиотар, 1998: 94]. Ученый предвидел бурное развитие искусственного интеллекта (использовал принятый в его время термин «информатика») и его легитимирующую роль в учебном процессе. Эту особенность он метафорически назвал «концом эры Профессора».

Дело в том, что в классическом университете со времени его основателя Гумбольдта профессор (по должности) занимал наивысшее положение в преподавательской иерархии. Соответственно, профессор обладал самой высокой степенью

⁵ Неплохие перспективы в регионах имеют те университеты, которые готовят кадры для местных нужд с учетом территориальной и этнической специфики – педагогические, медицинские, сельскохозяйственные, энергетические.

⁶ Ларри Элисон (р. 1944) – председатель совета директоров и директор по технологиям компании Oracle.

легитимности. Ему разрешалось самостоятельно определять содержание своей учебной дисциплины, а также предлагать и читать авторские (не имеющие аналогов и не подлежащие тиражированию) лекционные курсы. Также предполагалось, что профессор имеет высокий авторитет в определенной области знаний и тем самым обеспечивает научный уровень преподаваемых дисциплин.

Однако с развитием машинного обучения и нейросетей роль профессора как авторитетного носителя знаний постепенно изменяется. В качестве примера приведем распространенную сегодня во многих университетах мира Эмпорийскую модель организации занятий. Эта модель рассчитана на потоки от 200 до 2000 студентов и представляет собою внутреннюю университетскую коммуникационную сеть, доступ в которую организован по принципу непрерывного образования – 24/7 – круглосуточно все дни недели. Студентам позволяется входить в контакт с обучающей программой (нейросетью) с любого подключенного в сеть устройства (что равносильно посещению учебной аудитории), когда они этого пожелают, и заниматься онлайн или непосредственно (офлайн) обучением, сколько они могут или желают. Разумеется, объем контрольных мероприятий (учебных модулей) остается в рамках семестра обязательным и неизменным. По их выполнению деканаты и учебно-методические подразделения судят об успешности прохождения того или иного курса. При этом небольшое число преподавателей-консультантов (tutors) постоянно в режиме онлайн наблюдают за происходящим и при необходимости оказывают помощь в чате [Коуэн, 2015: 212–213].

Преимущества такой организации учебного процесса заключаются в значительном снижении стоимости обучения (за счет экономии аудиторного фонда, сокращения числа преподавателей, отказа от бумажных учебных пособий) и максимально возможной персонализации учебного процесса. Под каждого студента адаптируется в режиме обратной связи скорость подачи материала, максимальная степень визуализации, удержание и концентрация внимания. При этом машинный разум сохраняет цифровой след учебной деятельности каждого студента, который становится доступен администрации для общего контроля качества обучения и выполнения необходимых бюрократических процедур [Другова и др., 2022].

Конечно, Эмпорийская модель пока не заменяет полностью традиционный порядок, когда студенты проживают на кампусе (где успешно неформально коммуницируют между собой) и приходят на лабораторные и практические занятия в установленное время (если опять-таки не предусмотрены занятия на симуляторах). Но сама возможность машинного обучения (прежде всего в теоретической и отчасти практической части) радикальным образом изменяет роль и статус университетского преподавателя, и прежде всего профессора. Профессору остается определить содержание и особенности курса, а его ассистент (владеющий машинным языком) вступает в диалог с нейросетью и готовит для нее учебный алгоритм и контент курса. По сути, машина учится у человека, а затем обучает других (студентов). Такое программное обеспечение можно применять (на основе договоренностей и взаимной выгоды) в других университетах, сохраняя толерантность к государственным стандартам.

Постепенно преподавателей оттеснят на второй план IT-специалисты, которые способны разбираться в выводах программ и переводить данные в цифровой формат⁷. Пример этому – *дополненная реальность (augmented reality)*. Специалист закладывает в обучающую программу параметры и объекты (факты, данные и т.д.), которые могут быть полезны при знакомстве с учебным материалом. А машина сама определяет, исходя из индивидуальных особенностей студента, какими данными, в каком

⁷ То, что этот процесс широко наблюдается и изучается, свидетельствует существование нескольких десятков высокорейтинговых научных журналов с говорящими сами за себя названиями: *Journal of Computer Assisted Learning*; *Journal of Education Datamining*; *International Journal of Educational Technology in Higher Education*; *International Journal of Artificial Intelligence in Education*; *Research and Practice in Technology Enhanced Learning*; *Computers & Education: Artificial Intelligence*; *American Journal of Distance Education* и др.

объеме и порядке «дополнять» материал. Преподаватели и особенно те, которые профессионально занимаются наукой, станут экспертами, имеющими наиболее четкое представление о происходящем. На смену профессору приходит эксперт: «...делегитимация и упор на результативность звонят отходную по эре Профессора., он уже не компетентнее, чем сеть запоминающих устройств, в деле передачи установленного знания» [Лиотар, 1998: 129]. Добавим, что постепенно в учебный процесс войдут нейропомощники и нейросекретари с дополненной реальностью, которые будут транслировать данные не только на экраны смартфонов и других умных устройств, но также для постоянного контакта на дисплей, встроенный в линзы очков. Принцип непрерывности образования, таким образом, находит свое техническое воплощение.

Разумеется, личностный фактор преподавателя сохранится. Но он будет использоваться преимущественно вне учебной аудитории – часто в неформальной обстановке – на практическом занятии, во время ознакомительной экскурсии, при игровой подаче материала (в процессе учебных игр) и, возможно, на вечерней лекции, которая проходит в свободном режиме (т.н. *liberal arts*).

Искусственная социальность по мере распространения машинного обучения постепенно превратит современный университет в принципиально новую институцию, легитимация которой лишь вопрос времени. Как только основные интересанты профессионального образования – работодатели, бизнес, государство (т.н. образовательный триплекс) – осознают свои экономические и политические выгоды использования машинного обучения, процесс пойдет значительно быстрее.

Заключение. Основной пафос рецензируемой книги – необходимость обеспечения всеобщего равенства за счет возможностей техники и цифровых технологий. Образование и, что особенно важно, непрерывное и всеобщее машинное образование (обучение) становится основным путем и необходимым условием перехода к такому обществу. Конечно, это идеализация и в какой-то мере – социотехнократический манифест, однако авторы опираются на реальные процессы, которые происходят в общественной жизни.

Рецензируемая работа – это комплексное исследование, классический *case-study* – изучение возможных путей и условий ближайшей эволюции нашего социума. Время идет, и с периода работы авторов над книгой прошло более пяти лет. Это огромный срок для прогресса в сфере наукоемких и цифровых технологий. Так, Джек Ма (основатель и руководитель платформы Alibaba Group) в интервью авторам отмечал, что как бы современен ни был ИИ, он никогда не сможет заменить человека в части эмоций, сопереживания, эмпатии. На деле случилось иначе. Совсем недавно появились первые социальные роботы, которые непрерывно учатся работать с людьми, способны выражать и воспринимать человеческие эмоции, общаться с человеком на высоком интеллектуальном и эмоциональном уровне, адекватно реагируя на такие естественные сигналы, как взгляды и жесты.

С некоторыми положениями книги можно не соглашаться, спорить, опровергать. Как, например, с этим: «Вскоре полное обучение при помощи онлайн-учителя с искусственным интеллектом будет доступно всем за несколько долларов в неделю. Образование в конце концов адаптируется к уникальным способностям и интересам каждого учащегося – и это намного лучше, чем мы имеем сейчас» (с. XII). Когда наступит это «вскоре» и наступит ли? Как будет реагировать (и уже реагирует) общество на широкое (но, разумеется, не повсеместное) машинное обучение? На эти вопросы пока нет определенных и достоверных ответов. Но как драйвер развития описанные в книге тенденции и феномены уже существуют в реальности.

Да и сама возможность перехода к состоянию общества, когда повседневная жизнь в высокой степени роботизирована, развита инфраструктура, общедоступны качественные образование, здравоохранение, транспорт, продовольствие и жилье, а также в значительной степени обеспечено равенство возможностей, – такая перспектива видится заманчивой и обещающей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабко Ю.В. Партийное просвещение: очерки истории. Киев: Вища школа, 1978.
- Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Ин-т Гайдара, 2021.
- Вершловский С.Г. Непрерывное образование: историко-теоретический анализ феномена. СПб.: СПбАПДПО, 2008.
- Другова Е.А., Журавлева И.И., Захарова У.С. и др. Искусственный интеллект для учебной аналитики и этапы педагогического проектирования: обзор решений // Вопросы образования. 2022. № 4. С. 107–153.
- Дьюи Дж. Демократия и образование / Пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000.
- Дьюи Дж. Школа и общество. М.: Гос. изд-во, 1924.
- Иллич И. Освобождение от школ (Deschooling Society). М.: Просвещение, 2006.
- Ключарев Г.А., Тюрина И.О. Болонский процесс: успехи и сомнения // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 84–93. DOI: 10.31857/S013216250025450-8.
- Константиновский Д.Л., Вахштайн В.С., Куракин Д.Ю. Реальность образования. Социологическое исследование: от метафоры к интерпретации. М.: ЦСП и М, 2013.
- Коуэн Т. Среднего больше не дано: Как выйти из эпохи Великой стагнации. М.: Ин-т Гайдара, 2015.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр.: Н.А. Шматко, ИЭС. СПб.: АЛТЕЙЯ, 1998.
- Моисеев Н.Н., Фролов И.Т. Высокое соприкосновение // Вопросы философии. 1984. № 9. С. 24–41.
- Мортон Т. Род человеческий. Солидарность с нечеловеческим народом. М.: Ин-т Гайдара, 2022.
- Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах / Под ред. Г.А. Ключарева. М.: ИС РАН, 2008.
- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Анализ взаимодействий «человек – искусственный интеллект»: от теории коммуникации к социальной аналитике общения // От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые исследовательские проблемы современной социальной аналитики / Под ред. А.В. Резаева. М.: ВЦИОМ, 2020. С. 164–187.
- Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Образование как источник действия, совершенствующего структуры: теоретические подходы и практические задачи // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 116–137.
- Социология образования. Дополнительное и непрерывное образование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2017.
- Черничкина А.А. О понятии Bildung в философии культуры немецкого романтизма // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 72–80.
- Freire P. Pedagogy of the Oppressed (30th anniversary ed.). New York: Bloomsbury, 1970; 2000.
- Goodman P. Compulsory Mis-Education and the Community of Scholars. Random House Trade, 1966.
- Korsgaard O. Kampen om lyset: Dansk voksenoplysning gennem 500 år. Guendal, 1997.
- Lindeman E.C. The meaning of adult education. New York: New Republic, 1925. (Republished in 1961 by Harvest House).
- Readings B. The University in Ruins. Harvard University Press, 1997.

Статья поступила: 07.02.23. Финальная версия: 04.08.23. Принята к публикации: 15.08.23.

TOWARDS THE FUTURE: CONTINUING EDUCATION AND ITS LEGITIMATION IN MACHINE EXECUTION

KLIUCHAREV G.A.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia; National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Russia

Grigory A. KLIUCHAREV, Dr. Sci. (Philos.), Head of the Center for Sociology of Education and Science of the Institute of Sociology of FCTAS RAS; Prof. of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science named after G.S. Arefieva of the National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia (Kliucharev@mail.ru).

Abstract. The development of high-tech technologies and their ubiquitous entry into everyday life are radically transforming social reality. Education (study, learning, enlightenment and even focused curiosity) becoming the most powerful social technology based on artificial intelligence and digitalization. In this context, through machine learning (on-line, off-line, distance) – the authors of the reviewed book – Brett King & Dr. Richard Petty. *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate will Usher in a New World.* Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd. 2021 – declare the need to reform capitalism (in its every current manifestation) and transit to "techno-socialism", in which most of human labor will be automated, and technological advances will bring us closer to the socialist ideals of universal equality and justice. Education, particularly, *lifelong learning* and *universal machine education (training)* is a way and condition for the transition to such a society. Of course, this is an idealization and, to some extent, a socio-technocratic manifesto. But it is based on the real processes taking place in social life.

Keywords: society, technology, science, artificial intelligence, lifelong learning, machine learning, techno-socialism.

REFERENCES

- Babko Yu.V. (1978) *Party enlightenment: essays on history*. Kiev: Vishcha shkola. (In Russ.)
- Braidotti R. (2021) *Posthuman*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Chernichkina A.A. (2016) On the concept of Bildung in the philosophy of culture of German Romanticism. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 72–80. (In Russ.)
- Continuing education in political and economic contexts* (2008) Ed. by G.A. Kliucharev. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Cowen T. (2015) *The average is no longer given: How to get out of the Era of Great Stagnation*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Dewey J. (1925) *School and society*. Moscow: Gos. izd-vo. (In Russ.)
- Dewey J. (2000) *Democracy and Education*. Moscow: Pedagogika-press. (In Russ.)
- Drugova E.A., Zhuravleva I., Zakharova U.S. et al. (2022) Artificial intelligence for educational analytics and stages of pedagogical design: a review of solutions. *Voprosy obrazovaniya* [Questions of Education]. No. 4: 107–153. (In Russ.)
- Freire P. (1970; 2000) *Pedagogy of the Oppressed* (30th anniversary ed.). New York: Bloomsbury.
- Goodman P. (1966) *Compulsory Mis-Education and the Community of Scholars*. Random House Trade.
- Illich I. (2006) *Liberation from schools* (Deschooling Society). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)
- Kliucharev G.A., Tiurina I.O. (2023) The Bologna reforms: some results and doubts. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 84–93. DOI: 10.31857/S013216250025450-8. (In Russ.)
- Konstantinovskiy D.L., Vakhstein V.S., Kurakin D.Yu. (2013) *The reality of education. Sociological research: from metaphor to interpretation*. Moscow: CSP i M. (In Russ.)
- Korsgaard O. (1997) *Kampen om lyset: Dansk voksenoplysning gennem 500 år*. Guendal.
- Lindeman E.C. (1925) *The meaning of adult education*. New York: New Republic. (Republished in 1961 by Harvest House).
- Liotar Zh.-F. (1998) *The State of Postmodernity*. Transl. from Fr. by N.A. Shmatko, Institute of Experimental Sociology, St. Petersburg: ALETEYA. (In Russ.)
- Moiseev N.N., Frolov I.T. (1984) High contact. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 9: 24–41. (In Russ.)
- Morton T. (2022) *The human race. Solidarity with non-human people*. Moscow: In-t Gaidara. (In Russ.)
- Readings B. (1997) *The University in Ruins*. Harvard University Press.

- Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2020) Analysis of human – artificial intelligence interactions: from communication theory to social communication analytics. In: *From artificial intelligence to artificial society: New research problems of modern social analytics* / Ed. by A.V. Rezaev. Moscow: VTSIOM: 164–187. (In Russ.)
- Sociology of education. Additional and continuing education.* (2017). 2nd ed. Moscow: YURAYT. (In Russ.)
- Sorokin P.S., Frumin I.D. (2022) Education as a source of action that improves structures: theoretical approaches and practical tasks. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Issues]. No. 1: 116–137. (In Russ.)
- Vershlovsky S.G. (2008) *Continuing education: historical and theoretical analysis of the phenomenon: monograph* / S.G. Vershlovsky. St. Petersburg: SPbAPDPO. (In Russ.)

Received: 07.02.23. Final version: 04.08.23. Accepted: 15.08.23.

© 2023 г.

Ю.В. ЛАТОВ

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ «ТЕХНОСОЦИАЛИЗМ» СОЦИАЛИЗМОМ?

ЛАТОВ Юрий Валерьевич – доктор социологических наук, кандидат экономических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (latov@mail.ru).

Аннотация. Рассматриваемая в статье концепция «техносоциализма» Б. Кинга и Р. Пэтти – сочетание полуфантастической утопии и антиутопии, отражающей противоречия общественного сознания западных технократов, увлеченных внедрением в бизнес цифровых технологий, но видящих неоднозначность его последствий. Основные контр-аргументы сводятся к трем позициям. Во-первых, самые совершенные технологии пока не только не могут обеспечить высокий уровень жизни всему человечеству, но даже в странах «золотого миллиарда» на внедрение базового безусловного дохода не хватит средств. Во-вторых, потенциальная возможность гарантировать благосостояние для всех нереально, если существующие в обществе институты блокируют перераспределение материальных благ и жизненных возможностей от элиты к малоимущим. Самое главное, в-третьих, удовлетворение человеческих потребностей без участия в совместном труде чревато деградацией личности и общества. Модель «техносоциализма» оказывается поэтому не только невозможной на данном этапе развития, но и опасной. Представленный в книге (2022) концепт полностью подходит под охарактеризованный еще в «Манифесте» К. Маркса и Ф. Энгельса «буржуазный социализм» со всеми его недостатками и достоинствами. Главный положительный результат, который может принести обсуждаемая книга, – бросить вызов тем обществоведам, кому близка социалистическая идея.

Ключевые слова: техносоциализм • социализм • технократия • базовый доход • марксизм • автоматизация

DOI: 10.31857/S013216250027784-5

Существенным критерием «спорности» междисциплинарных интервенций является ситуация, когда инноватор обращается к «широкой публике», обещая просто и доступно изложить небывалые открытия, до которых раньше не додумались специалисты. Такие большие популярные, чем научные работы, к тому же становящиеся бестселлерами, интересны специалистам как оригинальная возможность, с одной стороны, лучше понять особенности восприятия сложных научных идей не только массовым сознанием (читателей), но и научным сознанием не-специалистов (авторов). С другой – при взгляде «со стороны» нередко обнаруживаются нетривиальные аспекты, которые аксиоматичны для специалистов и потому ими мало рефлексированы, но важны для комплексного понимания проблемы. Хрестоматийный пример – произведения

популярного во второй половине XIX в. немецкого философа Е. Дюринга, в полемике с которыми Ф. Энгельс создал первый образец комплексного изложения марксизма как целостного учения об обществе.

«Техносоциализм»¹ Б. Кинга и Р. Пэтти тоже относится к подобным работам, которые можно позитивно использовать. Авторы излагают ошибочную позицию, но разбор их книги дает хорошую возможность прояснить идеологию современных западных технократов и уточнить сущность более глубоких представлений, соотнося новейшие технологические инновации и мечты о социализме.

«Вкалывают роботы, счастлив человек»? Основная мысль «Техносоциализма» хорошо изложена в предисловии к книге, принадлежащем Г. Клур, предпринимателю и бизнес-консультанту, который к тому же претендует на «изобретение» самого термина «техносоциализм». Хотя книга Кинга и Пэтти издана на языке оригинала в 2021 г., она отражает идеи, активно циркулирующие уже треть века. Г. Клур утверждает, что про «техносоциализм» он впервые начал говорить еще в 1988 г. с приехавшими в США из разных стран (в т.ч. из СССР) студентами Международного космического университета. Советский социализм тогда уже стал восприниматься как провал, но желание построить иной «социализм» отнюдь не пропало.

Суть предлагаемой альтернативы довольно проста: «Что было бы, если бы вы могли удовлетворять индивидуальные потребности с помощью технологий? – пишет в предисловии Г. Клур. – Само собой разумеется, такие быстроразвивающиеся технологии, как искусственный интеллект и робототехника, могут привести – и в конечном счете приведут – к другой форме социализма: такой, в которой все ваши потребности окажутся удовлетворены при помощи инноваций. Что произойдет, если жилье, еда, медицина, энергия, образование и транспорт будут качественными и почти бесплатными благодаря таким инновациям? Вы получите то, что я называю техносоциализмом» (с. XII)². Кинг и Пэтти уточняют, что для оплаты почти (но все же не абсолютно) бесплатных потребительских благ будет достаточно безусловного базового дохода (ББД), который станут получать все люди. Искать работу окажется не только не обязательно, но и трудно, поскольку новые технологии, основанные на роботизации, вытеснят живых работников, так что «работы на всех не хватит» (с. 284). Чем же тогда будут заниматься люди? «Мы либо устроимся на работу, увеличивающую наш безусловный базовый доход [если ее повезет найти. – Прим. Ю.Л.], либо сможем всю жизнь учиться, либо со страстью отдадимся какой-то более широкой социальной деятельности, а можем и посвятить жизнь нивелированию ущерба, нанесенного нашей планете» (с. 284).

Вспоминается гиперпопулярная в 1980-е гг. песня из кинофильма «Приключения Электроника», экранизации фантастических детских повестей Е. Велтистова: «До чего дошел прогресс: / Труд физический исчез, Да и умственный заменит / Механический процесс! / Позабыты хлопоты, / Остановлен бег. / Вкалывают роботы, / Счастлив человек!» Трудно отделаться от ироничной мысли, что кто-то из советских студентов в 1980-е спел эту песню своим американским преподавателям, те восприняли ее всерьез и развернули в многостраничную концепцию, которую теперь российскому читателю преподносят как новейшее достижение западного обществоведения.

На самом деле идея, будто технологический прогресс сам по себе способен привести к искоренению социального неравенства, восходит к античным временам. Известен «технологический» аргумент из «Политики» (330–320-е гг. до н.э.) Аристотеля в защиту рабства: «Если бы каждое орудие могло выполнять свойственную ему работу само, по данному ему приказанию или даже его предвосхищая, и уподоблялось бы статуям Дедала или треножникам Гефеста, о которых поэт говорит, что они “сами собой (αὐτομάτως) входили в собрание богов”; если бы ткацкие челноки сами ткали... тогда и зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы» [Аристотель, 1983: 380].

¹ Кинг Б., Пэтти Р. Техносоциализм. Как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок. М.: Издательство «Олимп-Бизнес», 2022. 610 с.

² Здесь и далее в тексте ссылки на рецензируемое издание даются в круглых скобках.

Как видим, современные западные технократы буквально повторяют ту же самую мысль. Разница лишь в том, что в античной Греции самодвижущиеся предметы были заведомой «сказкой» (как скатерть-самобранка), а в современных развитых странах это повседневная реальность, либо ожидание ближайших лет.

Вопрос, способен ли технологический прогресс действительно сам по себе решать социальные проблемы, активно обсуждается со времен промышленной революции, когда автоматические орудия труда стали реальностью. Элементом этой дискуссии является, например, марксистская теория производительных сил и производственных отношений: новые орудия и предметы труда создают материальные предпосылки для новых социально-экономических отношений, многовековой вектор изменения которых действительно направлен на повышение свободы людей, но превращение этих предпосылок в реальные изменения происходит не «автоматически», а через противоборство социальных групп (классов). С 1960-х гг. это обсуждение происходит в основном в рамках постиндустриального дискурса [Уэбстер, 2004]. Давно признано, что примерно с середины XX в. рождается «новое индустриальное» (оно же – постиндустриальное, информационное) общество, где социальная структура качественно отличается от отмирающего индустриального общества [Латов, Тихонова, 2021]. Но по вопросу, может ли совершенствование орудий и предметов труда вести к отмиранию эксплуатации и неравенства, доминируют отрицательные ответы. Более того, даже на уровне фантастической литературы о будущем подчеркивается, что новые технологии могут стать инструментом не ослабления, а усиления угнетения и эксплуатации (эта мысль присутствует уже в «1984» Дж. Оруэлла). На фоне осторожного постиндустриального дискурса³ оптимизм авторов «Техносоциализма» выглядит сильно преувеличенным.

Основные контраргументы можно свести к трем позициям. Во-первых, самые совершенные технологии пока не могут обеспечить высокий уровень жизни не только всему человечеству, но даже «золотому миллиарду». Во-вторых, потенциальная возможность обеспечить благосостояние для всех не перейдет в реальность, если существующие в обществе «правила игры» блокируют перераспределение материальных благ и жизненных возможностей. Наконец, в-третьих, обеспечение полного удовлетворения человеческих потребностей без личного труда просто опасно, поскольку чревато деградацией личности и общества, поэтому модель «техносоциализма» не только невозможна в ближайшем будущем, но и опасна, если бы была возможной. Все эти три аргумента фигурируют в критике Д.А. Давыдова [2023б]. Автор статьи считает необходимым только уточнить теоретические основы этих аргументов и предложить несколько иную общую оценку «техносоциалистической» теории.

Невозможность техносоциалистической мечты? При чтении книги возникает ощущение контраста между частыми рассуждениями авторов о проблемах стран догоняющего развития (один из авторов, Пэтти, с 1990-х гг. долгое время жил и работал в КНР как элитный бизнес-менеджер) и отсутствием даже постановки вопроса о применимости своих предложений в этих странах. Дав в финале книги краткое описание техносоциализма как единственной позитивной модели будущего, авторы указывают, что ББД должен быть «принят в качестве глобального стандарта для стран, в которых уровень безработицы составляет 30% и более из-за внедрения технологий и изменения климата» (с. 450). Идея глобального стандарта правомерна: если в одних странах ББД внедрять, а в других нет, то современная миграция из отстающих стран в развитые возрастет еще сильнее. Но насколько же нужно повысить эффективность технологий, чтобы бесплатно удовлетворить базовые потребности во всех странах мира?

Предлагая в качестве пороговой величины 30% безработицы, авторы не поясняют, о какой именно безработице идет речь. Ведь кроме явной безработицы (человек в трудоспособном возрасте не работает, но ищет работу) есть скрытая безработица (работают за гроши, но

³ В «Техносоциализме» вообще нет ссылок на теоретиков постиндустриализма, а Маркса и марксизм авторы хотя и упоминают, но только как маркеры того подхода, от которого они решительно отмежевываются. Такое сознательное игнорирование существующего академического дискурса – характерная черта «воинствующего» дилетантизма.

рады бы найти «хорошую» работу). Названная цифра кажется очень большой, однако в последние годы, например, в ЮАР она была еще выше (до 35–40%). В самых густонаселенных странах планеты, в КНР и в Индии, официальные показатели безработицы ниже 10%, но зато велика (в Индии – до 3/4 населения) доля работающих бедных. Можно ли в ближайшие десятилетия ввести безусловный базовый доход, существенно превышающий прожиточный минимум хотя бы в этих двух – не самых бедных на планете – странах? Ответ очевиден.

Надо иметь в виду, что если развитые страны переживают постиндустриальный переход, то страны догоняющего развития (включая Россию) не вполне завершили освоение даже индустриальных технологий. Догоняющее развитие – социально-экономическое развитие «третьего мира», пытающегося сократить отставание, но пока лишь с локальными примерами успеха [Нуреев, 2022], – является глобальной проблемой, которая отражена в «Техносоциализме» (в отличие от менее острой климатической проблемы) на удивление слабо. Книга написана так, будто весь мир принципиально не отличается от родной для обоих авторов Австралии. Но в странах за пределами «золотого миллиарда» пока страдают не столько от постиндустриальных технологий, вытесняющих людей, сколько от невозможности освоить эти технологии.

Впрочем, в другом месте своей книги авторы формулируют более умеренное – и более реалистичное – предложение: уже не все, а только «развитые страны должны внедрить ББД» (с. 396). Правда, реалистичность тоже очень относительная: по оценке Р.И. Капелюшникова, внедрение ББД на уровне черты бедности в современных США потребует расходов, равных примерно половине госбюджета [Капелюшников, 2020: 117]. Но через несколько десятилетий, скорее всего, этот проект будет для наиболее экономически развитых стран уже не так фантастичен. В таком случае его внедрение как «глобального стандарта» следует рассматривать как очень долгосрочную задачу, к решению которой станет возможным подступить хорошо если через полвека.

Авторы, похоже, сознательно допускают схожесть своей книги с научной фантастикой, которая указывает на принципиальную возможность желаемого будущего, но не берётся подробно и реалистично описывать пути его достижения. В частности, в книге всерьез рассматривается вопрос, «чему колонизация Марса может научить нас в плане экономики» (с. 430)⁴. В настоящее же время за пределами технических возможностей даже самых развитых стран находится колонизация не только Марса, но и Луны. Таким образом, контраргумент о нехватке ресурсов для глобального внедрения «техносоциализма» в принципе может парироваться тем, что Кинг и Пэтти пишут не о ближайшем будущем (2020–2040-е гг.), а о достаточно отдаленном (вторая половина XXI в.)⁵. Может быть, если не нынешнее, то следующее поколение землян сможет жить при «техносоциализме»?

Кто даст «счастье для всех, даром»? Более весом второй критический аргумент – что принципиальная возможность «благосостояния для всех» не перейдет в реальность без социальной революции, которую авторы принципиально отвергают.

Почти все основные идеи «Техносоциализма» (включая идею «переваливания» труда людей на искусственно созданные орудия и предметы труда) могли быть высказаны еще во времена неолитической революции – перехода от присваивающего хозяйства к производящему примерно 10 тыс. лет назад. Именно тогда новые технологии (земледелие и животноводство) сделали возможным обеспечение всем людям благосостояния не за счет изъятия из беднейшей природы всё большего количества продуктов, а путем использования возобновляемых и неограниченных (по меркам того времени) ресурсов. Однако развитие общества после

⁴ Интересно в этой связи отметить, что хотя на постиндустриальный научный дискурс авторы нигде не ссылаются, но упоминают знаменитую фантастическую трилогию современного американского фантаста Кима Стэнли Робинсона о колонизации Марса землянами в XXI–XXIII вв. на основе эгалитарно-демократических принципов организации общества.

⁵ Кстати, название книги в русском переводе заставляет читателя предположить, что «новый миропорядок» создается у них на глазах. Но оригинальное название (буквально – «Восход техносоциализма. Как неравенство, искусственный интеллект и климат откроют новый мир») однозначно указывает, что «новый мир» еще только предстоит «открыть».

появления технологий систематического производства избыточного продукта пошло по пути не эгалитаризма, а, наоборот, усиления социального неравенства. Что же помешает элитным группам и сейчас, в эпоху НТР, присвоить львиную долю выгод от очередного скачка эффективности производства, как это происходило раньше?

Авторы видят эту возможность монополизации элитой выгод от технологий: «Технологический прогресс способен как помочь нам преодолеть самые острые проблемы, так и усугубить неравенство и разделение» (с. 16). Среди негативных альтернатив «техносоциализму» Кинг и Пэтти описывают, в частности, «Неофеодализм», когда корпорации тратят миллиарды на политический лоббизм, чтобы монополизировать выгоду своим акционерам и сотрудникам. В результате «технофеодалы будут править человечеством в течение сотен лет, а некоторые глобальные корпорации обретут такую же власть, как целые правительства и нации, но при этом окажутся гораздо богаче» (с. 447)⁶. Но на вопрос, кто и как заставит доминирующие в современном обществе элиты предпочесть «техносоциализм», а не «неофеодализм», авторы ответа не дают.

Акторами социальных перемен могут быть государство, бизнес и организации гражданского общества, но авторы не доверяют никому из них. Все три рассмотренных ими негативных сценария будущего («Неофеодализм», «Луддистан» и «Банкротостан») построены именно на том, что какая-то из этих трех сил доминирует и делает неправильный выбор. Если власть захватывают корпорации, то это приведет к «Неофеодализму». Ничем не лучше «Луддистан» – перспектива будущего, где «правительства начинают активно поддерживать тех, кто не доверяет науке и технологиям в целом» (с. 441). Уже в предисловии Г. Клуря заявлено, что «весь смысл техносоциализма в том, чтобы удовлетворить потребности всех, устраняя при этом вмешательство государства» (с. XIV). В результативность массовых движений авторы тоже не верят, считая их дорогой к «Банкротостану»: «Протесты с разнообразной повесткой постоянно охватывают весь мир. Демократия приводит к быстрой циклической смене краткосрочного большинства, что... приводит ко всё более неэффективному управлению» (с. 443).

При описании рождения «Техносоциализма» в качестве актора изменений фигурирует «человечество»: оно «вступает в несколько десятилетий [авторы явно понимают, что «техносоциализм» удастся построить *очень* не скоро. – Прим. Ю.Л.] активности реформаторских движений, направленных на борьбу с неравенством, введение всеобщего базового медицинского обслуживания (глобально), применение технологий в здравоохранении, смягчение последствий изменения климата и т.д.» (с. 449). Совершенно непонятно, почему вдруг в техносоциалистическом сценарии люди забывают о личных и социально-групповых интересах и «все вместе – ученые, технологи, корпорации, экономисты и политики – объединяются, преодолевая границы, чтобы решить глобальную проблему изменения климата» (с. 450). Для победы позитивного «техносоциализма» над тремя негативными альтернативами явно потребуется социальная революция – качественное изменение «правил игры». Но для авторов революция – не механизм перехода к новому строю, а деструктивная угроза, которую надо при помощи «техносоциализма» (в частности, внедрения ББД) предотвратить. В результате вопрос об акторах и социальных механизмах предлагаемых авторами радикальных реформ остается без ответа⁷.

⁶ Данное авторами описание позволяет предполагать, что и здесь они ориентировались не столько на научную футурологию (в рамках которой о неофеодализме на основе монополизации бизнес-элитой новейших технологий писал, например, И. Валлерстайн), сколько на традицию западной антиутопической фантастики – от «Железной пяты» Д. Лондона до «Видоизмененного углерода» Р. Моргана.

⁷ Не в оправдание, но в объяснение позиции авторов «Техносоциализма» надо учесть, к какой социальной группе они относятся. Взглянем на профессиональный статус их и авторов восторженных отзывов на книгу, которые цитируются на первых страницах российского издания: Б. Кинг – консультант по вопросам цифровой трансформации (особенно в сфере банкинга), предприниматель (основатель Movenbank); Р. Пэтти – экономический и политический консультант, предприниматель (член советов директоров компаний США и Австралии); среди авторов отзывов – бывший президент Международной федерации бухгалтеров, бывший председатель Американского института дипломированных общественных бухгалтеров, исполнительный редактор «Technology, American Banker», автор бестселлера «The Future of Finance» и т.д. Это – не просто технократы, как охарактеризовал

Можно ли на этот вопрос дать ответ, не разрушая полностью концепцию «Техносоциализма»? В принципе вполне можно представить «Техносоциализм 2.0», более леворадикальный. Для этого надо к нынешней книге лишь добавить утверждение, что борьбу за внедрение новейших производственных и социальных технологий (включая ББД) должны сознательно возглавить специалисты/профессионалы – люди с высоким образованием, занимающиеся креативным трудом (сами Кинг и Пэтти относятся именно к ним). Ведь концепция нового социального класса, который должен перехватить власть у «старых» предпринимателей и политиков, развивается уже более столетия, от Т. Веблена (основоположника технократизма) до Р. Флориды (исследователя креативного класса). Соединение «техносоциализма» (описания цели) с технократизмом (описанием акторов борьбы за эту цель) настолько напрашивается, что отказ Кинга и Пэтти от идеи технократической социальной революции кажется алогичным. Вероятно, их пугает ассоциация революции с масштабным насилием, но история знает немало крутых перемен вполне мирным путем (например, именно так в 1930-х был основан «шведский социализм»).

Новые технологии – «хищные вещи века»? Но главная проблема «Техносоциализма» не в том, что его авторы не продумали сроки и механизмы достижения той цели, которая кажется им благой, а то, что предлагаемая цель – совсем не благая.

Предположим, что через несколько десятилетий (если не в XXI, то в XXII в.) новые технологии станут настолько высокоэффективными, что сделают возможным всем людям планеты бесплатно дать по крайней мере жизнеобеспечивающий доход. Предположим, что эта потенциальная возможность перейдет в реальность, когда профессионалы/специалисты осознают себя новым прогрессивным классом, проникнутся новой постмарксистской (или постлиберальной) идеологией и совершат социальную революцию, которая качественно демократизирует власть и собственность. Либеральные опасения перед Левиафаном государства могут при этом сомкнуться с марксистским концептом отмирания государства как отчужденного от общества механизма управления. И ради чего будут совершаться эти грандиозные производственные и социальные преобразования?

Вспомним, как авторы «Техносоциализма» излагают свои представления о том, что станут делать люди в новом мире, который возникнет в результате внедрения высоких технологий и новых социальных институтов. Во-первых, полагают Кинг и Пэтти, можно в принципе устроиться на работу, увеличивающую безусловный базовый доход. В конце концов, аксиоматично, что при самом высоком уровне автоматизации кто-то должен будет сложную технику чинить и совершенствовать под меняющиеся задачи (вспомним хотя бы про перспективу освоения Марса). Однако поскольку работы не хватит на всех, то для очень многих (не менее 30% трудоспособного населения) умеренность в потреблении станет, судя по всему, результатом не только сознательного выбора, о чем с энтузиазмом пишут авторы, но и физической невозможности роскошествовать на ББД.

Во-вторых, можно «всю жизнь учиться». Такое занятие понятно, как дополнение к труду. Однако если труд станет невозможен, то не понятно, чему и зачем учиться. Можно, конечно, для внутреннего совершенствования учиться чему-то заведомо непрактичному (икебана, латинскому языку, альпинизму...), но каковы будут стимулы к такой «учёбе ради учёбы»?

В-третьих, можно «со страстью» заниматься «какой-то более широкой социальной деятельностью». Возможно, здесь имеются в виду искусство и те функции управления, которые нельзя переложить на ИИ. Из-за полного отсутствия детализации возникает ощущение, что у авторов книги при перечислении будущих видов занятости исчезает фантазия, поскольку они описывают то, что мало пересекается с их собственным опытом. Себя они в числе живущих на ББД безработных явно не видят.

В-четвертых, можно «посвятить жизнь нивелированию ущерба, нанесенного нашей планете». Попытка Кинга и Пэтти «выгнать в дверь» трудовую деятельность привела к тому, что

«техносоциалистов» Д.А. Давыдов, но профессиональные экономисты-практики, специалисты по финансам и цифровым технологиям. От членов такого профессионального сообщества трудно ждать не только компетентности в социологической проблематике, но и осознания ее важности.

она «пролезла в окно»: ведь «нивелирование ущерба» – это труд лесников, биологов, химиков и работников многих других специальностей. Чтобы очистить от мусора и эрозии земли, воды и воздух, восстановить биоценозы до уровня хотя бы кануна промышленной революции, работы на Земле хватит не на одно столетие. Наконец, перспектива освоения Марса и других планет (ведь при «техносоциализме» «человечество осознаёт себя мультипланетарным видом» (с. 449)) создает новый фронт и неограниченный спрос на труд именно живых людей. И даже если нет полномасштабной работы для 30% взрослого населения, то почему бы не сохранить занятость, сократив рабочий день и/или рабочую неделю?

Тезис о скором исчезновении труда из-за тотальной автоматизации производства авторы могли бы сформулировать более жестко, избавившись от противоречий в своей картине будущего. Достаточно ввести утверждение, что в перспективе ИИ полностью заберет контроль над развитием человечества в свои руки, давая людям будущего достаточно «хлеба и зрелищ», но отстранив их от какого-либо управления производством. Технологический прогресс при этом, скорее всего, остановится, но для обеспечения стабильных нужд стабильного количества землян производственных возможностей хватит. Такой сценарий «техносоциалистического» будущего более логичен, но переведет его из утопии в антиутопию. Впрочем, и то нелогичное будущее, которое предлагают авторы, – где не менее трети землян не могут работать и живут на ББД, развлекаясь бесцельной учебой и «широкой социальной деятельностью», – имеет явные оттенки классической антиутопии. Подозрительно похоже и на мир элоев из «Машины времени» Г. Уэллса, и на «Дивный новый мир» О. Хаксли.

Прогнозируемая авторами возможность полного удовлетворения потребностей людей без затрат труда является сама по себе угрозой человечеству – более страшной, чем социальное неравенство. Ведь именно совместный труд является главным механизмом социализации человека в обществе, создает само общество.

Наиболее последовательно идея необходимости совместного труда для человека и общества проводится в ортодоксальном марксизме. Высшей целью социальной борьбы при этом считается освобождение от всех форм принуждения к труду, но при этом желанным состоянием рассматривается не отсутствие труда, а свободный (самостоятельно выбранный) труд как двудеятельный процесс расходования человеческих сил и достижения сознательно поставленных целей. Конечно, марксизм отражает в значительной степени реалии XIX в., когда труд большинства работников носил в основном физический характер. Сейчас, спустя полтора века, хорошо видно, что труд как расходование «рабочей силы» снижает значение, хотя даже сугубо интеллектуальные виды труда (труд ученых) эту характеристику сохраняют. Более важным становится труд как самореализация творческой личности, как базовое условие ее развития.

С точки зрения высокой значимости совместного труда как главного механизма воспроизводства социализации вызывают определенные сомнения, в частности, те перспективы цифровизации образования, которые вслед за авторами «Техносоциализма» приветствует Г.А. Ключарев [2023]. Вполне возможно, что цифровые технологии гораздо лучше будут передавать студентам знания, чем столетиями используемые лекции и семинары. Однако вуз дает не только профессиональные знания, но и общение со сверстниками, значимые социальные связи, умение участвовать в коллективной дискуссии и многие другие неформальные знания и навыки. Новые цифровые технологии принципиально не заменяют личного общения учащихся друг с другом и с преподавателями, поэтому остаются только дополнением к традиционным лекциям и семинарам.

Что касается возможности устранить социальные проблемы путем удовлетворения потребностей людей без их участия в труде, которую якобы создают высокие технологии, то существующие обществоведческие парадигмы ее пока всерьез не рассматривают, поскольку она остается за горизонтом возможного. Но постепенное приближение линии горизонта к этой проблеме давно замечено, только не в академической футурологии, а в научной фантастике, где праздное благосостояние систематически подвергается критике. Примеров тому много. В ранее упоминавшихся «Приключениях Электроника» пародируется как раз замена человека высокоэффективным ИИ. Заменить нерадивого школьника человекоподобным

роботом удастся, только человеку это пошло во вред. Лишенный привычной среды общения (для школьников главный труд – учёба), он буквально выпадает из жизни и очень скоро требует от робота отдать назад свой учебный труд. Наивные надежды, что вкалывают роботы, счастлив человек, – терпят крах.

На более взрослом и более общем уровне эту проблему еще раньше, в 1960-х, осветили А. и Б. Стругацкие в повести «Хищные вещи века». Они предложили даже более простой вариант «техносоциализма», чем у Кинга и Пэтти: открыт новый дешевый электронный наркотик, создающий ярчайшие галлюцинации, в которых наркоман исполняет все свои желания; хотя прием этого наркотика не разрушает здоровья, но желание снова и снова повторять блаженство формирует сильнейшую психологическую зависимость, так что потребитель теряет связь с реальностью. Сюжет подмены «плохой» реальной жизни «хорошей» иллюзорной в фантастике последних десятилетий эксплуатируется очень широко, вспомним голливудскую «Матрицу».

Действительно, зачем при помощи высоких технологий реально обеспечивать людям почти бесплатные потребительские блага, если для счастья достаточно дать только чувство обладания всеми мыслимыми и немыслимыми благами? А для создания красивой иллюзорной реальности, заставляющей пренебрегать «серой» фактической реальностью, много возможностей уже сейчас – разнообразные наркотики, электронные игры, создающие «постправду» средства массовых коммуникаций. Новые технологии, если бы они обеспечивали всем желающим высокое потребление без личных усилий, стали бы лишь еще одной разновидностью всех этих «хищных вещей века». Поэтому нужно только радоваться, что «счастье для всех, даром» пока является скорее мифом, чем реальностью.

«Техносоциализм» как новейшая версия «буржуазного социализма». Зададимся вопросом, является ли предложенная модель хоть в какой-то степени социалистической. Д.А. Давыдов отвечает на этот вопрос резко отрицательно. Но у основоположников марксизма можно найти несколько иной ответ.

В хрестоматийном «Манифесте Коммунистической партии» (1848) авторы специально разбирали разные виды социалистической литературы (фактически – идеологии), и в качестве одной из разновидностей выделили «консервативный, или буржуазный, социализм». Это было написано 175 лет назад, но великолепно подходит для характеристики «Техносоциализма»: «Буржуа-социалисты хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают. Они хотели бы иметь буржуазию без пролетариата» [Маркс, Энгельс, 1955: 453–454]. У Маркса и Энгельса есть и очень саркастическое, но на удивление современное определение той социальной группы, к которой относятся Кинг и Пэтти, – это «часть буржуазии», желающая «излечить общественные недуги для того, чтобы упрочить существование буржуазного общества. Сюда относятся экономисты, филантропы, поборники гуманности, радетели о благе трудящихся классов, организаторы благотворительности, члены обществ покровительства животным, основатели обществ трезвости, мелкотравчатые реформаторы самых разнообразных видов» [там же: 454].

Если сделать поправку на юношеский максимализм авторов «Манифеста», то налицо поразительно точная характеристика идей и авторов «Техносоциализма». Они – действительно профессиональные экономисты и предприниматели, сторонники социально ответственного («филантропического») бизнеса, озабоченные благосостоянием «трудящихся классов» и предотвращением деградации природы. Они действительно, как и их предшественники позапрошлого века, отрицательно относятся к революционному движению: «Единственный способ предотвратить революцию – решить некоторые из наиболее фундаментальных проблем...» (с. 259). Выступая за довольно радикальное «изменение материальных условий жизни», Кинг и Пэтти под ним понимают «не уничтожение буржуазных производственных отношений, осуществимое только революционным путем, а административные улучшения, осуществляемые на почве этих производственных отношений» [Маркс, Энгельс, 1955: 454]. Они ведь и сами пишут,

что при техносоциалистических преобразованиях «капитализм перестраивается» (с. 22) – только перестраивается, а не преодолевается.

Есть у авторов «Техносоциализма» черты и другого «ошибочного» (с точки зрения авторов «Манифеста») социализма – «критически-утопического». Они действительно похожи на утопистов двухсотлетней давности (особенно на Р. Оуэна – тоже передового предпринимателя) упрощенным представлением о механизмах предлагаемых социальных изменений: «Дальнейшая история всего мира сводится для них к пропаганде и практическому осуществлению их общественных планов» [Маркс, Энгельс, 1955: 455].

И все же это социализм, пусть в основном консервативный, но не реакционный. Если рассуждать не в логике «кто не с нами, тот против нас», а по принципу «кто не против нас, тот с нами», то в этом «буржуазном социализме» нетрудно увидеть и позитивные черты.

В современном мире социалистическая идея переживает, мягко говоря, трудные времена, поскольку мейнстримом в нем стала идея не прогрессивного развития общества в целом, а защиты прав разнообразных меньшинств (этнических, религиозных, сексуальных и т.д.) [Давыдов, 2023а]. Подобные «социализмы» Маркс и Энгельс посчитали бы реакционным, возмущающим средневековую борьбу за сословные права. От такой идеологии авторы «Техносоциализма» однозначно далеки. Это тот случай, когда плохое знакомство авторов с современными социалистическими концептами (которые ревизию «устаревшего» марксизма осуществили не самым лучшим образом) объективно оказалось во благо. Их апелляция к человечеству как «мультипланетарному виду» парадоксально гораздо ближе к классическому марксизму, который рассматривал передовой класс как защитника объективных интересов именно человечества в целом.

Что касается социальных предложений Кинга и Пэтти, то они, конечно, аморфны и несовершенны, однако однозначно вредными не являются. Обсуждение внедрения ББД уже стало важным дискурсом о сознательном выборе оптимального пути к «благополучию для всех». Д.А. Давыдов опасается, что внедрение ББД чревато капитализацией социальной сферы и тем самым шагом не к социализму, а от него. Но в «Техносоциализме» эта идея занимает отнюдь не первостепенное место. Вряд ли стоит подозревать Кинга, Пэтти, Клугу и стоящих за ними технократов в том, что они выдумывают нетривиальные картины будущего только ради того, чтобы в настоящем «прихватизировать» образование и здравоохранение.

Если «техносоциалистическая» концепция популярна среди предпринимателей-«эксплуататоров», это не обязательно связано с их классовым коварством и стремлением строить ловушки. В конце концов, и Р. Оуэн, и Ф. Энгельс были как профессиональными предпринимателями, так и основоположниками социалистической теории. Ведь классовый статус – не единственная идентификация личности. Конечно, «буржуазный социализм» – не самая научная разновидность современной социалистической мысли. Но она имеет существенные преимущества перед «социализмом меньшинств».

Самая главная положительная роль, которую может сыграть «Техносоциализм» и близкие к нему произведения, – это роль вызова для тех профессиональных обществоведов, кому близка социалистическая идея. Если в период гибели советской социалистической системы идея социализма была дискредитирована, то в наши дни она снова становится «модной». Но научную социалистическую теорию, адекватную комплексу современных институциональных условий (в частности, развитию высоких технологий и роли профессионалов/специалистов как нового ведущего социального класса), еще предстоит создать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983.

Давыдов Д.А. Марксизм в плену у интерсекциональности // Социологические исследования. 2023а. № 2. С. 125–136.

Давыдов Д.А. Техно(крато)социализм: критический взгляд на идеи Б. Кинга и Р. Пэтти // Социологические исследования. 2023б. № 9. С. 117–129.

- Капелюшников Р.И. Универсальный базовый доход: есть ли у него будущее? // Вопросы экономики. 2020. № 8. С. 95–127.
- Ключарев Г.А. Навстречу будущему: размышления о техносоциализме и непрерывном образовании // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 130–139.
- Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. Новое общество – новый ресурс – новый класс? (к 60-летию теории человеческого капитала) // Terra Economicus. 2021. Т. 19. № 2. С. 6–27.
- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 419–459.
- Нуреев Р.М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. 2-е изд. М.: Инфра-М, 2022.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М.: Аспект Пресс, 2004.

Статья поступила: 17.07.23. Принята к публикации: 17.08.23.

IS “TECHNOSOCIALISM” SOCIALISM?

LATOV Yu.V.

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Yuri V. LATOV, Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Econ.), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (latov@mail.ru).

Abstract. The main counter-arguments against the “Technosocialism” by B. King and R. Petty can be reduced to three positions. Firstly, the most advanced technologies so far cannot not only provide a high standard of living for entire mankind, but even in the countries of the “golden billion” there will not be enough funds to introduce a basic unconditional income. Second, the potential to ensure prosperity for all will not translate into reality if existing institutions in society block the redistribution of wealth and life opportunities from the elite to the poor. Most importantly, thirdly, ensuring the satisfaction of human needs without participation in joint work is simply dangerous, since it is fraught with degradation of the individual and society. The model of “technosocialism” is therefore not only impossible at the present stage of development, but also dangerous if it were possible. The concept of “technosocialism” turns out to be a combination of a semi-fantastic utopia and dystopia, reflecting the contradictions of the Western technocrats’ public consciousness, who are passionate about the introduction of digital technologies into business, but see its ambiguity. This concept with all its shortcomings and advantages fully fits the “bourgeois socialism” described in the “Manifesto” by K. Marx and F. Engels. The most important positive role that Technosocialism can play is the role of a challenge to professional social scientists who are close to the socialist idea.

Keywords: technosocialism, socialism, technocracy, basic income, marxism, automation.

REFERENCES

- Aristotle. (1983) *Works*. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Thought. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023a) Marxism Captured by Intersectionality. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 125–136. (In Russ.)
- Davydov D.A. (2023b) Techno(crato)socialism: a critical look at the ideas of B. King and R. Patty. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 117–129. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. (2020) Universal basic income: does it have a future? *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. No. 8: 95–127. (In Russ.)
- Klyucharev G.A. (2023) Towards the Future: Reflections on Technosocialism and Lifelong Education. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 130–139. (In Russ.)
- Latov Yu.V., Tikhonova N.E. (2021) New society – new resource – new class? (to the 60th anniversary of the theory of human capital). *Terra Economicus*. Vol. 19. No. 2: 6–27. (In Russ.)
- Marx K., Engels F. (1955) *Manifesto of the Communist Party*. In: Marx K., Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: State publishing house of political literature: 419–459. (In Russ.)
- Nureev R.M. (2022) *Economics of Development: Models for the Formation of a Market Economy*. 2nd ed. Moscow: Infra-M. (In Russ.)
- Webster F. (2004) *Theories of the Information Society*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Received: 17.07.23. Accepted: 17.08.23.

© 2023 г.

ДРОБИЖЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ЭТНИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

В начале лета (1–2 июня) 2023 г. в Москве прошла Всероссийская научная конференция «Дробижевские чтения: этническое и социальное измерения», организаторами которых выступили ФНИСЦ РАН и Научный совет РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Конференция стала не только данью памяти Леокадии Михайловны Дробижевой, 90-летний юбилей которой отмечается в текущем году, попыткой анализа научного наследия выдающегося ученого, но и осмысления новых вызовов в тех областях, изучению которых Леокадия Михайловна посвятила многие годы.

Знаменательно, что признанием заслуг Л.М. Дробижевой как ученого и общественно-го деятеля, стало присвоение компанией АЛРОСА, при содействии Главы Якутии А. Николаева, ее имени крупнейшему алмазу, добытому в республике. На пленарном заседании конференции заместитель Постоянного представителя РС(Я) при Президенте РФ М. Сафонова торжественно вручила сертификат и копию именного алмаза директору Института социологии ФНИСЦ РАН М.К. Горшкову.

В продолживших пленарное заседание докладах участники акад. РАН **М.К. Горшков** (ИС ФНИСЦ РАН), акад. РАН **В.А. Тишков** (ИЭА РАН), чл.-корр. РАН **М.Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН), проф. **Ю.Г. Волков** (Южнороссийский ф-л ФНИСЦ РАН, Ростов-н/Д.), **В.И. Мукомель** (ИС ФНИСЦ РАН) поднимали темы российской идентичности и консолидации общества, волновавшие Леокадию Михайловну, вспоминали научную, просветительскую и общественную деятельность выдающегося ученого, много лет возглавлявшего московскую школу этнической социологии, рассказывали об изданных ею и под ее редакцией монографиях, осуществленных под ее руководством проектах, подготовленных и выпущенных из-под ее научного крыла учениках.

Конференция, проходившая в смешанном формате, дала возможность обменяться мнениями более чем двумстам ученых, занимающимся исследованиями межэтнических отношений, этноязыковых взаимодействий, гражданской, этнической и религиозной идентичностей и солидарности в российском обществе, этнических аспектов социальной дифференциации в поликультурном пространстве, социально-культурных аспектов миграционной политики и адаптации мигрантов в принимающей среде.

География участников «Дробижевских чтений» впечатляет: в конференции приняли участие ученые из 28 городов России, а также Беларуси, Казахстана, Кореи, Турции. Стоит отметить активное участие в работе конференции специалистов из Татарстана, Башкортостана, Якутии, где многие годы плодотворно работала Л.М. Дробижева.

Конференция получилась насыщенной и разнообразной как по тематике докладов, так и по формам их представления. Организаторами было предложено несколько основных направлений для обсуждения: «Этносоциология: трансформации исследовательского поля и методологии», «Межнациональные отношения: вчера, сегодня, завтра», «Старые и новые национализмы: эволюция идеологий», «Идентификация этничности: культуры, языки, мифология», «Российская идентичность 30 лет спустя: концептуализация, измерение, смыслы», «Этничность в контексте социально-экономических проблем развития территорий», «Государственная национальная политика РФ».

Заявленные в рамках этих направлений доклады были заслушаны на заседаниях 21 секции, из которых три секции были представлены докладами молодых ученых, а также на трех круглых столах.

На секциях «Актуальные проблемы этносоциологии» и «Новые методы и подходы в этносоциологических исследованиях» докладчики заострили свое внимание на проблемах теории и методологии этносоциологии, требующих адекватных подходов для отражения действительности во всей ее сложности и многоплановости. Особый интерес вызвал доклад **Ю.В. Попкова** (ИФПР СО РАН, Новосибирск) «Об актуальных проблемах этносоциологии и национальной политики в контексте идей и озабоченностей Л.М. Дробижевой», в котором обсуждались перспективы этносоциологии, степень эффективности ее методологического арсенала и эвристического потенциала.

Ключевым направлением работы конференции стала тематика идентичностей, исследованиям которых в контексте консолидации российского общества Дробижева уделяла особое внимание в последние десятилетия. Это было отмечено в докладе **Г.Ф. Габдрахмановой** (ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, Казань) «Поиски российской идентичности, или об уроках Леокадии Михайловны».

Обсуждение разнообразных вопросов, связанных с изучением сложной и животрепещущей темы идентичностей, проходило на секциях «Российская идентичность: структура и смыслы», «Идентичности в условиях глобальных вызовов: теория и практика междисциплинарных исследований», «Взаимодействие российской, этнической и конфессиональной идентичностей», «Гражданская и этнокультурная идентичность молодежи в условиях неопределенности» и др. В своих докладах участники затронули самые разнообразные аспекты исследования идентичностей – сложности в трактовке общероссийской идентичности и содержательное наполнение этого концепта, процессы формирования гражданской идентичности, совместимость российской и этнической идентичностей и конкурентное взаимодействие идентичностей. Социально-политический ракурс изучения идентичности был представлен на секции «Культурная матрица и национально-государственная идентичность в контексте глобальных изменений». Здесь были заслушаны доклады, представившие выводы о специфике процесса трансформации национального самосознания, результаты ценностного измерения трансформации идентичности. При всем многообразии докладов их все объединяет актуальность и значимость обозначенной темы в контексте формирования новой социальной реальности под воздействием новых вызовов.

На секции «Язык и этничность» докладчики проблематизировали вопросы этноязыковой ситуации и этнокультурной политики в регионах на примерах национальных республик, выделяющихся языковым и этнокультурным многообразием (Адыгея, Башкортостан, Кабардино-Балкария, Коми, Татарстан, Саха (Якутия)). Обозначенная в названии секции тема раскрывалась в аспектах языковых ориентаций, этнической, локальной идентичностей. Были представлены тенденции в отношении функционирования в республиках государственных и родных языков с целью оценки потенциальной проблематизации языковых вопросов в контексте межэтнических отношений. Через оценки языковой ситуации в городах Татарстана раскрывались этнические аспекты локальной идентичности, этноязыковая идентичность молодежи анализировалась в контексте процесса языкового сдвига, отраженного в результатах всесоюзных и всероссийских переписей населения, процессы конструирования этнической идентичности рассматривались через понятие «родной язык».

Вопросы обеспечения межэтнического мира и согласия в российском обществе обсуждались на тематических секциях, посвященных межнациональным отношениям. На материалах исследований в Москве, Минске, Тюменской области, а также в республиках Башкортостан, Кабардино-Балкария и Саха (Якутия) докладчики рассмотрели влияние социальных факторов на межнациональные взаимодействия, проанализировали региональные различия в межэтнических установках населения. Результаты представленных докладчиками социологических исследований свидетельствуют о существовании позитивных факторов в межэтнических отношениях. При этом ухудшение социальных проблем, этнополитической

ситуации могут привести к их усложнению. Эта тенденция носит общероссийский характер и не всегда связана с этнокультурными особенностями изучаемых территорий, хотя может приобретать наиболее острый характер в отдельных регионах страны.

Проявления этничности участники анализировали на секциях «Этничность и идентичность в региональном измерении», «Этничность в контексте социально-экономических проблем развития территорий», «Этничность "на границах": гибридные идентичности и сообщества в России», «Этничность и межнациональные отношения в современной Европе». Исследователи рассуждали о проявлениях этничности в разных средах и измерениях, ее воздействии на благополучие социальных субъектов, влиянии на формирование профессиональной идентичности, с одной стороны, и социального неравенства – с другой. На основе результатов количественных исследований в регионах России выступающие представили анализ этносоциальной структура форм занятости, на основе которого сделали вывод, что рынок труда в регионах сильно структурирован, этнизирован и каждый его сегмент имеет свои условия включения и исключения. Интересные данные, иллюстрирующие процессы формирования и трансформации гибридных этнических идентичностей, были представлены участниками конференции на примерах коми-немцев, гуранов Забайкалья, карымов и метисов Бурятии, чагобя и аргобя во Владивостоке. Уникальная картина сохранения и поддержания этнической идентичности, а также интеграции в российское социокультурное пространство была представлена в исследовании потенциала инклюзивных и эксклюзивных идентичностей удин.

Отдельным направлением темы межэтнических отношений стало ее обсуждение в контексте «Национализм vs патриотизм». Проблемный характер дискуссии был задан докладчиками, рассуждавшими о ленинской национальной политике и разновидностях национализма в СССР, о новых тенденциях в русском национализме, о нормах поддержки своей страны в разных странах мирах и типах патриотических установок россиян. Интерес участников вызвала гипотеза о том, что в Советском Союзе в период Брежневской стабилизации укрепились две разновидности национализма, сыгравших важную роль в последующем распаде страны.

Организаторы «Дробижевских чтений» осознанно не включали вопросы миграции и мигрантских этнических меньшинств в основные направления работы конференции. Однако потребность в обсуждении этих проблем была столь явно выражена в заявках, что были организованы три специальные секции по миграции. На секциях «Идентичность и ценности представителей мигрантских этнических меньшинств в контексте их интеграции», «Проблемы адаптации и интеграции этнических мигрантов», «Центробежные миграции и дезурбанизационный тренд в современном российском обществе» поднимались вопросы интеграции мигрантов разных поколений в принимающее общество, обсуждались особенности миграционных процессов в поликультурном пространстве России, анализировались страновые различия отношения к иммигрантам. Участники дискутировали об идентичностях мигрантов и о проживаемых ими трансформациях ценностей. Обсуждались вопросы интеграции на примере «вклада» семейной памяти иммигрантов и «их» национальных историй в процесс интеграции в социально-культурную среду «страны приема». Особую озабоченность в этой связи вызвала проблема детей в бедных семьях трудовых мигрантов, представляющих одну из уязвимых и социально незащищенных групп населения. В контексте обсуждения интеграционных процессов также обсуждались различные критерии оценки степени успешности интеграции инокультурных мигрантов в региональное сообщество, к числу которых предлагалось отнести их вклад в социально-экономическое развитие. Также была представлена обоснованная точка зрения, что адаптация и интеграция несовершеннолетних мигрантов связана с адаптационным и образовательным ресурсом их родителей. Кроме того, в докладах были представлены результаты исследований, в которых озвучили объективные и субъективные факторы дезурбанизации в современной России, оценивали ресурсы социокультурной интеграции в родной культуре.

Тенденции региональных особенностей развития национальной политики были озвучены в докладах на секции «Специфика реализации и основные итоги Стратегии государственной национальной политики РФ в регионах Северного Кавказа».

На отдельной секции были представлены доклады, посвященные влиянию современных медиакоммуникаций на российское социокультурное пространство. Обсуждалось влияние медиакоммуникационных факторов на социокультурные изменения, трансформации массовой культуры, обострение социальных проблем в России.

Оживленные дискуссии продолжались на тематических заседаниях круглых столов «Этнические особенности социально-экономического развития республик Российской Федерации в контексте глобальных изменений», «Семья в движении: теоретические и эмпирические вопросы в контексте международной трудовой миграции в Россию», «Проблемы прикладных междисциплинарных исследований в проектах территориального развития», «Социокультурные факторы национальной идентичности в полиэтническом обществе», охвативших широкий круг участников.

Очевидно, что в рамках одной конференции сложно охватить все многообразие тем, выходящих за пределы традиционного исследовательского поля этносоциологии. Мероприятие получилось насыщенным и продуктивным, участникам удалось раскрыть широкий спектр проблем, возникающих на стыке этнических, социальных (отчасти и политических, экономических) проблем, требующих междисциплинарных инновационных подходов и новых инструментов изучения в условиях меняющейся социальной реальности. Современная отечественная этносоциология, у истоков которой стояла Л.М. Дробижева, стремительно развивается, а это значит, что заложенная традиция Дробижевских чтений будет продолжаться, вдохновляемая научным наследием Леонаиды Михайловны Дробижевой.

В.И. МУКОМЕЛЬ, Е.Ю. ЩЕГОЛЬКОВА

МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич, д.социол.н., гл. науч. сотр. (mukomel@isras.ru); ЩЕГОЛЬКОВА Елена Юрьевна, науч. сотр. (le_na_3@mail.ru). Оба – Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250027785-6

DROBIZHEVA READINGS: ETHNIC AND SOCIAL DIMENSIONS

Vladimir I. MUKOMEL, Dr. Sci. (Sociol.), Chief Researcher (mukomel@isras.ru); Elena Yu. SHCHEGOLKOVA, Researcher (le_na_3@mail.ru). Both – Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

© 2023 г.

VI КАЗАНСКИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ

Очередные Казанские социологические чтения на тему «Цифровая социализация и цифровая компетентность в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» состоялась 18–19 мая 2023 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете (КФУ). В ходе конференции работало пять секций, на которых выступили более 200 ученых из разных городов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань, Уфа, Калининград, Грозный, Владивосток, Тюмень и др.), а также из Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Йемена и Турции.

Открывая пленарное заседание конференции, директор Института социально-философских наук и массовых коммуникаций КФУ проф. **М.Д. Щелкунов** (Казань) отметил, что ежегодное проведение Чтений стало хорошей традицией, позволяющей сосредоточить усилия социологического сообщества на фундаментальных и прикладных научных исследованиях цифровой социализации и цифровой компетентности в условиях современного информационного общества. С приветственным словом также выступили директор Научно-исследовательского института Южно-Казахстанского университета им. М. Ауэзова, проф. **Ж.Т. Айменов** (Казахстан) и проф. **М.Ю. Ефлова** (КФУ, Казань).

Проблеме изучения ценностных миров молодежи Северо-Запада России был посвящен пленарный доклад проф. **Е.Л. Омельченко** (НИУ ВШЭ – СПб.). Докладчик рассказала о результатах исследования выбора жизненных стратегий талантливой молодежью и ее роли в повышении конкурентоспособности российских регионов как ответа на глобальные вызовы «утечки мозгов». С 2021 по 2023 г. были проведены опросы студентов и глубинные интервью с выпускниками вузов Калининграда, Пскова, Сыктывкара, Петрозаводска, Мурманска и Архангельска. Е.Л. Омельченко отметила, что миграционные намерения молодежи всех шести городов скорее схожи, отличаются лишь в деталях. Практически половина выпускников вузов хочет остаться в регионе полученного образования (преимущественно – в Калининграде и Сыктывкаре, в других городах – в меньшей степени). Каждый десятый планирует переехать в другую страну, каждый пятый – в другой регион (в качестве наиболее привлекательных российских локаций для переезда лидируют Москва и Санкт-Петербург). Как отметила докладчик, значимый фактор для современной российской молодежи – это чувство самореализации, при этом жизненные стратегии и цели у молодых людей, настроенных на переезд, и у желающих остаться идентичны: самореализация, здоровье, желание найти себя, найти работу по душе, быть независимым и свободным человеком. Также исследованием зафиксирована сильная эмоциональная привязанность респондентов к локальному месту и территории повседневной жизни и образования, что обуславливает важность развития городов как комфортного и безопасного во всех смыслах пространства жизни и работы, что при определенных обстоятельствах может послужить своего рода «стоп-фактором» в принятии решения уехать.

Проблемы и возможности для реализации молодежи Кабардино-Балкарской Республики осветил **Х.К. Геграев** (КБГУ, Нальчик). Он обратил внимание на высокие показатели молодежи в социально-демографической структуре региона, в первую очередь у титульных этносов. Согласно социологическому опросу, на первое место молодежь Северного Кавказа ставит проблемы экономического характера и социально-экономической политики. Х.К. Геграев поделился размышлениями о направлениях преодоления обособленности молодежи и ее замкнутости внутри этнических и религиозных общностей. Опыт межрегиональных и всероссийских мероприятий показывает стремление молодежи

Северного Кавказа к интеграции, межрегиональному и межкультурному взаимодействию и сотрудничеству. Важно включать молодое поколение в формирование и реализацию государственной молодежной политики. Также необходимы адресность и индивидуальный подход, предполагающие учет особенностей каждой возрастной, социальной, профессиональной, этнической группы.

Работа Казанских социологических чтений продолжилась секционными заседаниями. Также в рамках конференции прошел круглый стол «Молодежь в сетях большого города: ресурсы и барьеры социального включения», на котором были представлены результаты работы проекта «Зеркальных лабораторий» НИУ ВШЭ – СПб. и КФУ.

В рамках секции «Цифровая социализация и медиакомпетентность в современном обществе» (модераторы **Л.Г. Егорова**, **А.В. Липатова**, КФУ, Казань) были рассмотрены проблемы цифровой социализации молодежи, особенности влияния блогинга на самореализацию молодого поколения в условиях цифровизации, специфика цифрового интеллекта и медиакомпетентности студенческой молодежи, дополненная реальность в контексте цифрового неравенства, проблема распространения фейковых новостей и способы их распознавания, фаббинг как результат влияния цифровизации на коммуникационные практики молодежи, детский семейный досуг в условиях цифровой трансформации и др. аспекты. Среди выступлений этой секции можно выделить доклады **П.В. Коноваловой** и **Д.Д. Трубицкой** (РУДН, Москва) об исследовании социальных сетей как информационных каналов вовлечения в экстремистские организации и путям решения данной проблемы, **А.И. Акста** (БФУ, Калининград) о мнении родителей как факторе виртуальной самопрезентации студентов.

В выступлениях на секции «Социальная структура и культура в условиях глобальных вызовов» (модераторы **Л.Р. Низамова**, **А.Н. Нурутдинова**, КФУ, Казань) были освещены такие направления исследований, как сценарии социального включения и одиночество в большом городе, формирование ценностного ядра городской общности в условиях глобальных вызовов, спорт как культурный феномен в современном глобальном социуме, вопросы изменения культуры и стиля жизни в условиях цифровизации, новые взгляды на изучение кинематографа, мультипликации и народных сказок, развитие национальных языков и исторической памяти. Наибольший интерес среди участников секции вызвал доклад **Е.А. Беляевой** и **Е.В. Грунт** (УрФУ, Екатеринбург), посвященный современному отечественному кинематографу в оценках екатеринбуржцев в условиях глобального вызова российской культуре.

Секция «Жизненное пространство современной российской молодежи: вызовы, проблемы, возможности» (модераторы **О.А. Максимова**, **А.Р. Гарифзянова**, КФУ, Казань) была посвящена рассмотрению проблем гражданской идентичности молодежи в условиях неопределенности в контексте интеграции российского общества, влияния вторичной занятости студентов на реализацию практик заботы о себе, выбора брачного партнера в условиях развития социальных медиа, специфики сексуального просвещения современной российской молодежи, проблем анорексии, демонстративного поведения, языковых установок, экологических практик современной российской молодежи и др. В докладах этой секции можно выделить выступления **Ю.Н. Соловаровой** (КНИТУ-ХХТИ, Казань) о демографической безопасности в контексте цифровизации жизненного пространства современной российской студенческой молодежи и **Ю.В. Мокеровой** (УрФУ, Екатеринбург) о новых практиках питания современной российской молодежи.

На секции «Человеческий потенциал, социальный капитал, образование и профессиональные траектории в современных условиях» (модераторы **Ю.Р. Хайрулина**, **Р.Р. Гарипова**, КФУ, Казань) были заслушаны доклады, посвященные методам развития профессиональных компетенций социального работника при оказании социальных услуг, феномену NEET-молодежи в современных российских реалиях, способам привлечения молодежи к социальному предпринимательству, актуальным проблемам и направлениям развития современной андрогогики, практикам трудоустройства людей с инвалидностью, социальному

капиталу современных российских организаций, цифровой аскетике как способу формирования навыков саморазвития, виртуальным командам как атрибуту цифровизации HR-менеджмента и др. (**И.И. Рысаева** (БАГСиУ, Уфа), **Г.З. Ефимовой** (ТГУ, Тюмень) и др.).

В ходе работы секции «Проблемы здоровьесбережения, воспроизводства социального порядка и неравенства в условиях цифровой трансформации» (модераторы **Ж.В. Савельева**, **Л.М. Фахретдинова**, КФУ, Казань) дискуссия развернулась вокруг таких исследовательских направлений, как деятельность медицинских учреждений в условиях цифровизации, потенциал донорства в молодежной среде, кадровые ресурсы системы здравоохранения, конфиденциальность персональных данных пациентов и безопасность в интернете, проблемы репродуктивного принуждения, социальной инклюзии людей с инвалидностью, возможности реализации и самоактуализации населения региона как компоненты социального здоровья и др. Отметим доклад **Р.Ф. Батыровой** (БАГСиУ, Уфа) о роли современных цифровых технологий в профилактике заболеваний населения.

Прошедшая конференция продемонстрировала высокий потенциал Казанских социологических чтений как площадки для плодотворной и многогранной дискуссии о развитии современного общества в условиях цифровизации и новых рисков.

М.Ю. ЕФЛОВА, О.А. МАКСИМОВА

ЕФЛОВА Мария Юрьевна, д. социол. н., зам. директора Института социально-философских наук и массовых коммуникаций (meflova@gmail.com); МАКСИМОВА Ольга Александровна, к. социол. н., доц. (olga_max@list.ru). Обе – Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

DOI: 10.31857/S013216250027786-7

VI KAZAN SOCIOLOGICAL READINGS

Maria Yu. EFLOVA, Dr. Sci. (Sociol.), Deputy Director, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications (meflova@gmail.com); Olga A. MAXIMOVA, Kand. Sci. (Sociol.), Assoc. Prof. (olga_max@list.ru). Both – Kazan Federal University, Kazan, Russia.

Размышления над новой книгой

© 2023 г.

В.П. КОЛОМИЕЦ

ТРАНСФОРМАЦИЯ КНИГИ: МЕДИАТИЗАЦИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО ОПЫТА ПОКОЛЕНИЙ

КОЛОМИЕЦ Виктор Петрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии массовых коммуникаций факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (vikkolomiets@yandex.ru).

Аннотация. На размышления натолкнула книга социолога Кембриджского университета Джона Брукшира Томпсона «Книжные войны: цифровая революция в книгоиздательстве» (Thompson J.B. Book Wars: The Digital Revolution in Publishing. Cambridge: Polity, 2021). Известный британский социолог, препарируя книгоиздательскую индустрию, раскрывает историю трансформации книги в период цифровой революции. Представлены перипетии противостояния традиционных издателей бумажной книги и технологических компаний, многообразных инноваций в области электронной книги. Это позволяет автору выйти на теоретические обобщения, которые связаны с анализом взаимоотношений цифровых технологий и общества, методики социологических исследований сложных процессов, порожденных цифровой революцией.

Ключевые слова: книга • книгоиздательство • цифровая революция • книжные войны • технологические платформы

DOI: 10.31857/S013216250027787-8

Работы социолога Кембриджского университета Джона Брукшира Томпсона (John Brookshire Thompson) по социальной теории, социологии политики и идеологии [Thompson, 1984, 1990], хотя и не переведены на русский язык, известны отечественным исследователям. А его работу «Медиа и современность. Социальная теория медиа» [Thompson, 1995] можно отнести к классическим в области социологии массовой коммуникации – основному исследовательскому направлению автора с 1990-х гг. В данном тексте предлагается анализ новой объемной (более 600 стр.) книги Дж. Томпсона [Thompson, 2021]. Почему именно эта книга заслужила такое внимание, вызвала интерес и желание не только поразмышлять над прочитанным, но и поделиться об этом с коллегами?

Первое – это глубокая тревога за книгу как культурный артефакт, которая, хотя и является, как колесо, «неким пределом совершенства в сфере воображаемого» [Карьер, Эко, 2010: 9], в настоящее время переживает не лучшие времена. Поэтому любое исследование, в котором предпринимается попытка осмыслить происходящие трансформации с книгой, вызывает интерес, особенно у поколения, для которого книга выступает сосредоточением знаний и отобранного коллективного опыта, то, без чего человечество не обходилось много столетий и сложилось твердое убеждение, что обойтись не может.

Второе имеет более рациональный характер и связано с методологией и методикой исследования, исследовательской рефлексией, теоретическими обобщениями автора, то есть с содержанием работы, которое вызвало множество позитивных эмоций и породило размышления о тех изменениях, которые принесла цифровая революция. И, хотя автор

всю методологию исследования отправил в конец работы (Приложение 2), мы начнем анализ с исследовательских методов и исходных методологических позиций, поскольку первое восхищение, которое возникает при чтении книги, – это гармоничное сочетание высокой академической социологии и глубокого проникновения в сложное переплетение технологии функционирования книжной индустрии, издательского бизнеса. Автор с одинаковым успехом мог бы выступать как на международном социологическом конгрессе, так и профессиональной индустриальной конференции; лектором в студенческой аудитории и экспертом-консультантом по организации и ведению издательского бизнеса. Обращаясь к реалиям отечественной социологии, легко заметить, что академическая социология творится в тиши кабинетов и востребована, к сожалению, только там. А индустрия, в самом широком ее понимании, как-то обходится без социологического знания.

Как автор достиг успеха? Прежде всего, двадцатилетней исследовательской деятельностью изучения книги как культурного артефакта. Дж. Томпсон ранее уже опубликовал две работы об издательской индустрии, трансформации книги на рубеже веков [Thompson, 2005, 2010]. Материал для этой книги собирался порядка шести лет и охватывает период до 2018 г. Основной метод исследования – полуструктурированное глубинное интервью (около 180 интервью продолжительностью от часа до полутора) с различными субъектами издательской индустрии, что позволило автору проникнуть внутрь организаций и почувствовать, как они работают, увидеть ситуацию с точки зрения тех, кто принимает непосредственное участие в книгоиздании. Также в тексте собрано много статистики, представленной в таблицах, графиках, диаграммах. Собранные данные, с точки зрения автора, были как «не хорошо организованный концерт, а скорее дикая и шумная какофония с бесчисленным множеством музыкантов, играющих свои мелодии по-своему на самых разных новых и причудливых инструментах» (р. 588)¹. Исходная авторская идея, что технологические инновации, которые и меняют бытие книги в обществе, глубоко контекстуальны, позволила превратить эту какофонию в мелодию: «Они (технологические инновации. – Прим. В.К.) всегда происходят в конкретных социальных и исторических контекстах, которые определенным образом структурированы и в рамках которых определенные акторы стремятся достичь определенных целей, используя имеющиеся в их распоряжении ресурсы» (р. 589).

Контекстуальность – отличительная черта Томпсона как исследователя. Идеология, медиа или книга помещаются в конкретный контекст, концептуализируемый в терминах поля П. Бурдьё. Это позволяет структурировать контекст, разложить его на компоненты и представить их характеристики. Например, различные виды ресурсов, которые люди и организации накапливают и используют для достижения своих целей; асимметричное распределение ресурсов и отношений власти, составляющих поле; способ, которым акторы позиционируются (и позиционируют себя) по отношению к другим игрокам на поле; формы сотрудничества, конкуренции и конфликтов, к которым приводит деятельность этих акторов; и т.д. В этом разрезе технологические инновации (электронная книга, аудиокнига, книга самоиздания) предстают у автора как набор действий, осуществляемых отдельными лицами и организациями, работающими в определенных областях, с использованием материалов, форм знаний и ресурсов, находящихся в их распоряжении. Технологии, порождающие новые формы создания и распространения символическо-смыслового продукта, коллективного опыта, рассматриваются автором не в их физическом воплощении, а как процессы, неизбежно связанные с человеческими мотивациями и социальными отношениями, с интересами, ресурсами и властью. Анализ интервью с участниками процесса позволил автору сосредоточиться на социальных акторах, которые используют возможности, открываемые технологическими изменениями, выдвигая новые идеи и стремясь разработать новые книжные продукты, новые практики, новые способы создавать, распространять и потреблять

¹ Здесь и далее постраничные ссылки на рецензируемую книгу даны в круглых скобках.

контент, а также пытаться понять, как превратить эти новые способы ведения дел в деятельность, которая будет устойчивой с течением времени (р. 583).

Есть еще один очень важный методологический момент, который в данной работе не прописан специально, но его влияние как некой априорной авторской позиции очень значимо. В 1990 г. Томпсон для обозначения процессов влияния медиа на общественное сознание, культуру и общество ввел англоязычный неологизм *медиазация* (mediatization), который в настоящее время получил широкое распространение [Коломиец, 2020]. С его точки зрения, превращение события в медиафакт кардинально изменяет природу происходящего. Футбольный матч на стадионе – это, как правило, просто матч, в котором главное футбол. Футбольный матч по телевидению – это шоу, в котором футбол только повод для шоу. Это два разных события. А современное пространство все более наполняется медиафактами. Превращение книги из физического канала массовой коммуникации в медиа с множеством разнообразных средств, способов доставки потребителям приводит к различным форматам «упаковки» символического содержания коллективного опыта, который носит обобщенное название «книга». Идея трансформации книги как медиазация коллективного опыта поколений пронизывает все многостраничное исследование.

Томпсон отмечает важнейшую роль цифровых технологий в трансформации книги, однако видимое доминирование технологий приводит к неверному толкованию, что победила именно она, потому что по своей сути лучшая. Автор показал, что это далеко не так. Во многом результат связан с определенным контекстом, в котором социальные факторы играют существенную роль. На этапе проектирования технологии предугадываются интересы, навыки, мотивы и поведение будущих пользователей. Впоследствии эти представления материализуются в дизайне нового продукта. В результате технологии содержат сценарии (или сценарии): они приписывают и делегируют определенные компетенции, действия и обязанности пользователям, которые могут быть и не приняты потребителями. Другими словами, технологические результаты являются следствием инженерных, социальных, а также технических явлений. Таким образом, не обязательно техническая эффективность, а скорее случайная совокупность социально-технических обстоятельств и игра институциональных интересов определяют предпочтение одной технологии перед другой. В том, как развиваются технологии, нет ничего неизбежного. Технологические изменения – это полностью случайный и гетерогенный процесс (р. 589). За этими рассуждениями автора легко проглядывают методологические и методические сложности анализа конкретных механизмов реализации технологической инноватики в современном обществе. Хотя речь идет об узкой технологической сфере – книгоиздательстве, эти рассуждения выходят далеко за пределы книжного производства. В этом видится одно из важнейших достоинств книги.

Главная цель работы, как отмечает автор – «исследовать, что на самом деле произошло и что продолжает происходить, когда цифровая революция захватывает мир книгоиздания» (р. 19). Цифровая революция в издании книг началась еще в начале 1980-х гг. в области логистики, управления цепочками поставок и постепенной трансформации систем бэк-офиса. Это был огромный сдвиг. Однако наиболее заметные изменения наступили, когда цифровизация внесла сущностное изменение в символический контент: он стал цифровым с различными возможностями. Книга как собрание некоторого количества листов, соединенных вместе, на которых что-либо написано или напечатано (старейшее определение, которое было дано в 1740 г. на страницах «Большого исторического словаря», выпущенного в Париже), получило совершенно новое воплощение как электронная книга или аудиокнига; широкое распространение получил самиздат, в котором нет редакторов, что повлекло за собой резкий рост количества издаваемых книг и снижение их качества. Внезапно сами основы книгоиздания, существовавшие более 500 лет, оказались под вопросом. Вспыхнули ожесточенные конфликты между традиционными издателями и новыми игроками, включая могущественные технологические компании, которые смотрели на мир совершенно по-разному. Начались книжные войны.

Автор последовательно рассматривает противостояние акторов, ресурсов, власти, коммерческой активности различных субъектов, которые пытались, используя открывшиеся возможности цифровизации, изобрести «новую» книгу или, по крайней мере, создать устойчивый бизнес, оцифровывая и упаковывая определенным образом бумажные книги. В работе показано, что все попытки переизобрести книгу в виде «цифровой короткометражки» (до 10 000 слов), «книги как приложения» или «улучшенной мультимедийной электронной книги» без бумажного инварианта успеха не имели. Великолепная идея выпуска красивых электронных книг, которые были бы не просто копиями печатного текста, а уникальными цифровыми проектами, наталкивалась на малое число рецензий, поскольку рецензенты их не замечали; чрезмерно сложную систему управления содержанием и отсутствие чувства обладания, которое возникает, когда бумажная книга занимает свое место на полке личной библиотеки. Автор пришел к выводу, что цифровая революция вряд ли может привести к изобретению новой формы книги, скорее речь идет об ее инновационных форматах.

Интересный факт зафиксирован автором в области медиапотребления цифровой книги. Оказывается, ее успех или неудача зависит прежде всего от архитектурного построения текста. «Самая поразительная разница между категориями, которые хорошо продаются как электронные книги, и теми, которые плохо продаются, заключается в том, что первые состоят из повествовательного линейного текста, а вторые – нет... Текст построен как рассказ с сюжетом, который разворачивается последовательно, шаг за шагом, и читатель следит за последовательностью» (р. 72). Этот факт привлекателен тем, что если цифровизация привела в области видео и аудио к развитию повсеместного дискретного медиапотребления, то текст линейного нарратива в цифровой среде потребляется с большим успехом, чем дискретно выстроенные с гиперссылками текстовые построения.

Одно из самых удивительных приключений книги, о котором пишет Томпсон, связано с появлением и значительным ростом популярности аудиокниг. Аудиокнига создает иную связь между печатным и устным словом. С одной стороны, это инновационный формат печатной книги. Она является устным письмом или устным текстом. С другой – производство аудиокниги превратилось в самостоятельную квазииндустрию. Аудиокниги получили некоторое признание как самостоятельная форма искусства со своими специалистами и собственными поощрениями. Таким образом, аудиокнига получила определенную степень независимости от печатной книги, которая была ее первопричиной. Но как только книга становится частью аудиовизуального микса цифровой культуры, она также сталкивается с самой большой проблемой любого культурного блага в этом пространстве: конкуренцией за внимание потребителей. «Будущее аудиокниг будет в значительной степени зависеть от того, смогут ли они обеспечить прочное присутствие в аудиовизуальном миксе цифровой культуры для значительного числа людей, и будет ли это присутствие расти, сокращаться или оставаться статичным перед лицом конкуренции, создаваемая постоянно растущим потоком аудиовизуального контента, требующего внимания потребителей» (р. 423).

Пожалуй, центральное место в работе занимает анализ конфликта между традиционными издателями книг и цифровыми платформами Google и Amazon. Интересы традиционных производителей книг и технологических платформ, направленных на их распространение, зачастую совершенно не совпадают. На кону в этих конфликтах стоят разные способы мышления о книге и разные способы генерирования власти. Для старых книгоиздателей книга – это все: издатели занимаются производством книг, им требуется постоянное поступление новых текстов, и жизнеспособность бизнеса зависит от их способности превращать контент в товар и устойчивым образом его распространять. Для технологических компаний, напротив, книга – средство достижения других целей. Они не занимаются бизнесом по производству книг. Их основной бизнес в другом месте – они занимаются поисковыми системами, розничной торговлей или другим бизнесом. Для них книга – способ стимулирования, усиления или улучшения этих других видов бизнеса,

а не самоцель. Например, Google взялся за оцифровку бумажных книг с целью развития своей поисковой системы, превращения ее в лидера, и как только цель была достигнута – интерес к оцифровке бумажных книг пропал. Более того, технологические компании обнаружили важную черту цифровизации, которую они могли использовать в своих интересах: они выяснили, что пользовательские данные могут быть превращены в особый вид ресурса, который ценен и который можно продать рекламодателям. Технологические компании нуждались в читаемых книгах, потому что чем больше пользователей они могли привлечь, тем больше пользовательских данных они могли создать. Но ценность книги как культурного капитала, как инструмента аккумуляции и трансляции интегрированного опыта поколений для них была не важна – они коммодитизировали не контент, а пользовательские данные. Они не заинтересованы в сохранении высокой ценности содержания книги. Для технологических компаний, чем дешевле производство книги, тем лучше, потому что дешевая книга является способом привлечения пользователей, реальным активом были именно пользовательские данные. Эта разная экономическая логика и лежит в основе старых медиаотраслей, таких как книгоиздание, и новых технологических компаний, таких как Google и Amazon: в основе этих споров разные способы осмысления ценности книг и разные способы генерирования финансовых ресурсов, на которых основывается сила этих компаний (р. 573–574).

Книгоиздание, которое анализирует Томпсон, является хорошей иллюстрацией формирования, так называемого «надзорного капитализма», о котором пишет Ш. Зубофф, поскольку книга – это аккумуляция коллективного опыта, а современные технологические компании также претендуют на обладание коллективным опытом, но совершенно с иными целями. «Надзорный капитализм в одностороннем порядке претендует на человеческий опыт как на бесплатное сырье для превращения его в данные о человеческом поведении» [Зубофф, 2022: 17]. То есть мы имеем в данном случае две формы концентрации человеческого опыта: книга как инструмент гуманистического цивилизационного развития, впрочем, всегда контролируемого со стороны общества; коллективный опыт оцифрованный, собранный и аккумулированный в больших данных, который в настоящее время используется для обогащения их владельцев, но имеет большой социальный потенциал (как созидательный, так и разрушительный).

В то время как книга в центре всех этих конфликтов, Томпсон утверждает, что наиболее фундаментальные последствия нужно искать в другом месте. Книга, напечатанная на бумаге, оказалась удивительно устойчивой культурной формой, но цифровая революция изменила отрасль, породив новых игроков, которые обладают теперь беспрецедентной властью, множество новых издательских и книжных форм. Цифровая коммуникационная революция существенно расширила информационно-коммуникационную среду, создав новые проблемы и новые возможности для книгоиздателей, стремящихся переосмыслить свою роль в эпоху цифровых технологий, а книга, при всех инновационных формах, так и осталась книгой. Чтение работы Томпсона приводит к заключению, что если книге что-то угрожает, то это не цифровая революция. Цифровая революция создает новые возможности.

В завершение отметим, что это социологическое исследование, которое, с одной стороны, подробнейшим образом препарирует издательскую индустрию, раскрывает перспективы книги как артефакта, аккумулирующего и транслирующего человеческий опыт, с другой стороны, выходит далеко за пределы книгоиздания, раскрывая различные аспекты информационного капитализма, взаимосвязи технологий и социальной среды, а также методологические и методические приемы социологического анализа технологических инноваций. Эта книга несет интересный опыт социологического познания, как пишет автор, «мира в движении», и этим заслуживает прочтения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Ин-т Гайдара, 2022. [Zuboff S. (2022) *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Moscow: In-t Gajdara. (In Russ.)]
- Коломиец В.П. Медиатизация медиа. М.: МГУ, 2020. [Kolomiets V.P. (2020) *Mediatization of Media*. Moscow: MGU. (In Russ.)]
- Карьер Ж.-К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книги! / Интервью Ж.-Ф. де Тоннака / Пер. с фр. и примеч. О. Акимовой. СПб.: Симпозиум, 2010. [Career J.-C., Eco U. (2010) *Do not expect to get rid of the book!* / J.-F. de Tonnac. St. Petersburg: Simpozium. (In Russ.)]
- Thompson J.B. (1984) *Studies in the Theory of Ideology*. Cambridge: Polity; Berkeley: University of California Press.
- Thompson J.B. (1990) *Ideology and Modern Culture: Critical Social Theory in the Era of Mass Communication*. Cambridge: Polity; Stanford: Stanford University Press.
- Thompson J.B. (1995) *The Media and Modernity: A Social Theory of the Media*. Cambridge: Polity; Stanford: Stanford University Press.
- Thompson J.B. (2005) *Books in the Digital Age: The Transformation of Academic and Higher Education. Publishing in Britain and the United States*. Cambridge: Polity, 2005.
- Thompson J.B. (2010) *Merchants of culture: the publishing business in the twenty-first century*. Cambridge; Malden: Polity.
- Thompson J.B. (2021) *Book Wars: The Digital Revolution in Publishing*. Cambridge: Polity, 2021.

BOOK TRANSFORMATION: MEDIATIZATION OF THE COLLECTIVE EXPERIENCE OF GENERATIONS

KOLOMIETS V.P.

Lomonosov Moscow State University, Russia

Viktor P. KOLOMIETS, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Head of the Chair of Sociology of Mass Communications, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (vikkolomiets@yandex.ru).

Abstract. The article offers an overview of the book "Book Wars: The Digital Revolution in Publishing" written by J.B. Thompson, a sociologist at the University of Cambridge. The paper discusses the history and transformation of book publishing during the digital era, including the conflicts between traditional publishers and technology companies, and the innovations in e-book technology. The author explores the conflicts between traditional paper book publishers and technological companies, as well as the various innovations in the field of e-books. The author also explores relationship between digital technology and society, which allow him to derive theoretical conclusions, as well as the methodology of social research into complex processes generated by digital revolution.

Keywords: book, publishing, digital revolution, book wars, technology platforms.

INTERNATIONAL SOCIOLOGY

(2023)

- № 3. Фрерикс П. и др. Картирование перераспределения по показателю семья: опыт европейского сравнения; Акеда Н. Доверие и образовательный разрыв в требованиях перераспределения: данные Всемирного исследования ценностей и Европейского исследования ценностей; Маркес-Пералес Л., Гомес-Эспино Х.М. Роль работающей женщины в социальной мобильности Испании; Зелинска О. Влиятельные союзники и мобилизация массового движения: украинский майдан 2013–2014; Хомчински П. и др. За пределами денег, власти и маскулинности: анализ вербовки в мексиканские нарко-структуры; Кассем А. Деревенское происхождение, дискриминация и городская современность: размышляя вместе с «деревенскими» в Ливане; Сю Дзяохуа и др. Нагрузки, депрессия и девиантное поведение бездомных и небездомных подростков в Китае.
- № 4. Сервиан А.С. Сокорро: Стойкие любители бриколажа на городских окраинах; ван дер Вельде С. «Что вы сделали с нашим миром?»: глобальный голос поколений; Чжан Ю-чи. Между автономией и подчинением: механизм микропроизводства профессиональных ролей китайской уличной социальной станции; Мишкольци Р., Фернандо де Фигейредо Б. Морализация политики в Бразилии; Е Ван-пей, Чень Мей-ру. Обучение гражданским компетенциям элитных учеников средних школ Шанхая; Фавзи А. и др. Дигитальное социальное конструирование готовности платить на онлайн-рынках: экономическая социология дигитально функционирующего продуктового рынка Индонезии.

CURRENT SOCIOLOGY

(2023)

- № 5. Величкова А. Гражданство как маркер касты: как люди воспринимают межнациональное неравенство; Среданович Д., Делла Пуппа Ф. Брекзит и виды стратифицированного использования гражданства ЕС и гражданства страны; Бенсон М. Гонконгцы и колониальность британского гражданства от деколонизации до «Глобальной Британии»; Чжун Шель Чинь и др. Локализация социальных исследований по некоторым научным дисциплинам в Южной Корее; Чан Си-чье. Восприимчивость к разным типам мигрантов на Тайване: гражданское поведение и поддержка однополых браков как новые переменные; Чай Йи-да. Религия «опиум для народа»? Религия и политическое доверие в Китае; Бараник Л. и др. Васта¹ и его связь со статусом занятости и доходом на арабском Среднем Востоке; Хаббас В., Борода Я. Колониальный менеджмент как социальное поле: палестинская переделка израильской системы контроля пространства; Вуга Бершнав Я. и др. Характеристики баланса работа-жизнь при пандемии в семьях словенских военных в период локдауна: кто платил самую высокую цену? Кубацка М. и др. Пандемийная ярость: бытовые конфликты во времена ковидного кризиса; Шталь Г. и др. История предосторожности: управление риском для акторов политики противодействия насильственному экстремизму в школах Австралии; Виссер В. и др. К пониманию (не)участия малообразованных граждан в гражданских инициативах: чувство обязанности и вкус к политике.

AMERICAN SOCIOLOGICAL REIEW

(2023)

- № 3. Коул У.М. и др. Права личности, доверие к институтам и уровни вакцинации по странам, 1995–2018; Юргенсон Э. и др. Пушки против климата: как милитаризация умножает влияние экономического роста на выбросы углеводов; Чу Дж. Ясность из насилия?

¹ Блат – араб.

Межгрупповая агрессия и структура статусных иерархий; Харви П.Ф. «Каждый мнит себя особым»: как школы учат детей понимать свое социальное положение; Чен Менчи и др. Как распространяются новые идеи в науке? Лиги Э. и др. Какие типы новинок наиболее разрушительны?

- № 4. Энгцель П., Муд К. К пониманию паттернов и трендов мобильности доходов посредством *multiverse* анализа; Нельсон Л. и др. Не торопясь: последствия оценки рабочего места для гендерного неравенства в организации; Донахью С.Т. Политика полиции; Уотсон Дж. Стандартизируя беженцев: магистрали и дороги американской программы расселения беженцев; Сяо Юань и др. Угол, команда и дигитальная улица: множественные сети онлайн-офлайн-конфликтов между бандами цифрового века; Суиндл Дж. Пути глобальной культурной диффузии: СМИ и моральные осуждения насилия мужчин в отношении женщин.

AMERICAN JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2023. Vol. 128)

- № 5. Брошич М. Отчуждение и активизм; Брендэж Дж.С. Представительство и признание: государственный суверенитет перформативен; Веласко К. Ответная транснациональная реакция и деинституционализация либеральных норм: ЛГБТ + права в соперничающем мире; Голдштейн А., Найт К.Р Бум, взлет, повторить: участие в финансовом рынке и циклы спекуляции; Водтке Дж. и др. Объяснимы ли различия качества школьного обучения влияниями места проживания; Чжан Э. и др. Роль братьев и сестер: хорошо учащиеся брат/сестра могут быть важнее для детей из неблагополучных семей.
- № 6. Карлсон К.Б. Черно-белые тренды межпоколенной образовательной мобильности: опыт позиционного анализа; Сон Хей Чжу. Структурные неравенства в сети родственной безопасности; Свит П.Л. Организация гибрида пенитенциарной системы и социального обеспечения: травма, уязвимость и государственное признание жертв преступлений; Халлстен М., Колек М. Тень крестьянского прошлого: семь поколений устойчивого неравенства в Северной Швеции; Кучинскас Х., Зилант И. Ходьба по моральной проволоке: лояльность гражданских чиновников, осторожность и сопротивление при администрации Трампа; Эльверт Ф. и др. Переставим стулья: крупный случайный полевой эксперимент по влиянию близких контактов на межэтнические отношения.

EUROPEAN SOCIOLOGICAL REVIEW

(2023)

- № 3. Борген С. За ширмой средних показателей: иммигранты в школах и дифференцирующие влияния на достижения учеников; Хассан С. и др. Есть ли негативные влияния детей беженцев на результаты учебы местных учеников школ? Информативные нулевые результаты данных датского регистра; Феррара А. Высокие устремления или низкие достижения? Разнородные разрывы между иммигрантами и местными при зачислении в среднюю школу и результаты после транзита во Франции; Долльман Й. и др. Является ли «оптимизм иммигрантов» проблемой выбора образования? Хермансен А.Ш. Этнические анклав, ранний уход из школы и подростковая преступность среди молодых мигрантов; Гевен С., Шпёрляйн К. Кто выигрывает от связи школы с работой на рынке труда? Сравнение местных, обучавшихся за рубежом мигрантов и мигрантов, обучавшихся в стране; Арадхия С. и др. Устойчивая безработица среди иммигрантов во втором поколении; Альварес Бенхумея А. Раскрыть скрываемые мнения: социальные нормы и выражение ксенофобных установок; Лякруа Ж. и др. Дискриминация, питаемая переменами в социальном и экономическом консерватизме: данные странового полевого эксперимента; Фернандес-Рейно М. и др. Дискриминация без маски: полевой эксперимент по поводу барьеров для женщин-мусульманок в Германии, Нидерландах и Испании.

KÖLNER ZEITSCHRIFT FÜR SOZIOLOGIE UND SOZIALPSYCHOLOGIE

(2023. Vol. 75)

- № 1. Брюлле Я., Гангль М. Рост бедности и рост значения зависимостей от жизненного пути; Греш К. и др. Связи места проживания с успешной учебой в школе; Воронин Е. Роль цен-

ностей как медиатора в отношениях между социальной позицией и культурной всеядностью в Германии; Бересвиль М. Социология скрытности; Новые книги: Хельман К.-У. Исследование статуса; Хильмерт Ш. Исследование науки; Кек М. Исследование бедности; Мейер Дж. Исследование высшей школы.

- № 2. Хайде Ю. Проверяемый случай – бедность. О связи установок неравенства и социального положения; Худде А. Семьдесят лет гендерных различий в электоральном поведении немцев; Михаловски И. Секулярность в бассейне. Установки к своим и чужим телесным практикам; Нассехи А. и др. Смерти нужна латентность. Организованная помощь в конце жизни в зоне напряжения между действием и опытом; Библиография. Шнайдер В. Понятие аскезы у Макса Вебера; Фишер П. Социология интеллектуалов; Мэссе Й. Альтернативные факты; Винтер Р. Социология фильмов; Биршенк Т. Расизм.

BRITISH JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2023)

- № 3. Спецвыпуск: Ежегодная публичная лекция журнала "British Journal of Sociology". Дж. Го. Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория; Мегджи А. Заниматься эпистемным неповиновением: ответ Дж. Го; Фавел А. (Постколониальное) возвращение большой теории в американской социологии: Джулиан Го о постколониальной мысли и социальной теории; Валиван С., Капур Н. Социология после постколониальности: ответ на «Мыслить против империи» Дж. Го; Рутазибва О. После инклюзии. Мыслить с «Мыслить против империи: антиколониальная мысль как социальная теория» Дж. Го; Краузе М. Теория точки зрения и теоретизирование среднего уровня в международной социологии; Го Дж. Антиколониальная мысль, социологическое воображение и социальная наука: мой ответ критикам. Приер А. и др. Становление различий: опыт теоретической дискуссии о молодежи и культурном капитале; Оливос Ф., Араки С. Культурный капитал и восприятие отношений студент-преподаватель: раскрытие неравенств в школах Китая; Йегер М.М. и др. Какая культурная иерархия? Культурные вкусы, статус и неравенство; Худде А. и др. Родительство и динамика удовлетворенности жизнью во времена COVID-19; Краевский М. и др. Перед лицом аритмии. Реконструкция времени в пандемию столичными креативными классами Польши; Фило Н., Берри М. «Надо начинать создание того, что называют стадным иммунитетом»: разногласия ученых и информирование публики при пандемии COVID-19; Козловски О. и др. Не слишком ли самоуверенны экономисты? Идеология и неуверенность экспертов; Коллишон М. Гендерное неравенство одного процента: взглядом под капюшон обладателей высоких доходов в Германии.

SOCIOLOGICAL BULLETIN

(журнал Индийского социологического общества)

(April 2023)

- № 2. Умен Т.К. О слабостях индийской социологии: соображения об их исправлении; Гупта Д. Новое в старом: отмечая пятьдесят лет модернизации индийской традиции; Мишра А., Раяпул А. Оценка чести женщинами Jat и мусульманками в Музафарнагаре, Западная Уттар-Прадеш; Триведи П.К. Интересная связь капитала и идентичности неприкасаемых и каст в Индии; Трипати Б.Ч. Встречаясь с рефлексивностью: социологические траектории преподавания социологии в заведениях свободных искусств и наук; Паттири Р. Знакомое и идентичность: рефлексия преподавания социологии онлайн.

КИТАЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(Chinese Journal of Sociology, Шанхай, 2023)

- № 2. Хон Чжу и др. Предпочтение сыновей и риски биологического здоровья китайских женщин среднего и старшего возраста: опыт изучения жизненного пути; Тин-он Вей, Джан-ань Чжан. Преобладание вложений в после-школьное обучение девочек в Китае и логика семейных предпочтений; Ши Люань Ли, Ай Юли. Создают ли подготовительные школы негативные настроения? Каузальная инференция на основе данных Китайского панельного исследования образования (CEPS); Ан-Рань Ли. Маркетинг образовательных ресурсов и личный выбор: проверка эффекта индивидуального подхода в частных подготови-

тельных средних школах; *Тянь Чжан, Яй-и Гао*. Соперничество и игры: учебный результат и цена умственного здоровья и частных подготовительных школах.

JAPANESE JOURNAL OF SOCIOLOGY

(2023. Vol. 32)

№ 1. Спецвыпуск. Японский опыт крупных катастроф. *Кеичи Сато, Хидехиро Яамато*. Новый взгляд на 3/11 и далее; *Шигеёши Танака*. Великое Восточно-японское землетрясение и цунами: самые высокие потери и самые крупные фонды восстановления – характеристики крупных катастроф и будущие вызовы развитым странам; *Рина Коидзима*. Реконструкция и устойчивость после Фукусимы: критический анализ ядерного риска и катастрофы; *Рейко Секи*. Страдания в Фурусато: потери эвакуированных после катастрофы на атомной станции Фукусимы; *Чигайя Киносито*. Историческое значение пост-фукусимских социальных движений: кризис гегемонии в послевоенной Японии и префигуративная политика 2010-х гг.; *Кикуко Нагайоши, Тате Кихара*. Экономические достижения иммигрантов в Японии: проверка роли человеческого капитала, связанного со страной исхода и спецификой принимающей страны, на негибком рынке труда.

SOCIOLOGICAL THEORY JOURNAL

(2023)

№ 2. Козеровская лекция. *Криппнер Г.Р.* Без маски: опыт истории индивидуализации рисков; *Бхардвадж А.* Почвы черного народа: Теории экологической расовости У. Дюбуа; *Пачевич Дж.* Когда популизм хорош для либеральной демократии; *Брубейкер Р.* Уход, голос и гендер.

JOURNAL OF CLASSICAL SOCIOLOGY

(2023)

№ 2. Спецвыпуск. Долгий путь в рай. Столетие Андре Горца. *Грантер Э. и др.* Вступление: отмечаем жизнь и труды Андре Горца. Статьи. *Шёнебум А. и др.* Вещи, которые остаются: общественные сады и возможные виды проведения свободного времени; *Стипинска Д.* «Лицом ко времени распада... – О экономической рациональности и воображении»; *Аббинетт Р.* Горц и Штиглер: Политика, экология и негантропоцен; *Грантер Э., Аралес Р.* Кризис и утопия: Андре Горц и конец труда; *Харрис Н. и др.* Андре Горц и современная критическая теория Франкфуртской школы: отчуждение, эко-социализм и пост-продуктивизм; *Джиллох Г.* «Цапля»: девять шагов прошлой жизни: *Кан Яэо*. К критической социальной теории ИИ: знание, информация и интеллект в поздних трудах Андре Горца; *Шиппен Н.М.* «Свободу бесполезному обучению!»: критическая рефлексия конца труда и учебы.

Подготовил Н. ВИКТОРОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2023. Т. 29)

№ 2. *Корсунова В.И., Соколов Б.О.* Динамика поддержки эмансипативных ценностей в России в ходе пандемии COVID-19; *Тимошкин Д.О., Пчелкина Д.С., Самарин А.С., Хворостов В.В., Тамилин Р.В.* Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корее); *Гаврилюк Т.В., Погодаева Т.В.* Переход к обучению по индивидуальным образовательным траекториям в оценках студентов и преподавателей (на примере Тюменского государственного университета); *Шмерлина И.А.* Философия славянофильства и субъективная школа в социологии: опыт компаративного анализа; *Погосян Г.А., Рогозин Д.М.* «Для многих из нас он явился своего рода проводником в мир высокой профессиональной социологии» / Интервью подготовил *Д.М. Рогозин; Гринин Л.Е., Гринин А.Л., Коротаев А.В.* Глобальное старение как интегральная проблема будущего; *Дежина И.Г.* Научная политика в России в 2018–2022 гг.: противоречивые сигналы; *Маликова Н.Н.* К 100-летию со дня рождения Л.Н. Когана. Социолог как объект музейного дискурса. *Семенов Е.В.* Национальная сеть научных журналов как система: проблемы до и после санкций; *Денисова-Шмидт Е.В.* Прикладные аспекты применения теории лакун.

МИР РОССИИ: СОЦИОЛОГИЯ, ЭТНОЛОГИЯ

(2023. Т. 32)

- № 3. Стрельникова А.В., Веригина Т.Е. Город технологичный или город «удобный»: урбанистические тенденции и их воплощение (на примере Москвы); Селеев С.С., Моляренко О.А. «Металлоискатель купил и понеслось...»: устройство и практики приборного поиска в России; Воронина Н.С. Гендерный аспект цифрового неравенства в России: результаты эмпирического анализа; Колбина Е.О. Рождаемость в России: кого и как стимулирует демографическая политика? Епихина Ю.Б. Благополучие как показатель субъективной мобильности; Алексеева (Калиновская) П.А. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодежи.

ЖУРНАЛ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

(2023. Т. 26)

- № 2. Розов Н.С. Построение объяснительных теорий в исторической социологии: реконструкция «историй успеха»; Головин Н.А., Русанова В.С. Проблемы формирования логико-смыслового метода П.А. Сорокиным в контексте историософии О. Шпенглера и А. Тойнби; Козырева П.М., Смирнов А.И. Потребность в информации о здоровом образе жизни и уроки пандемии коронавируса; Нацун Л.Н. Доступность дополнительных занятий и их влияние на развитие детей дошкольного возраста; Донецкая С.С., Третьякова В.А., Тарутин В.В. Современный российский репетитор: профессиональный портрет, стимулы и стратегии деятельности; Пинчук А.Н., Тихомиров Д.А., Каропова С.Г., Литовко М.А. Карьерные стратегии работников сферы интеллектуальных деловых услуг (на примере московских компаний); Селиверстова Н.А., Зубок Ю.А. Религиозная самоидентификация молодежи в воспроизводстве социокультурного механизма саморегуляции; Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Конфигурации полей общественных движений: конструирование «малых» и масштабных результатов деятельности; Макарова Г.И. Отношение к городу и миграционные установки жителей нестоличных промышленных городов Татарстана; Елютина М.Э. Концептуальная метафора старости.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

(2023. Т. 22)

- № 2. Волков В. Проблема необратимости; Каплун В.Л. Миф Дюркгейма: что Витгенштейн и Райл могли бы сказать о пригодности основных понятий социальных наук; Граса Ж.К. Writing Sociology: Writing History; Кильдюшов О. Между этосом научности и полицией нравов: Макс Вебер как полемист; Вебер М. (пер. с нем. О. Кильдюшова). Первая антикритика на «Дух капитализма»; Краевский А. Концептуальные основания социологии права П.А. Сорокина и М. Вебера; Замятин Д. Постгород (IV): политики сопостранственности и планетарные онтологии; Тимошкин Д. Национализм, чистота и опасность: «cross-border intimacy» в российских цифровых медиа; Веркеев А., Серебренников Д. Жертвы своего страха: субъективная безопасность и опыт виктимизации в России; Валеро-Мантас Х.-А., Муньос-Сандоваль К.А. Fear of crime: The concept's evolution from 2001 to 2021; Киенко Т. Социальное участие людей старшего возраста: подходы к анализу и инструменты оценки; Рождественская Е., Семенова В. «Польский крестьянин в Европе и Америке»: социально-политические, биографические и научные контексты.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

(2023. Т. 11)

- № 2. Тихонова Н.Е., Дудин И.В. Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы; Кузнецов И.М. Патриотизм региональной молодежи в социологическом измерении (на примере Пензенской области); Чумиков А.Н. Медиация в системе конфликтологии социальных отношений: состояние и перспективы развития; Ефимова Г.З. Профессиональная самопрезентация научно-педагогических работников в виртуальных социальных сетях; Журавлева Е.В., Петренко Е.С. Ответственность индивида за здоровье: паттерны поведения; Каж-

нов О.А. Предыстория электоральной социологии в дореволюционной России: опыт междисциплинарного анализа; *Гречаная О.А., Орлов Д.А.* Чрезвычайное волонтерство: современные проблемы и перспективы развития.

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ

(2023. Т. 14)

- № 2.** *Аксенова О.В.* Тренды российской современности: эмпирика и теоретизация; *Осипов А.М.* Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюрократологий; *Кукушкина А.Г., Осипова А.А.* Ролевые модели работников образования в контексте современных бюрократологий; *Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Надуткина И.Э., Шаповал Ж.А.* Исследование или расследование: перспективы социологии высшего образования в условиях бюрократизации и коммерциализации; *Дятлов А.В., Ковалёв В.В.* Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджерских инструментов; *Шуклина Е.А., Певная М.В., Минченко Д.В.* Влияние образования на молодёжные волонтерские практики в условиях современного когнитивного противостояния: на примере анализа Херсонского кейса; *Чой В.И.* Исследование взаимного восприятия Республики Корея и России с 2016 по 2021 год; *Барсова Н.С., Подъячев К.В.* Участие советских специалистов в создании египетской национальной хореографической школы как проявление культурной восприимчивости; *Пузанова Ж.В., Ларина Т.И., Сычева О.А.* Проблема суицидального поведения в студенческой среде: опыт эмпирического исследования; *Панфилова А.О.* Проблема одиночества в урбанистической среде: опыт городов российского Дальнего Востока; *Гречаная А.А.* Представления россиян и европейцев о гендерных ролях в контексте проблемы гендерного неравенства: сравнительный анализ на данных Европейского исследования ценностей EVS.

ВЛАСТЬ. ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

(2023. Т. 31)

- № 3.** *Воронкова О.А.* Социально-сетевые основания поиска консенсуса в посткризисный период; *Парма Р.В.* Патриотические настроения студенческой молодежи в современной России; *Надуткина И.Е., Конев И.В., Каменева Т.Н., Знахарчук Ф.Р.* Факторы формирования гражданской активности молодежи в условиях геополитической нестабильности; *Махиянова А.В., Сагетдинов А.Ф.* Взгляд на неформальную занятость молодежи через призму социологического исследования; *Стегний В.Н.* Жизненный успех в представлении студентов технического вуза в условиях цифровизации и пандемии COVID-19; *Шилов В.В., Ветошкина И.В.* Студенты технического университета о роли иностранного языка и проблемах при его изучении; *Пещеров Ю.Г., Пещеров Г.И.* Роль политических институтов в стратегическом управлении регионами в зависимости от климатических условий; *Добрынина М.В.* Политика профилизации в образовании и социальное неравенство; *Титова Г.Д.* Неоклассическая экономика: горькие плоды господства США; *Цзысюань Чжан.* Политический национализм и мультикультурализм в современном националстроительстве; *Ахмедова А.Ф.* Этическая составляющая государственных решений в современном политическом процессе; *Расторгуев С.В.* Концепт «патриотизм» в современном идеологическом пространстве России. *Савичев В.Л., Сафин М.И.* Ценностная платформа для идеологий информационного общества; *Романцова М.А.* Особенности процесса политического мифотворчества в постсоветский период; *Янглева М.М.* Метасмысл «власть» в зеркале политической медиагеографии; *Ли Сюй, Ван Цзянтао.* Народная демократия во всем процессе: история, теория, открытия; *Ежов Д.А.* Хайп-технологии в парламентской деятельности: актуальные тенденции; *Груничев М.М.* Аналитический обзор основных подходов, тенденций и противоречий в понимании Smart City в современном политическом дискурсе; *Попова Т.С.* Генезис политического лидерства; *Михайленок О.М., Малышева Г.А.* О цифросетевых аспектах милитаризации российского общественно-политического пространства; *Мяташова Д.О.* Место цифровых угроз в современной концепции человеческой безопасности; *Мажников В.И.* Региональное измерение модернизации российской избирательной системы; *Данилова Е.А., Мартемьянов Д.С.* Эффективность современных электоральных технологий политических партий РФ; *Тимофеев В.И., Тимофеев О.В.* Публичные страницы в социальных сетях как инструмент информирования общественно-

сти в армиях иностранных государств; Гуляев А.А. Новая партия в Государственной думе; Шундич М., Домбровская А.Ю. Трансформация имиджа российской внешней политики в медиа стран бывшей Югославии в период с 2014 по 2022 год; Веремчук И.И., Крутилин Д.С., Ераносян В.М. Информационное противоборство в военно-социальном управлении; Реутов Е.В., Захаров В.М., Виноградская С.А., Реутова М.Н. Сценарии демографического развития сельских территорий регионов Центрального Черноземья в условиях специальной военной операции; Трубина Ю.А., Панасюк А.А. Роль закупочной деятельности в реализации концепции устойчивого развития региона; Цыденов А.Б. Региональные особенности социальной идентичности в Республике Бурятия; Зверева М.М. Социальные экологические практики жителей города в рамках структурного конструктивизма и культурного антропологиза; Берендеев В.А., Рыбкина О.С., Устинкин С.В., Фоменков А.А. Анти-Нордстрём: критика отдельных положений адептов урбанизации; Печищева Л.А. Цифровая политика как инструмент «мягкой силы» Индии во взаимодействии с Германией; Бутакова Н.А., Довбуш Т.Н., Евграфова И.В. Международно-правовые и экономические аспекты развития Арктики; Слуцкий Л.Э. Целый товарооборот Российской Федерации и Республики Таджикистан в 1992–2022 гг.; Паламаренко Е.В. Предварительные итоги торгово-экономических отношений России и Турции в постпандемийный период; Хлопов О.А. Россия в энергетической политике Турции; Седаев П.В., Устинкин С.В., Кочкуров А.С. Актуальность геополитических взглядов В.И. Ламанского и И.И. Дусинского на идеи панславизма; Курас С.Л., Курас Т.Л. Деятельность судов Российской империи и органов исполнения наказания на страницах «Вестника права» (вторая половина XIX – начало XX в.); Заводсков И.Н. Система допризывной подготовки молодежи к воинской службе в СССР в 1930-е гг.; Азимов Ф.А. От внутренней стражи к войскам национальной гвардии России: периодизация генезиса их юридической службы; Крылова Э.А. Дискуссия о будущем русского флота по окончании Крымской войны (1856 г.); Карсанова Е.С. Современные контуры швейцарского нейтралитета; Чуняев А.М. Синизация как исторический инструмент «мягкой силы» Китая; Баяртуев А.Л. Становление и развитие организационной структуры здравоохранения МНР (1920–1960 гг.); Немчинова Т.А. Белое движение Сибири: к теме власти в документальных публикациях 1990 – нулевых годов.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ

(2023)

- № 2.** Бирюкова С.С., Козлов В.А. Демографические исследования в современном контексте: долгосрочные тренды развития и влияния внешних шоков; Казенин К.И., Митрофанова Е.С. Изменения в рождаемости на фоне пандемии COVID-19: опыт исследования российских регионов; Макаренцева А.О., Бирюкова С.С. Факторы, устойчивость и реализация репродуктивных намерений в России; Калабихина И.Е., Кузнецова П.О. Неоднородность населения по числу рожденных детей: существует ли «порядковый переход»? Голева М.А. Переход к родительству в перспективе супружеских отношений: на примере интервью с молодыми родителями; Пруцкова Е.В., Павлюткин И.В., Борисова О.Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне европейских стран: эффект социального контекста; Харконен Ю., Биллингсли С., Хорнунг М. Тренды разводимости в семи странах в течение продолжительного транзита от государственного социализма: 1981–2004 гг. / Пер. с англ.; Карцева М.А., Кузнецова П.О. Здоровье, доходы, возраст: эмпирический анализ неравенства в здоровье населения России; Синявская О.В., Козлов В.А., Гудкова Т.Б. Финансовые и инструментальные трансферты в семьях пожилых респондентов России и Эстонии: есть ли этнокультурные различия? Миронова А.А. Родственный уход: работать нельзя ухаживать? Мониторинг мнений: март – апрель 2023 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения; Вакуленко Е.С. Эффекты периода, возраста и когорты в динамике рождаемости россиян 1990–2021 гг.; Юмагузин В.В., Винник М.В. Оценка качества статистики смертности по причинам в регионах России; Мальцев М.А. Опыт авторства в социологии: баланс между институциональными канонами и индивидуальным стилем; Кирзюк А.А., Архипова А.С. «Обмыть» и «проставиться»: советские ритуалы редистрибуции услуг.
- № 3.** Резаев А.В., Трегубова Н.Д. От социологии алгоритмов к социальной аналитике искусственной социальности: анализ кейсов API и ChatGPT; Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Алиса, ты сле-

дишь за мной? Восприятие конфиденциальности в нарративах пользователей «умных» колонок; *Гаврилина Е.А.* Агентность не-человеков: взаимодействие людей и социальных роботов; *Космарский А.А., Гордийчук Н.В.* Изучение профессиональных репутаций как игра: социология знания, теория игр и токенизированные реестры; *Моисеев С.П., Щеглова Т.Е., Мальцева Д.В., Жнидаршич А., Баггия А., Вербер В., Беванда В.* Мифы и убеждения о медицинских микрочипах-имплантах в России, Украине и Словении; *Серебренников Д.Е.* Инфраструктура как камера-обскура социальных классификаций: системы городского видеонаблюдения в малых городах; *Белоусов А.Б., Давыдов Д.А.* Городские конфликты и трансформация локального политического режима в Екатеринбурге; *Рассолова Е.Н., Галкин К.А.* Новые практики городского активизма в постиндустриальном российском городе; *Литвинцев Д.Б., Абрамова Н.В., Романов Д.С.* Раздельный сбор мусора: институциональные проблемы формирования проэкологических практик повседневности; Мониторинг мнений: май – июнь 2023. Всероссийский центр изучения общественного мнения; *Балацук Е.С., Гладченко Е.А.* Социальный капитал молодых предпринимателей в условиях пандемии COVID-19: на примере владельцев крафтовых пространств Санкт-Петербурга; *Куницына Н.Н., Дюдикова Е.И.* Масштабы занятости в неформальном секторе экономики: парадоксы измерения; *Авдеенко Н.А.* Имплементация обучения на основе проектов в школе: анализ высказываний учителей в контексте системной модели креативности; *Тангалычева Р.К.* Феминистская волна в женском кинематографе Южной Кореи.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

(2023. Т. 24)

- № 3.** *Куракин Д.Ю., Латыпов И.А.* Экосистемы выбора: о некоторых ограничениях теории рационального выбора и стратегии их преодоления; *Верников А.В., Курышева А.А.* Отношение к жизни не по средствам в русских пословицах и поговорках; *Катц Б., Новак Дж.* Новый локализм / пер. с англ.; *Лаврусевич П.Е.* Жить бором или жить в бору: практики собирательства и присвоение пространства (кейс Караканского бора); *Полынская Г.А.* Применение методики связанных ассоциаций для выявления эмоциональной компоненты на примере исследования удовлетворенности посетителей сегмента «бар». Анализ результативности применения.

ПОЛИС. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

(2023)

- № 3.** *Чебанкова Е.А.* Новый мировой порядок: реставрация или моральная революция? *Дегтярев Д.А., Пискунов Д.А., Еремин А.А.* 5G-конкуренция США и КНР в странах Латинской Америки: у истоков технологического декаплинга; *Моисеев Д.Э.* Преимущества организационной теории Александра Богданова в объяснении трансформации Европейского союза; *Кудряшова И.В., Козинцев А.С.* Попутчики поневоле: исламские партии и арабское национальное государство в свете теории размежеваний; *Алимджанов А.А.* Понятие «независимость» в официальных выступлениях глав государств Центральной Азии; *Крылов А.В., Федорченко А.В.* Израильско-украинские отношения в контексте новой геополитической ситуации; *Габдрахманова Г.Ф.* Институционализация российской национальной школы в поле политики (на примере саха- и татароязычных школ республик Саха (Якутия) и Татарстан); *Гайворонский Ю.О.* «Раздельное голосование» на федеральных парламентских выборах в России (на примере Государственной думы VII созыва); *Турченко М.С.* Инструменты субординации и качество предоставления публичных услуг: кейс-стади Петрозаводска, 2016–2021 гг.; *Кондратенко К.С.* Индетерминация, изоморфизм, устойчивость, системная модель политического процесса в условиях цифровой трансформации; *Кравченко С.А.* Диагностика рисков становления новой России: запрос на интегральное и сугубое знание в сфере социально-политических наук.

СОЦИОЛОГИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

(2023. Т. 14)

- № 2.** *Соболев В.С.* Дневник академика А.В. Никитенко как источник по истории Санкт-Петербургской академии наук (1853–1877); *Скворцов А.М.* Т.А. Лукина и становление историко-биологических исследований в ленинградском отделении ИИЕТ АН СССР; *Дмитриев И.С.* Теологические ипостаси натуральной философии в эпоху Просвещения; *Визгин В.П.* К столетию со дня рождения В.Б. Адамского, не только «термоядерного теоретика», но также историка атомного проекта и науки вообще; *Родный А.Н., Желтова Е.Л.* Историки и социологи науки: вместе и порознь; *Игнатьев В.И., Спиридонова К.И.* Проблема техноантропной дихотомии проекта «социальный робот»: онтосинтез в коммуникации; *Михайлов О.В.* «Квартильный» импакт-фактор научных журналов; *Гринёв А.В.* Проблема наукометрической дискриминации российских гуманитариев; *Тростянская И.Б., Дёмина А.И., Паркачева В.Л., Гришакина Е.Г.* Оценка актуальности предпринимательской повестки сквозь призму наукометрии; *Карих Р.Д.* Анализ дискуссии на тему открытой науки в российском научном поле; *Kart E., Adas E.B.* New Technologies and Labor Market: A Look into the Future of Jobs and Employment.

Подготовил А. ЗОТОВ

ПАМЯТИ КРАСИНА ЮРИЯ АНДРЕЕВИЧА

(07.06.1929–02.06.2023)

В июне на 94-м году после продолжительной и тяжелой болезни ушел из жизни доктор философских наук, профессор, Почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН Юрий Андреевич Красин. Своей творческой научной деятельностью он заслужил право быть общепризнанным советским и российским ученым, блестящим исследователем, прекрасным педагогом, способным организатором научного коллектива, которым руководил на протяжении четверти века в Институте социологии РАН. Это большая и невосполнимая утрата для всей сферы гуманитарных наук нашего общества.

Юрий Андреевич прошел долгий творческий путь в науке: золотая медаль (школа, Пенза), красный диплом (философский факультет Ленинградского университета, 1952); доктор философских наук (1965), профессор; с 1952 по 2013 г.

успешно осуществлял преподавательскую деятельность.

Ю.А. Красин известен как видный организатор науки, руководитель научной и педагогической деятельностью таких авторитетных центров, как Академия общественных наук (проректор по науке), Институт общественных наук (ректор), Фонд социально-политических исследований, Центр социальных программ, Горбачев-фонд. Он был великолепным лектором и педагогом. Многие представители современного научного знания – философии, политологии – являются учениками Красина. Он стал одним из основоположников (вместе с Г.Х. Шахназаровым, Ф.М. Бурлацким, А.А. Галкиным) отечественной политической науки. Долгие годы являлся неизменным членом Президиума Российской академии политической науки (РАПН), а затем и ее почетным членом; внес значительный вклад в становление и развитие отечественной ассоциации политологов: долгие годы руководил Исследовательским комитетом РАПН по публичной политике.

С 1993 по 2017 г. Ю.А. Красин трудился в Институте социологии РАН, много лет возглавляя Отдел анализа социально-политических процессов. Его перу принадлежат свыше 600 научных работ, из которых более трех десятков индивидуальных монографий. Он получил известность своими трудами по теоретическим проблемам общественной трансформации. Сфера его научных интересов отличалась многообразием: социальные революции, реформационные процессы, общественно-политические движения, демократия и гражданское общество, публичная политика, проблемы модернизации российского общества и инновационный тип развития, глобализация и мировая политика. Его работы стали классикой отечественной политической и философской мысли: «Проблемы революции и современность» (1967), «Социология революции» (1972), «Россия на перепутье. Авторитаризм или демократия» (в соавт. с А.А. Галкиным, 1998), «Публичная политика в России» (2005), «Метаморфозы российской реформации» (2009), «Идеологический плюрализм и метаидеология нового гуманизма» (2015).

В последние годы Юрий Андреевич особое внимание уделял вопросам плюрализма общественного сознания и нового гуманизма, считая, что сегодняшнее общественное сознание представляет собой гибрид прошлого и будущего. Эта позиция нашла отражение в коллективном труде под его руководством «Разум на распутье» (2017). А незадолго до

ухода из жизни он издал свой завершающий труд «Ростки из-под асфальта» (2022). Это рассказ о ростках творческой мысли, которые благодаря умелому руководству и опеке Юрия Андреевича пробивались сквозь асфальт официальной идеологии той поры, наглядно продемонстрировав, что можно быть творческим человеком и не прогибаться под давлением догматического мышления, навязываемого официальной пропагандой.

Но это не единственный факт признания высокого научного и творческого успеха Красина, его неутомимости в научном поиске, наполненности новыми замыслами. Он стал лауреатом Государственной премии СССР, лауреатом Ломоносовской премии Московского государственного университета; был награжден орденами «Знак Почета», Дружбы народов, медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда».

И, наконец, Юрий Андреевич был человеком, можно сказать, абсолютной нравственности и высочайшей человеческой порядочности. И оставался таковым при любой смене политических ветров, эпох и правителей.

Юрий Андреевич Красин надолго останется в памяти нашего ученого мира, в памяти и сердцах тех, кто имел счастье знать его лично, работать с ним, учиться у него и дружить с ним.

Коллеги, друзья, ученики

ПРОЩАЙТЕ, ЮРИЙ АНДРЕЕВИЧ!

Злоупотребляя положением зам. главного редактора журнала, пишу несколько прощальных строк в связи с уходом из жизни Ю.А. Красина. Надеюсь, их опубликуют.

Думая о нем, вспоминаю слова Пушкина о Чаадаеве: «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, а здесь он офицер гусарский». «Здесь» в СССР, в КПСС он был по сталинской шкале конца 1930-х гг., когда все были «солдатами партии», вроде комбрига партии (как института), комбрига симоновско-папановского (см., кто не смотрел, к/ф «Живые и мертвые»).

Близки мы не были. Было шесть встреч, пересечений на пути жизни ученого в науке – для меня знаменательные, запомнившиеся значимостью как факты истории СССР и КПСС. В них запечатлелись время, институты, люди, страна, партия, партийная наука об обществе, – в рамке «однопартийной многоподъездной системы». Вот эти «встречи» с Юрием Андреевичем.

1. В 1965 г. попалась его вышедшая в Ленинграде книга (формат «Ученые записки»); почитав ее, понял, почему его взяли на работу в ЦК КПСС. Книга резко выделялась на фоне близкой по тематике продукции того времени – вскоре книга была дополнена и переиздана как «Ленинская теория социалистической революции».

2. Ю.А. Красина помянули в 1968 г. при защите мною диссертации. Меня спросил руководитель совета: «На Красина ссылаетесь?». Опасный вопрос – сразу подсказало сознание. На банкете спросил мэтра, что он имел в виду. Ответил: «Ревизионист он».

3. 1969 г. – Лекция Красина в Институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова о положении в международном коммунистическом движении. Проблемой Красин владел блестяще; соблюдал установки по щепетильным вопросам.

4. 1977 г. – АОН при ЦК КПСС. Красин – руководитель кафедры, председатель ученого совета. Совет проводит повторную защиту скандально сорванной при первой попытке защиты диссертации «Государство Израиль: экономика, политика, идеология». Могла быть подстава, провокация и против Академии общественных наук, и лично против председателя ученого совета. Красин с честью решил задачу; защита длилась с 15.00 примерно до 22.00. Он раз за разом не уставал повторять: «Давайте обсуждать диссертацию». Голосование – единогласно – «за».

5. 1980-е гг. – Красин, проректор АОН, организует издание бюллетеня о положении в МКД и современной марксистской мысли – для служебного пользования, в синей

обложке с указанием на номер экземпляра на первой странице обложки: пусть думают, как оно обстоит на самом деле. Не стремился к популярности у слушателей, коллег, делал свое дело на высшем уровне. Был в пятерке, если не в тройке, самых сильных ученых АОН – по моей личной шкале.

6. 1985 г. – Эпизод в Гори (Грузия, место, где родился Сталин). В составе группы работников АОН, гостей республики, два проректора; прием у первого секретаря райкома. Гостеприимство без границ. Дело к концу, хозяин намекает, что нужен тост за человека, сделавшего Гори местом, известным во всем мире. Один из проректоров склоняется к позиции хозяина. Но раздается голос Красина, после чего вопрос не дискутировался: «Есть постановление ЦК».

В качестве ректора Института общественных наук при ЦК КПСС («международная ленинская школа» – во времена Коминтерна) он был, полагаю, на месте – во всяком случае, для слушателей из МКД; нашу страну, партию достойно представлял. Уже в Институте социологии РАН по моей просьбе написал статью к 200-летию К. Маркса. И вот его не стало.

Уходит время. Страна ушла. Уходят свидетели того, как это было.

Прощайте, Юрий Андреевич!

Н.В. Романовский

ПАМЯТИ СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ШАВЕЛЯ

(17.10.1940–19.08.2023)

На исходе лета ушел из жизни известный белорусский социолог, доктор социологических наук, профессор Сергей Александрович Шавель. Со студенческой скамьи философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где Сергей Александрович определился со специализацией, социология стала его судьбой. Классический ученый, он всю свою творческую жизнь работал в академическом институте: научным сотрудником, заведующим отделом, заместителем директора по научной работе Института социологии Национальной академии наук Беларуси. На заре возрождения социологии Сергей Александрович руководил сектором прикладной социологии в Белорусском государственном университете. Человек эпохи возрождения отечественной социологии С.А. Шавель учился сам и учил других, был человеком большого таланта и необыкновенного трудолюбия, стал при жизни неформальным лидером бело-

русских социологов, заслуженно пользовался большим научным авторитетом у социологов многих поколений, был примером порядочности и чести.

Сергей Александрович прожил большую, трудную, но во многом счастливую жизнь. Родился он в крестьянской семье. В 1958 г. он поступил в Выборгское авиационное училище, после окончания в 1961 г. начал свою трудовую биографию техником Кременчугского вертолетного училища. Однако любовь к философии привела его в 1964 г. на философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Сергей Александрович учился и работал одновременно, десять раз был в строительных отрядах МГУ. Кандидатскую и докторскую написал, не отрываясь от насыщенной научной жизни, совмещал научную и преподавательскую деятельность, много работал по хозяйственной тематике и постоянно совершенствовался.

Энциклопедически образован, с аналитическим складом ума, знающий жизнь не по учебникам, пришел Сергей Александрович в социологию. В каждом коллективе, где он работал, заслуженно становился интеллектуальным лидером. Внимателен к коллегам, скромно, талантливо, учил своим примером.

Наука у него всегда стояла на первом плане. С.А. Шавель много сделал, чтобы раскрыть потенциал социологии как науки о жизнеспособности социума, которая в состоянии дать ответы на новые вызовы времени. В своих трудах он рассматривал методологические аспекты социологического изучения современного общества: ценности, мотивы деятельности человека, его социальные ожидания. Им была проведена реконструкция социальной сферы в исторической динамике, обоснован сферный подход в социологической теории, раскрыты его императивы. Благодаря таким подвижникам, как С.А. Шавель, удалось сохранить и приумножить наработки предыдущих поколений, а главное – не утратить научные связи, лучшие традиции, профессиональную этику.

С.А. Шавель хорошо понимал, что функционирование современного социума, особенно в условиях глобальной нестабильности, предполагает преодоление большого числа рисков и новых вызовов. По мнению С.А. Шавеля, идеал современного общества определяется уровнем социальной справедливости, стабильностью социального положения населения страны и устойчивого гарантированного будущего.

Меньше всего Сергей Александрович думал об удачной карьере. Он был счастлив, что работал по призванию в полном согласии со своей совестью. Сила его духа была не в позе, имитации некой активности, а в естественном объективном исследовании социальных явлений, за которым стоял его талант, колоссальная работоспособность и громадная ответственность.

Сергей Александрович Шавель горячо любил свою родную Беларусь, чтил учителей, родителей, свою большую и дружную семью, сыновей и внуков, искренне был предан своей малой родине – небольшой деревеньке Герутево, которая затерялась на Гродненщине среди Свислочских полей и дубрав.

Мы будем всегда помнить доброту и уроки жизни нашего Учителя и Друга, социолога от Бога Сергея Александровича Шавеля, разделяя его веру в человека, профессию, идеал общества и родную Беларусь.

А.Н. ДАНИЛОВ,
чл.-корр. НАН РБ,
Минск, Беларусь

SOCIOLOGICAL STUDIES

Monthly

2023 No. 9

CONTENTS

XXV KHARCHEV READINGS

- 3 DEMIDENKO S.Yu., ROMANOVSKIY N.V. Theoretical Understanding of Social Reality:
the 25th Anniversary of Kharchev Readings
- 16 DEVIATKO I.F. AI Value Alignment and Sociology of Morality

SOCIAL POLICIES. SOCIAL STRUCTURE

- 29 MERSIANOVA I.V., BRIUKHNO A.S. Russian Citizens' Social Mood,
its Structure and Influence on Helping Behaviour
- 41 KOLESNIK N.V. Economic Elite of Crimea after 2014

SOCIOLOGY OF YOUTH

- 51 CHEREDNICHENKO G.A. Changes in Youth After-school Trajectories: Social Differentiation
- 63 DIDKOVSKAYA Ya.V., TRYNOV D.V., CHISTYAKOV P.A. Students' Professional Strategies
in the Context of the Image of the Social Future

CHAIR. CONSULTATIONS

- 78 ZYRYANOV V.V. Doctoral Dissertations in Sociology in 2012–2022 in Russia: Topics, Trends, Issues
- 89 Doctor's Dissertations in Sociology Approved by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation 2012–2022

ANNIVERSARY

- 103 ZBOROVSKY G.E. is 85
- 104 DOKTOROV B.Z. "Throughout My Life in Sociology, I Carried an Interest and Love For It"
(interview with G.E. Zborovsky)
- 115 SINELNIKOV A.B. is 70
- 116 Congratulations to A.E. CHIRIKOVA

DISCUSSION. POLEMIC

- 117 DAVYDOV D.A. Techno(Crato)Socialism: a Critical Look at the Ideas of B. King and R. Petty
- 130 KLIUCHAREV G.A. Towards the Future: Continuing Education and its Legitimation in Machine
Execution
- 139 LATOV Yu.V. Is "Technosocialism" Socialism?

ACADEMIC EVENTS

- 149 MUKOMEL V.I., SHCHEGOLKOVA E.Yu. Drobizheva Readings: Ethnic and Social Dimensions
- 153 EFLOVA M.Yu., MAXIMOVA O.A. VI Kazan Sociological Readings

REFLECTIONS ON A NEW BOOK

- 156 KOLOMIETS V.P. Book Transformation: Mediatization of the Collective Experience of Generations

162 JOURNALS' GUIDE

IN MEMORIAM

171 Krasin Yu.A.

174 Shavel S.A.

175 CONTENTS

NEW BOOKS IN SOCIAL SCIENCE (inside front cover)

IN THE NEXT ISSUES (back cover)